

Т. В. Леонтьева

**ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Научный редактор доктор филологических наук Е. Л. Березович

*Рекомендовано Учебно-методическим объединением
по профессионально-педагогическому образованию
в качестве монографии для слушателей
институтов и факультетов повышения квалификации,
преподавателей, аспирантов и других
профессионально-педагогических работников*

2-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2014

УДК 81:39

ББК 81.2

Л47

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. М. Э. Рут (ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А. М. Горького»); канд. филол. наук **А. А. Евтюгина** (ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет»)

Леонтьева Т.В.

Л47 Интеллект человека в русской языковой картине мира [Электронный ресурс]: монография / под ред. Е. Л. Березович. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 272 с.

ISBN 978-5-9765-1867-4

В монографии осуществлена этнолингвистическая интерпретация лексико-семантического поля «Интеллект человека» в русском языке. Особое внимание уделяется мотивационной организации поля.

Данная работа предназначена для специалистов по этнолингвистике, лингвокультурологии, социолингвистике, социологии, для студентов, обучающихся по специальностям гуманитарного профиля (лингвистика, социология, философия), а также для всех, кому интересны особенности языковой репрезентации интеллекта человека.

УДК 81:39

ББК 81.2

ISBN 978-5-9765-1867-4

©Издательство «ФЛИНТА», 2014

Введение

Языковые свидетельства того, как представляет человек себя и окружающий мир, остаются в фокусе внимания лингвистов на протяжении многих лет и составляют один из центральных объектов антропологической лингвистики. Обращаясь к реконструкции различных фрагментов языковой картины мира, одни исследователи работают преимущественно на синхронном материале литературного языка и художественных текстов, другие используют диалектные данные, факты истории языка, общеславянский фон. При этом особенности отражения в языке духовной культуры народа интересны не только филологам, поскольку внутренняя форма слова или буквальный источник идиомы нередко вполне понятны и неспециалистам.

Человек видит себя венцом мироздания, и это отражено в современной русской языковой картине мира, имеющей антропоцентрическую организацию. Центром картины мира, обладающей общими чертами у представителей одного языкового коллектива, является человек с его чувствами, намерениями, чертами характера, способностями и действиями.

Среди явлений, к осмыслению которых человек регулярно обращается, находятся умственная деятельность и характеристики человека по интеллекту, в частности, умственная неполноценность: диал. *У людей дураки в натруску, а наши в набивку* [СРНГ, вып. 19, с. 115]¹, *Хорошой батько: две доли безумные, а треть дурака* [НОС, вып. 11, с. 60]. Дураки и умники всех мастей получают множество наименований, поскольку процесс их названия всегда сопряжен с известным всплеском эмоций.

¹ Сокращенные названия словарей и источников помещены на с. 276 – 278; прочие сокращения представлены на с. 9 – 11.

Высокая степень экспрессии обусловила и привлечение огромного количества образов для выражения ограниченного числа смыслов: «Интеллектуальная деятельность человека является одной из тех сфер процессуально-событийного мира, которые “притягивают” к себе значительное количество метафор, обладают в плане ассоциативно-образных связей большой центростремительной силой» [Воронина, 2000, с. 298]. В зеркале языка мир изменен: материальные объекты, отражаясь в нем, претерпевают метаморфозы, а то, что в действительности увидеть нельзя, приобретает очертания. Носитель языка проводит параллели между объектами интеллектуальной сферы и предметами, их свойствами и действиями из других областей действительности. Ср. диал. *грунт* ‘толк, разум’ [СРНГ, вып. 7, с. 169], *зрячий* ‘умный, дельный’ [Там же, вып. 11, с. 351], жарг. *варить* ‘думать’ [БСЖ, с. 89], жарг. *шевелить колёсами* ‘думать’ [Там же, с. 270]² и др. При помощи такого инструмента, как язык, бесплотное овеществляется: человек делает чувственно воспринимаемыми ум, мысль, размышление, понимание, знание, уровень интеллекта, глупость, безумие, необразованность и многие другие идеальные объекты.

Образные эквиваленты мыслительной способности или операции, глупца или простака запечатлены во внутренней форме слов и денотации идиом. Глупый человек напоминает носителю языка крестьянскую шапку с наушниками, трамвай, лопух, мертвеца, туман, огородное пугало, плохую выпечку, латыша или финна, ребенка или старика, невызревшие зерновые, обезьяну, теленка, остающийся после вычесывания льна мусор и вообще рухлядь, башмак или калошу, необработанную деревяшку, пень или дубину. Умный человек представляется имеющим сходство с деревом, имеющим добротную древесину, с бородой, евреем,

² Здесь и далее паспортизация слов литературного языка и просторечных единиц не приводится; для жаргонных и диалектных лексем указываются значения и ссылки на источник.

сатаной, служащим сената или Синода, размышление – с поиском дороги, родами, хватанием, дроблением, а обучение – с полированием.

Каждое возникающее в сознании носителя языка изображение самоценно, однако, постигая суть мышления, человек привлекает столько образов, что при попытке их обозреть становится необходимым введение тематических объединений согласно областям действительности, которые кажутся носителю языка пригодными для ассоциирования с мыслительной деятельностью или интеллектуальным бессилием человека. Среди сфер, обладающих значительной объясняющей силой при осмыслении рассматриваемых понятий, в том числе отвлеченных, находятся пространство и природа, физиология человека и его речь, социум и мифология, а также различные предметные области – материалы, домашняя утварь, одежда, кулинария, техника. Принцип выбора сфер ассоциирования обусловлен национальной культурой, поэтому можно предполагать идиоэтническую окраску представлений об интеллекте, запечатленных в лексике и фразеологии.

Пополнение поля «Интеллект человека» новыми языковыми единицами, провоцируемое неугасающей экспрессией, не прекращается в настоящее время и, можно предполагать, будет осуществляться впредь. Данная семантическая область неизменно остается притягательной для номинатора вне зависимости от того, является ли он носителем диалекта, жаргона или литературного языка.

Итак, лексико-семантическое поле «Интеллект человека» уникально по объему и составу, представлено во всех формах существования русского языка, отличается высокой экспрессивностью, содержит большой процент образных слов, сохраняет количественное преимущество за словами с «живой» мотивацией и потому служит «идеальным» материалом для когнитивной интерпретации.

Феномен человеческого интеллекта и его явленность в лексике и фразеологии языка всегда вызывали неподдельный интерес у лингвистов,

о чем говорит богатая традиция изучения языковых единиц интеллектуальной сферы. Семантические, прагматические, мотивационные, аксиологические и прочие аспекты анализа лексики поля «Интеллект человека» в русском языке затрагиваются в трудах В. Айрапетяна, Ю. Д. Апресяна, Т. В. Бахваловой, О. Ю. Богуславской, Т. И. Вендиной, В. Г. Гака, М. К. Голованивской, А. А. Зализняк, Л. А. Ивашко, В. И. Карасика, И. М. Кобозевой, М. Л. Ковшовой, Л. Е. Кругликовой, В. А. Плунгяна, Е. В. Рахилиной, М. Э. Рут, Е. В. Урысон и др. Однако русистами пока не предпринимались попытки описать это поле целостно (без введения ограничений по социолингвистическому, территориальному, структурному, грамматическому основанию) и осмыслить его как семантико-мотивационное единство, представляющее собой определенным образом структурированное пространство, развивающуюся систему, варьирующую во времени и социуме.

В настоящей книге границы лексико-семантического поля «Интеллект человека» в русском языке определены достаточно широко. Оно объединяет оценочную и нейтральную в отношении оценки лексику, соотносимую с представлениями об указанном фрагменте действительности. В состав поля включены характеристики человека по интеллекту (*глупый, сообразительный*, диал. *вислоухий* ‘невнимательный, нерасторопный, недогадливый’ [СРНГ, вып. 4, с. 296], *ворохоба* ‘бестолковая женщина’ [Там же, вып. 5, с. 126], *востряк* ‘догадливый, расторопный человек’ [Там же, с. 150], жарг. *головастик* ‘человек, способный к наукам; ученый’ [БСЖ, с. 131]), обозначения мыслительной способности (*ум, сообразительность*, диал. *грунт* ‘толк, разум’ [СРНГ, вып. 7, с. 169]), обозначения интеллектуальных действий (*думать, не соображать*, диал. *облунеть* ‘сойти с ума’ [НОС, вып. 6, с. 93], жарг. *одуплиться* ‘понять что-л.’ [БСЖ, с. 395]). В рамках поля представлены различные по структуре единицы – как цельнооформленные лексемы,

так и фразеологизмы (а в некоторых случаях паремиологические единицы).

В книге собраны факты разных форм существования русского национального языка, преимущественно диалектные, просторечные и жаргонные единицы, так как в них наиболее рельефно просматривается набор образов, используемых для выражения «интеллектуальной» семантики, и стоящих за ними мотивационных признаков. При этом диалектный и жаргонный лексиконы в определенном смысле образуют два полюса рассматриваемого словесного пространства: при наличии общих моделей языковой репрезентации интеллекта и связанных с ним объектов каждый нелитературный вариант общенародного языка имеет собственную специфику в отражении действительности в силу существенных различий в мировоззрении и ценностных установках его носителей. Литературный же язык значительно реже используется для именования элементов интеллектуальной сферы ввиду присущей ей высокой степени экспрессии.

Обширный языковой материал, составляющий поле «Интеллект человека», извлечен из дифференциальных лексикографических источников – большей частью диалектных и жаргонных словарей русского языка. В книгу включены неопубликованные материалы картотеки Словаря говоров Русского Севера [КСГРС], собранной в результате многолетней полевой работы и хранящейся на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (УрГУ). Использованы данные, полученные путем включенного наблюдения автора за спонтанной речью современного города и при помощи опроса, проведенного в 1997–2002 гг. среди студенческой и работающей молодежи (было опрошено около 200 человек в возрасте 18–25 лет); информантам было предложено воспроизвести известные им слова или выражения со значением оценки интеллектуальных способностей человека. Автором монографии собрано около 5000

номинаций со значениями из сферы «Интеллект человека»; в тексте книги представлена лишь часть этого материала.

Названное поле включает в себя два контрастных лексических множества в соответствии с наличием отрицательных и положительных характеристик умственных способностей человека. Значительный перевес в пользу отрицательного полюса закономерен, поскольку «чаще всего оценочные парадигмы организованы асимметрично с отклонением в сторону отрицательной оценки, с широким спектром эмоциональных реакций» [Резанова, 1995, с. 71], а концепт *дурака* к тому же определяется исследователями как «один из наиболее мощных в русской народной культуре» [Ковшова, 1999, с. 166].

Массив лексики и фразеологии, составляющий поле «Интеллект человека», представляет собой семантико-мотивационное единство и потому рассматривается в двух ракурсах. Начальный этап описания лексико-семантического поля предполагает определение его центра и периферии, деление на сектора (они представляют собой группы лексем, имеющих сходство в выражаемой категориально-лексической семме), оценку их объема и продуктивности. Но наибольшее внимание в данной монографии уделяется мотивации в силу уникальности метафорического фонда, обслуживающего эту семантическую область. Анализ сложившейся системы образов помогает выявить сетку приоритетных для номинатора мотивационных моделей. Итогом двухаспектного описания рассматриваемого участка русского лексикона должна стать когнитивно-ориентированная интерпретация избранного лексико-семантического поля.

Настоящая работа построена согласно логике проведенного исследования лексико-семантического поля «Интеллект человека» и включает три главы, в первой из которых дана общая характеристика названного поля, в общих чертах описана его семантическая организация и изложены принципы его изучения. Вторая глава содержит результаты

анализа отобранного лексического и фразеологического материала в мотивационном аспекте, а именно перечень предметно-тематических кодов с подробным описанием выявленных моделей репрезентации в русском языке интеллектуальной семантики. В третьей главе обсуждаются возможности изучения этнокультурного потенциала данного поля, а также дается обоснование правомерности полевого исследования материала с учетом полученных результатов.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В РАБОТЕ

1. В названиях языков и диалектов

англ.	— английский язык
арх.	— архангельские говоры русского языка
астрах.	— астраханские говоры русского языка
белорус.	— белорусский язык
болг.	— болгарский язык
брян.	— брянские говоры русского языка
влад.	— владимирские говоры русского языка
волог.	— вологодские говоры русского языка
волж.	— говоры на территории бассейна р. Волга
ворон.	— воронежские говоры русского языка
дон.	— донские говоры русского языка
др.-инд.	— древнеиндийский язык
енис.	— енисейские говоры русского языка
забайкал.	— забайкальские говоры русского языка
и.-е.	— индоевропейские языки
иркут.	— иркутские говоры русского языка
калин.	— калининские говоры русского языка
калуж.	— калужские говоры русского языка
камч.	— камчатские говоры русского языка
костром.	— костромские говоры русского языка
краснояр.	— красноярские говоры русского языка
крым.-тат.	— крымскотатарский язык
куйбыш.	— куйбышевские говоры русского языка

курск.	— курские говоры русского языка
лат.	— латинский язык
моск.	— московские говоры русского языка
нем.	— немецкий язык
новг.	— новгородские говоры русского языка
новосиб.	— новосибирские говоры русского языка
олон.	— олонецкие говоры русского языка
орл.	— орловские говоры русского языка
пенз.	— пензенские говоры русского языка
перм.	— пермские говоры русского языка
польск.	— польский язык
праслав.	— праславянский язык
пск.	— псковские говоры русского языка
рус.	— русский язык
ряз.	— рязанские говоры русского языка
самар.	— самарские говоры русского языка
свердл.	— свердловские говоры русского языка
сиб.	— сибирские говоры русского языка
слав.	— славянские языки
слвц.	— словацкий язык
смол.	— смоленские говоры русского языка
ср.- урал.	— среднеуральские говоры русского языка
тамб.	— тамбовские говоры русского языка
тат.	— татарский язык
твер.	— тверские говоры русского языка
том.	— томские говоры русского языка
тул.	— тульские говоры русского языка
тур.	турецкий язык
укр.	— украинский язык
урал.	— уральские говоры русского языка
чеш.	— чешский язык
яросл.	— ярославские говоры русского языка

2. Прочие

арест.	— арестантское
--------	----------------

вульг.	— вульгарное
вып.	— выпуск
высок.	— высокое
диал.	— диалектное
жарг.	— жаргонное
ирон.	— ироническое
книж.	— книжное
литер.	— литературное
мол.	— молодежное
муж.	— мужской
напр.	— например
обл.	— областное
перен.	— переносное
простореч.	— просторечное
р.	— род
разг.	— разговорное
род. пад.	— родительный падеж
спец.	— специальное
ср.	— сравни
угол.	— уголовное
удар.	— ударение
устар.	— устаревшее
шутл.	— шутливое

Раздел I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПРИНЦИПЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Глава 1

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА»

Поле «Интеллект человека» объединяет лексику с широким спектром значений³, которые можно свести к сравнительно небольшому числу семем – составных семантических единиц⁴, каждая из которых в нашем случае может быть определена как сочетание категориально-лексической семы, доминирующей и потому занимающей независимую позицию, и минимального набора дифференциальных признаков, зависящих от доминирующей семы и конкретизирующих ее. Семема выделяется методом идентификации из множества близких по семантике слов и потому является родовым понятием по отношению к сгруппированным через ее посредство значениям; иначе – семема представляет собой ядерную часть близких понятий, образующих синонимический ряд.

К примеру, семема ‘интеллектуально полноценный человек’ является основанием для признания синонимами следующих языковых фактов: разг. *умница*, диал. *баловніца* ‘умница’ [СРНГ, вып. 2, с. 85], *глузды́рь* ‘умный человек, умник’ [Там же, вып. 6, с. 209], *гусáр* ‘смекалистый, работающий человек’ [Там же, вып. 7, с. 241], *делéц* ‘деловой ум-

³ Объективная трудность, с которой приходится сталкиваться в ходе анализа, – несовершенство словарных дефиниций, которые приходится брать за основу при выборке материала из дифференциальных словарей.

⁴ Семема, безусловно, включает наряду с лексическими также категориально-грамматические семы (предметность, действие или признак) и лексико-грамматические семы (одушевленность / неодушевленность, конкретность / абстрактность и др.).

ный человек' [Там же, вып. 7, с. 342], *дога́дник* 'о смышленном, сметливом, находчивом человеке' [Там же, вып. 8, с. 86], *еме́ц* 'резвый, смышленный человек' [Там же, с. 356], *жѣг* 'бойкий, находчивый плут, парень-выжига' [Там же, вып. 9, с. 97], *истóиник* 'бойкий, расторопный, проворный, смышленный человек' и 'умный, находчивый человек' [Там же, вып. 25, с. 263], *ко́зырь* 'об умном, самостоятельном человеке, независимом в суждениях и поступках' [Там же, вып. 14, с. 77], *провиду́ха* 'смышленный человек' [Там же, вып. 32, с. 96], *прокура́т* 'смышленный, находчивый, бойкий человек', 'умный, опытный, знающий человек', 'рассудительный, благоразумный человек' [Там же, вып. 32, с. 167], жарг. *баишкан* 'умный, сообразительный человек' [СМА, с. 36], *жид* 'умный человек' [БСЖ, с. 183], *медик* 'сообразительный, хитрый человек' [Там же, с. 344], *рюхач* 'сообразительный, находчивый человек' [Там же, с. 519] и др. Все члены этого ряда имеют следующие компоненты содержания: категориально-грамматическую сему 'предмет', лексико-грамматические семы 'конкретный' и 'одушевленный', категориально-лексическую сему 'человек', дифференциальную сему 'полноценный' и уточняющую ее сему 'по интеллекту'.

Приведем для примера другие семемы поля «Интеллект человека» с соответствующими свободными выборками лексем, располагая их в соответствии с категориально-грамматическими семами (предмет, действие, признак):

- процесс мышления: *раздумье, постижение, осмысление*, диал. *ломани́на* 'умственная работа' [СРНГ, вып. 17, с. 116], жарг. *всос* 'понимание' [СМА, с. 75] и др.;
- продукт мышления, идеальный объект: *мысль, идея, догадка, соображение*, диал. *мы́сел* 'мысль, смысл' [СРНГ, вып. 19, с. 61], *накуме́ки* 'догадки' [Там же, вып. 19, с. 356], *домёк* 'догадка, соображение' [Там же, вып. 8, с. 118] и др.;

- способность мыслить: *ум, разум, здравый смысл, рассудок, смётка*, диал. *бу́ки* ‘разум, память’ [Там же, вып. 3, с. 265], *оса́мка* ‘сообразительность, догадливость, сметливость’ [Там же, вып. 23, с. 352], жарг. угол. *не́феиш* ‘ум’ [БСЖ, с. 382] и др.;

- неспособность к интеллектуальной деятельности: *глупость, тупость, сумасшествие, помешательство, безумие, недогадливость*, диал. *костри́к* ‘дурь, глупость’ [СРНГ, вып. 15, с. 80], жарг. *упёртость* ‘крайнее упрямство и ограниченность’ [СМА, с. 492], *шизёлово* ‘сумасшествие; временное помутнение рассудка, выражающееся в странном поведении’ [БСЖ, с. 689] и др.;

- компетентный, сведущий, образованный человек: *знаток, эрудит*, диал. *зна́ха* ‘человек, который много знает’ [ССХЧ, с. 24], *культу́рник* ‘образованный человек’ [СРГСУ, т. 2, с. 74], жарг. *борода́* ‘знаток, хорошо разбирающийся в учебном материале ученик’ [БСЖ, с. 72], *буква́рь* ‘человек с широким кругозором, эрудит’ [Там же, с. 80], *се́карь* ‘тот, кто хорошо разбирается в чем-л.; компетентный человек’ [Там же, с. 532] и др.;

- задумчивый человек: диал. *ду́мник* ‘о том, кто постоянно думает о чем-л.’ [ССХЧ, с. 54] и ‘задумчивый, молчаливый, угрюмый человек’ [СРНГ, вып. 8, с. 256], жарг. *брахману́тра* ‘странный, погруженный в свои мысли человек’ [СМА, с. 51];

- интеллектуально неполноценный человек: *простак, глупец, дурак, идиот*, диал. *фунды́га* ‘умственно отсталый человек’ [НОС, вып. 12, с. 4], *ка́женик* ‘идиот, чудака’ [СРНГ, вып. 12, с. 34], *увы́рья* ‘дурочка’ [СРГСУ, т. 6, с. 121], жарг. *сту́день* ‘глупый, несообразительный человек’ [БСЖ, с. 572], *кугу́н* ‘умственно отсталый, наивный человек’ [Там же, с. 299] и др.;

- помочь кому-л. выполнить мыслительное действие, воздействовать на интеллект субъекта: *объяснить, внушить*, диал. *натака́ть* ‘учить, советовать, наталкивать на мысль’ [СРГСУ, т. 2, с. 188] и др.;

- (об идеальной субстанции, находящейся извне) воздействовать на субъекта интеллектуальной деятельности, иницируя в нем эту деятельность: *приходить на ум / в голову; озарять, осенять*, диал. *óтдало (кого)* ‘осенило (о внезапно мелькнувшей догадке, мысли)’ [СРНГ, вып. 24, с. 158], *пáлось (кому что)* ‘показалось, подумалось кому-л. что-н.’ [Там же, вып. 25, с. 125], жарг. *тóркнуло* ‘о внезапно пришедшей мысли, осознании чего-л.’ [БСЖ, с. 592] и др.;

- (об идеальной субстанции и о человеке) воздействовать на кого-л., подавляя способность к мыслительной деятельности: диал. *обчеку́рило (кого)* ‘помешался, сошел с ума’ [СРНГ, вып. 22, с. 264], *окочу́рило (кого)* ‘о потере рассудка’ [Там же, вып. 23, с. 159], *обулы́чить* ‘лишить способности здраво рассуждать’ [Там же, вып. 22, с. 251], *пáморки напáли* ‘о невменяемости’ [Там же, вып. 25, с. 185], *обезу́мить* ‘лишить ума’ [Там же, вып. 22, с. 30] и др.;

- интеллектуально полноценный, способный мыслить: *умный, находчивый,мышленый, сметливый, догадливый, понятливый, рассудительный, мудрый*, диал. *клева́шной* ‘проворный, сметливый, разумный’ [СРГСУ, т. 2, с. 28], жарг. *вру́бчивый* ‘понимающий что-л., разбирающийся в чем-л.’ [БСЖ, с. 110] и др.;

- интеллектуально неполноценный: *простоватый, глупый, сумасшедший, безумный*, диал. *сяковáтый* ‘о человеке со странностями: чудаковатый, придурковатый’ (арх.)⁵ [КСГРС], жарг. *уби́тый* ‘о человеке в состоянии помрачения рассудка’ [БСЖ, с. 608] и др.;

- необразованный, несведущий: диал. *тю́пкий* ‘безграмотный, необразованный’ [КСГРС], *сурóвый* ‘необразованный, не сведущий ни в

⁵ Здесь и далее географическими пометами снабжается только диалектная лексика, отобранная из картотеки словаря говоров Русского Севера [КСГРС] (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ), впервые вводимая в научный обиход, а также некоторые языковые факты, привлекаемые для прояснения этимологии и развития значений слова.

чем' [НОС, вып. 10, с. 190], жарг. *стерильный* 'ничего не знающий, не подготовившийся к экзамену, к зачету' [БСЖ, с. 565] и др.

Номинативный арсенал, реализующий какую-либо семему, образует, как уже говорилось, отдельный сектор поля и требует осмысления в отношении объема, то есть количества составляющих его языковых единиц. Каждый из обозначившихся внутри поля секторов имеет больший или меньший сравнительно с другими секторами «номинативный удельный вес», под которым подразумевается количество языковых фактов, выражающих одну семему.

Не хотелось бы преувеличивать значимость количественного превосходства знаков, которыми поименована та или иная семема, над прочими. Во-первых, есть смыслы, которые существенны в картине мира человека даже при отсутствии множества означающих. Сопоставление «единичности» и «массы» заведомо неинформативно, оно не позволяет установить истинные приоритеты. Во-вторых, количественно несопоставимы два множества, различные по качеству, например, если одно из них контрастно другому по критерию экспрессивности. Так, некорректным был бы сделанный только на основании уникальности объема лексико-фразеологического фонда, описывающего интеллектуальную неполноценность человека, вывод о том, что глупость представляется носителю русского языка значимым («судьбоносным») явлением. В-третьих, статистические данные о частотности реализации одной семемы в идеале должны быть соотнесены с оценкой количества словоупотреблений в живой речи, т. е. частотностью употребления слова или фразеологизма на определенном – скажем, современном – этапе развития русского языка. Однако в отношении лексико-семантической группы, большинство единиц которой приблизительно равны по эмоциональному фону, а также в отношении близких по семантике и экспрессии лексико-семантических групп статистический анализ объема секторов, на наш взгляд, вполне уместен.

Сектора разного объема, определенным образом взаимосвязанные, образуют семантическую структуру поля, которое имеет ядерную часть и делится на две полярные области, условно обозначенные нами как лексико-семантические зоны «Ум» и «Глупость» (согласно оппозиции «положительная оценка интеллекта – отрицательная оценка интеллекта»). Первая зона объединяет наименования интеллектуально полноценного человека, его характеристики по интеллекту, а также единицы, описывающие успешно протекающую мыслительную деятельность (рис. 1).

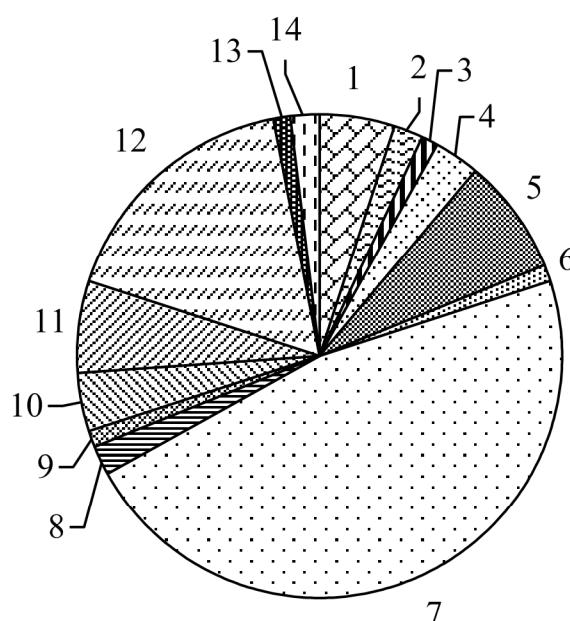


Рис. 1. Состав семем лексико-семантической зоны «Ум»:

1 – способность мыслить (5 %); 2 – мыслительная деятельность как процесс (2 %); 3 – мысль, идея, догадка (1 %); 4 – сведущий в чем-либо человек, знаток (3 %); 5 – человек, обладающий хорошими мыслительными способностями (8 %); 6 – задумчивый человек (1 %); 7 – осуществлять мыслительную деятельность (47 %); 8 – знать, узнавать (2 %); 9 – совершенствовать мыслительную способность (1 %); 10 – приходить на ум (4 %); 11 – помочь кому-либо мыслить (6 %); 12 – способный мыслить (17 %); 13 – задумчивый (1 %); 14 – образованный, знающий (2 %)

Вторую лексико-семантическую зону составляют наименования интеллектуально неполноценного человека, его характеристики по интеллекту и названия «аномалий» мыслительной деятельности (рис. 2).

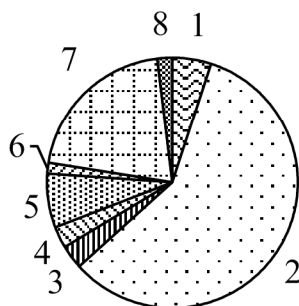


Рис. 2. Состав семем лексико-семантической зоны «Глупость»:

1 – неспособность к выполнению мыслительной деятельности (5 %); 2 – интеллектуально неполноценный человек (58 %); 3 – необразованный человек (3 %); 4 – быть интеллектуально неполноценным (3 %); 5 – становиться интеллектуально неполноценным (7 %); 6 – отрицательно воздействовать извне на мыслительные способности человека (2 %); 7 – умственно неполноценный (20 %); 8 – необразованный (2 %)

Эти семантические комплексы, один из которых по количеству составляющих его лексических единиц более чем в 2,5 раза превышает другой, требуют осмысления как самостоятельные части целостного образования – поля.

Для семантического анализа имеет значение частеречное членение подвергнутого рассмотрению лексического материала, позволяющее выявить набор и соотношение представленных здесь категориально-грамматических сем – ‘процесс, действие’, ‘свойство, характеристика’, ‘абстракция’, ‘персоналия’.

Лексико-семантическая зона «Ум». Среди языковых единиц положительно-интеллектуальной сферы закономерно преобладание глаголов, поскольку мыслительная деятельность суть процесс (рис. 3).

Обратим внимание на то, что значения лексем данной зоны (см. перечень семем на рис. 1) с высокой частотностью содержат дина-

мическую составляющую. Человек мыслящий или способный мыслить вообще редко становится объектом внимания номинатора, отказывающегося от статической характеристики обладателя интеллекта и обращающего свои усилия на выбор названия собственно для способностей человека или для производимых им операций.

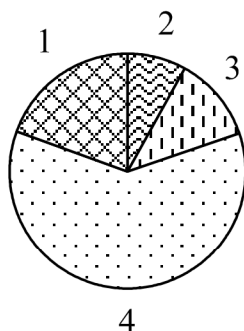


Рис. 3. Соотношение имен существительных (абстрактных и конкретных), имен прилагательных и глаголов в лексико-семантической зоне «Ум»:

1 – имена прилагательные, называющие характеристики (20 %); 2 – абстрактные существительные, называющие способности (8 %); 3 – имена существительные, называющие субъекты интеллектуальной деятельности, т. е. персоналии (12 %); 4 – глаголы, называющие процесс мышления и интеллектуальные действия (60 %)

Не имеют соответствий в отрицательном полюсе поля «Интеллект» следующие значения: ‘процесс мышления’, ‘продукт мышления’, ‘задумчивый’. Они, безусловно, тесно связаны друг с другом. Процесс есть родовая категория для любого вида деятельности. Эта же пропозиция лежит в основе идеограммы ‘задумчивый’, так как это тот, кто часто и длительно совершает мыслительные операции, то есть перманентно находится «в процессе». Наконец, продукт мышления – ожидаемый результат совершаемых интеллектуальных действий.

Велико число наименований мыслительной способности – во многом за счет диалектных единиц: *толк* [НОС, вып. 11, с. 42], *акы́л* [СРНГ, вып. 1, с. 228], *размозо́л* [НОС, вып. 9, с. 93], *ала́бор* [СРНГ, вып. 1, с. 228], *багма́т* [Там же, вып. 2, с. 34], *арт* [Там же, вып. 1, с. 278],

грунт [Там же, вып. 7, с. 169], *докон* [Там же, вып. 8, с. 99], *ён* [Там же, вып. 23, с. 213], *глузд* [Там же, вып. 6, с. 207], *дострёмка* [Там же, вып. 8, с. 149], *максímко* и *максímка* (арх.) [КСГРС], *дошлость* [Там же, вып. 8, с. 165], *мы́сел* и *мысл* [СРНГ, вып. 19, с. 61], *пáморок* [СРНГ, вып. 25, с. 185], *мысль* (муж. р.) [СРНГ, вып. 19, с. 62], *пах* [Там же, вып. 25, с. 285], *поня́тие* [НОС, вып. 8, с. 111], *ро́змысел* [СРГСУ, т. 5, с. 84], *у́мственность* (арх.) [КСГРС] – с общим значением ‘ум, разум, рассудок, сообразительность’.

Синонимический ряд существительных со значением ‘интеллектуально полноценный человек’, представленный литер. *умница* и *умник*, существенно расширен за счет диалектных и жаргонных единиц: диал. *быстрéчик* ‘о способном, остроумном мальчике’ [СРНГ, вып. 3, с. 349], *головáн* ‘умный, толковый человек’ [Там же, вып. 6, с. 301], *дога́да* ‘смышлёный человек’ [СРГСУ, т. 1, с. 138], *éшенька* ‘очень хитрый, находчивый человек’ [НОС, вып. 2, с. 118]; жарг. *жид* ‘умный заключенный’ [БСЖ, с. 183], *продю́сер* ‘умный, сообразительный человек’ [Там же, с. 482] и др.

Имена прилагательные являются универсальным для всех сфер бытования языка средством характеристики интеллектуально полноценного человека, то есть они одинаково популярны в литературном языке (*умный, сообразительный, догадливый* и т.п.), в диалекте (*голови́стый* ‘умный, смышлёный’ [СРНГ, вып. 6, с. 35], *во́строй* ‘находчивый, удалой, сообразительный’ [СРГСУ, т. 1, с. 93], *глумя́нный* ‘умный, мудрый, рассудительный’ [СРНГ, вып. 6, с. 212] и др.) и в жаргоне (*медико́ванный* ‘умный, хитрый’ [БСЖ, с. 344], *маклёвый* ‘сообразительный’ [Там же, с. 331] и др.).

Любопытно, что в русских говорах существуют уникальные значения, не имеющие аналогов в лексике других разновидностей общенародного языка: диал. *беренди́ться* ‘сниться; думать так же бессвязно, каким бессвязным бывает сон’ [СРНГ, вып. 2, с. 255], *думáк* ‘о том, кто

берется за дело после долгих размышлений, не смело, не сразу' [Там же, вып. 8, с. 255], *ростолкуистой* 'толковый, умеющий объяснить' [СРГ-СУ, т. 5, с. 89], *самозна́й* 'тот, кто много знает, но никому ничего не рассказывает' [ССХЧ, с. 24].

Лексико-семантическая зона «Глупость». Лексический материал зоны «Глупость» имеет следующее соотношение категориально-грамматических сем (рис. 4).

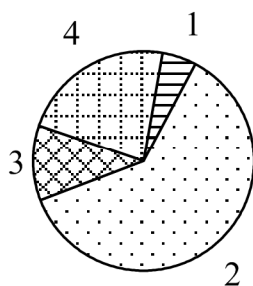


Рис. 4. Соотношение имен существительных (абстрактных и конкретных), имен прилагательных и глаголов в лексико-семантической зоне «Глупость»:

1 – абстрактные существительные (5 %); 2 – персоналии (62 %); 3 – глаголы (11 %); 4 – имена прилагательные (22 %)

В рассматриваемом массиве наименований самым длинным и регулярно пополняемым новыми единицами является синонимический ряд со значением 'интеллектуально неполноценный человек', поскольку такие языковые факты выполняют функцию характеристики человека. На каждые 300 существительных с таким значением приходится 105 прилагательных со значением 'интеллектуально неполноценный'. Этот факт имеет объяснение: «Обращает на себя внимание, что в русском языке отрицательная характеристика лица тяготеет к выражению существительными, в то время как одобрительность предпочтительно передается прилагательными. <...> Ср. также различие в коннотациях прилагательных *добрый, умный, простой, тихий* и существительных *добряк, умник, простак, тихоня*. Существительное ставит клеймо, «запечатлевает» человека. Это приговор. Назвать значит обозвать. Прила-

гательное же – характеристика, и она может отрицаться» [Арутюнова, 1999б, с. 62].

Среди адъективных семантических квалификаторов наиболее частотны следующие (расположены в порядке убывания частотности): ‘бестолковый’, ‘глупый’, ‘несообразительный’, ‘помешанный (сумасшедший)’. Значение ‘безумный’ встречается крайне редко. Причина этого кроется в противопоставлении «иррационального» *безумный* и «бытового» *сумасшедший*, описанном в работе В. А. Плунгян и Е. В. Рахилиной: «В случае с прилагательным *безумный* имеется в виду такая утрата разума, вследствие которой субъект оказывается недоступен “обычному”, рациональному восприятию... Безумие – неуправляемая, неконтролируемая стихия; оно уводит человека из нормального мира и в некотором смысле возвышает над ним... Для образа сумасшествия существенна идея повышенной активности; таким образом, общее представление, стоящее за этим словом, – отнюдь не пугающая иррациональная бездна, а шумная и бестолковая сцена (настоящий *сумасшедший дом*), где доминируют бесцельные и беспорядочные движения в быстром темпе» [Плунгян, 1993, с. 121]. Вполне естественно, что из двух синонимов большую активность в выражении отрицательно-интеллектуальной семантики проявляет тот, который обладает негативными, сниженными коннотациями.

Структура поля «Интеллект человека». Семемы, имеющие над прочими приоритет в объеме привлекаемого номинативного фонда, обнаруживают ядерные значения лексико-семантических подсистем поля: в зоне «Ум» – ‘осуществлять интеллектуальную деятельность (мыслить)’, в зоне «Глупость» – ‘интеллектуально неполноценный человек (дурак)’. Прочие семемы характеризуются разной степенью удаленности от намеченных ядерных значений.

Вопрос о центре лексико-семантического поля «Интеллект человека» мы решили в пользу семемы ‘способность к осуществлению ин-

теллектуальной деятельности'. Это нашло отражение в названии поля. Квалификация указанной семы в качестве ядра имеет под собой следующие основания. Во-первых, значение 'способность мыслить' представлено во всех подсистемах общенародного языка, оно не является уникальным, ведь специфичность существенно сузила бы круг номинативных воплощений семемы. Во-вторых, именно это значение реализовано в национально специфичных лексемах *сметка*, *сметливость*, *сметкалка*, переводимых на другие языки лишь приблизительно – как 'сообразительность'. А если носитель языка поставил свою метку (маркер) на явлении, значит, оно для него значимо. В-третьих, в литературном языке, несмотря на то, что ему не свойственна избыточность выражения, наличествует несколько названий способности мыслить. В-четвертых, сема 'способность', по сути, лежит в основе значений интеллектуальной сферы, несмотря на то, что крайне редко используется в словарных дефинициях. Имеющиеся в современных лексикографических источниках толкования не отличаются совершенством, что затрудняет семантический анализ лексики интеллектуальной сферы. Все же отметим, что перечисленные выше семемы разложимы на формулировки, в которых в конечном счете эксплицируется эта сема. Интеллектуально полноценный человек – тот, кто способен мыслить; причину интеллектуальной неполноценности следует искать в отсутствии или «деформации» способности; образованный человек – тот, кто во время обучения развил эту способность; мыслить значит использовать эту способность; сойти с ума значит утратить эту способность и т. д. Сема 'способность' – наименьшая, базовая, крайняя, замыкающая семантические цепочки в толкованиях слов. Наконец, эта сема располагается в нейтральной зоне, между двумя относительно самостоятельными, имеющими собственные ядерные элементы пространствами, вполне однозначно маркированными при помощи позитивных и негативных оценок. Сама способность же не является положительной

или отрицательной. Человек располагает ее на шкале ценностей, делая ее тем центром, от которого начинается отсчет, разделение на отрицательно-интеллектуальную и положительно-интеллектуальную сферу. Наличие этой способности и высокая степень ее развития противопоставляются отсутствию этой способности и ее недостаточному развитию.

Поле «Интеллект человека» во многом симметрично (зеркально) организовано. Прямое соответствие наблюдается между антонимичными значениями ‘способность мыслить’ и ‘неспособность к интеллектуальной деятельности’, ‘интеллектуально полноценный человек’ и ‘интеллектуально неполноценный человек’, ‘образованный человек’ и ‘необразованный человек’, ‘быть интеллектуально полноценным’ и ‘быть интеллектуально неполноценным’, ‘приобретать ум’ и ‘терять ум’ и т. д. Значения, объединенные в пары, обслуживаются разным количеством лексики и в этом отношении неравновесны. Разделяющей полосой (границей) и одновременно центром этого обширного пространства является именно мыслительная способность.

Ближайшие «соседи» лексико-семантического поля «Интеллект человека» (смежные лексико-семантические поля). В ходе анализа семантики слов, толкования которых содержат две или несколько рядоположенных характеристик, обнаруживаются смыслы, тесно переплетающиеся с «интеллектуальными» значениями. По ним можно составить представление о связи упоминаемых реальных или идеальных объектов.

Так, например, «соседями» являются ум и энергичность, живость (*резáка* ‘бойкий, энергичный, сметливый человек’ (арх.) [КСГРС], *вострýк* ‘догадливый, расторопный человек’ [СРНГ, вып. 5, с. 150], *добычнóй* ‘смышленный, проворный, расторопный; добычливый’ [Там же, вып. 8, с. 83], *жвáвый* ‘живой, бойкий, сообразительный’ [Там же, вып. 9, с. 88], *дóкий* ‘ловкий, смышленный, расторопный’ [Там же,

вып. 8, с. 98]), что симптоматично для поля, в семантическом спектре которого особенно значима категория движения, в частности, динамичность интеллектуального действия.

Кроме того, в представлении носителя русского языка связаны ум и работоспособность. В картине мира диалектоносителя сообразительный человек часто одновременно оказывается умелым и деловым: *гуса́р* ‘смекалистый, работающий человек’ [СРНГ, вып. 7, с. 241], *ло́венький* ‘умелый, ловкий; находчивый, догадливый’ [Там же, вып. 17, с. 99], *вы́тный* ‘умный, деловой, старательный, добропорядочный’ [Там же, вып. 6, с. 40], *деле́ц* ‘деловой умный человек’ [Там же, вып. 7, с. 342], *прово́рый* ‘сообразительный, смекалистый, умелый, деловой’ (арх., волог.) [КСГРС].

Семантика констатирует также прямую зависимость ума от опыта: *матеру́щий* ‘знающий, опытный’ (арх.) [КСГРС], *выно́сить* ‘приобретать ум, знания в результате длительного опыта’ [СРНГ, вып. 5, с. 319], *дото́пистый* ‘умный, сообразительный, опытный’ [Там же, вып. 8, с. 154], *проходи́мой* ‘бывалый, много знающий, сведущий, опытный’ [СРГСУ, т. 5, с. 38], жарг. *моло́дчик* ‘опытный, сообразительный вор’ [БСЖ, с. 354].

Проводится связь и между развитием речевой и умственной способности: *вы́думаться* ‘найти что сказать, проявить находчивость в разговоре’ [СРНГ, вып. 5, с. 276], *ве́ший* ‘умный, толковый, красноречивый’ [Там же, вып. 4, с. 228].

С глупостью же сближаются такие понятия, как лень, неспособность хорошо выполнять работу (*розоро́чье* ‘неумелый, несообразительный человек’ (арх.) [КСГРС]); озорство, суета, беспокойство, крик, шум (*байда́ка* ‘озорник, буйан; дурак’ [СРНГ, вып. 2, с. 53], *галда́рейка* ‘бестолковый и крикливый человек’ [Там же, вып. 6, с. 107]); смех (*гага́ра* ‘зубоскал, глупый хохотун’ [Там же, с. 87]); неопытность (*фра́ер* ‘глупый, наивный, неопытный человек’ [БСЖ, с. 632]); старость

(*выстариться* ‘потерять от старости разум’ [СРНГ, вып. 6, с. 31]); детство и молодость (*орячина* ‘о взрослом, но глупом человеке’ [Там же, вып. 23, с. 349]); упрямство и агрессия (*тута́н* ‘глупый, упрямый, агрессивный человек’ [БСЖ, с. 604]); особенности речи (*ала́бор* ‘бестолковый, косноязычный, немой человек’ [СРНГ, вып. 1, с. 228], *алала́* ‘болтун, дурак’ [Там же, с. 230]).

Любопытно, что смыслы, на которые указывает семантика, вновь появляются в поле зрения исследователя в ходе мотивационного анализа.

Глава 2

ПРИНЦИПЫ МОТИВАЦИОННОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА»

В лексико-фразеологическом фонде поля «Интеллект человека», отличающегося экспрессивным фоном, складываются специфичные отношения между означающими и означаемыми. Как уже говорилось, огромное число номинаций, образующих это лексико-семантическое поле, обслуживает сравнительно небольшую группу значений. Одну семему может воплощать целый ряд лексем. Причем чем больше эмоций вызывает смысловая единица у носителя языка, тем большее количество номинаций создается (рис. 5).

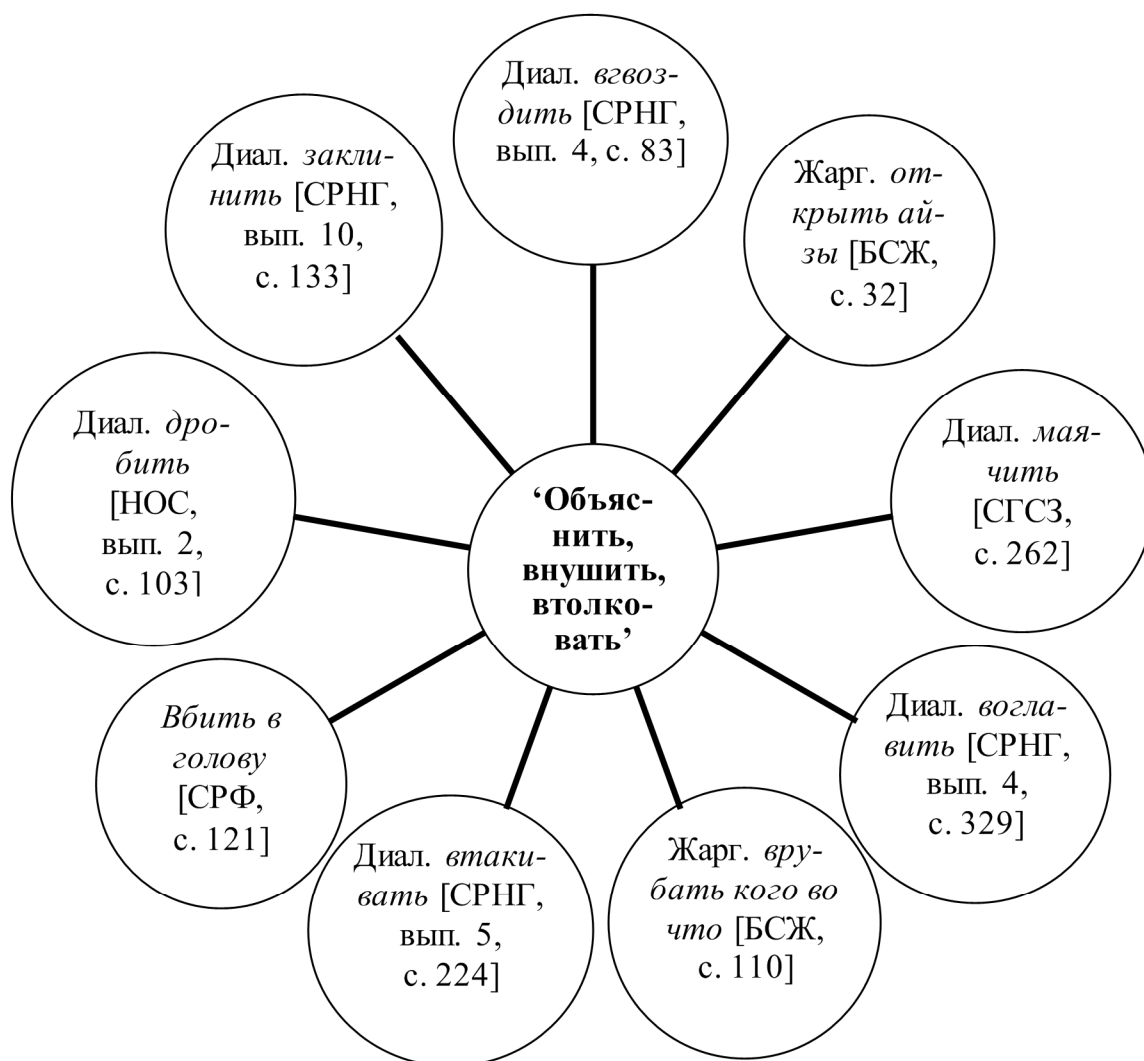


Рис. 5. Номинативное воплощение одной семемы

Анализ семантики утрачивает свою объясняющую силу в ситуации, когда на базе одного значения развилось несколько десятков наименований.

Исследование семантической структуры поля «Интеллект человека» затруднено еще и тем, что экспрессивный фон обусловил стирание в языковом сознании границ между близкими, но нетождественными понятиями, что уже отмечалось исследователями: «Для бытового сознания не существует резких границ между безумием и небезумием; <...> безумие нередко отождествляют с глупостью» [Ермакова, 2003, с. 108]. В лексикографических источниках можно обнаружить следующие случаи:

1) когда одна дефиниция включает ряд слов-интерпретаторов, называющих несколько разные понятия интеллектуальной сферы: диал. *ополоумиться* ‘обезуметь; ошалеть, оглупеть’ [СРНГ, вып. 23, с. 277]; *мэкать* ‘знать, понимать’ (арх.) [КСГРС]; *муштать* ‘знать; понимать, соображать’ [СРНГ, вып. 19, с. 46]; *мнёние* ‘ум, сообразительность’ [Там же, вып. 18, с. 185]; *пистолёт* ‘дурак, недалекий человек’ [Там же, вып. 27, с. 50]; *чувствовать* ‘помнить, знать, понимать’ (арх.) [КСГРС] и др.;

2) когда одна лексема имеет несколько «интеллектуальных» значений, например: диал. *забубённый* ‘глупый, дурной’ и ‘сумасшедший, ненормальный’ [СРНГ, вып. 9, с. 279]; *натуральный* ‘образованный, знающий’ и ‘расторопный, сообразительный, смысленный’ [Там же, вып. 20, с. 236]; *ушлый* ‘умный’ и ‘грамотный’ [НОС, вып. 11, с. 105]; *морокун* ‘сообразительный человек’ и ‘постоянно о чем-л. думающий человек’ [Там же, вып. 5, с. 97]. Полисемия такого рода особенно свойственна диалектной лексикографической традиции, поскольку лексикограф занимает позицию внешнего наблюдателя по отношению к описываемой системе и не всегда владеет достаточным количеством контекстов для уточнения значений.

Именно поэтому мы посчитали возможным свести все многообразие значений интеллектуальной сферы к нескольким семемам, отражающим лишь категориальные семы (родовые понятия) при нивелировании частных сем. Например, ряд семантических квалификаторов 'несообразительный – бестолковый – ограниченный – ненормальный – помешанный – сумасшедший – безумный' представлен в виде семемы 'интеллектуально неполноценный'.

Невнимание номинатора к нюансам значения в процессе употребления лексем заставляет задуматься о том, какими мотивами руководствуется носитель языка при создании очередного названия или при выборе из десятков имеющихся языковых единиц. Стремление к самовыражению берет верх над точностью выражения смысла. Чувство и мысль говорящего по поводу предмета номинации выходят на первый план, и в этой ситуации человек «пробует на вкус» слова. В нем просыпается «лингвист», экспериментирующий со словами, ощущающий слово как материю и осознающий возможность своевольного принятия решения, поскольку точность соответствия между означающим и означаемым перестает довлеть над ним. Решающую роль в выборе языковой единицы играют привычные или привлекательные для носителя языка механизмы ассоциирования, определяющие в итоге внутреннюю форму слова. Запечатленная во внутренней форме слова мысль при всей ее субъективности отражает не только индивидуальное понимание действительности человеком, но и способы восприятия, традиционно используемые каждым членом коллектива, в котором сформировалась языковая личность. Исследование массива наименований, составляющих лексико-семантическое поле, в мотивационном аспекте закономерно приводит к реконструкции фрагмента русской языковой картины мира.

Наличие перечня семем и мотивационных моделей, характерных для определенной группы лексем и фразеологизмов, служит подтвер-

ждением тому, что лексико-семантическое поле представляет собой организованное единство языковых фактов, несмотря на то, что семантическое членение поля и его мотивационная структура не совпадают.

Подобно семантическому дроблению поля на группы слов, сосредоточенных вокруг одного значения, мотивационную структуру поля составляют многочисленные группировки лексем, объединенных одним *мотивом* (рис. 6).

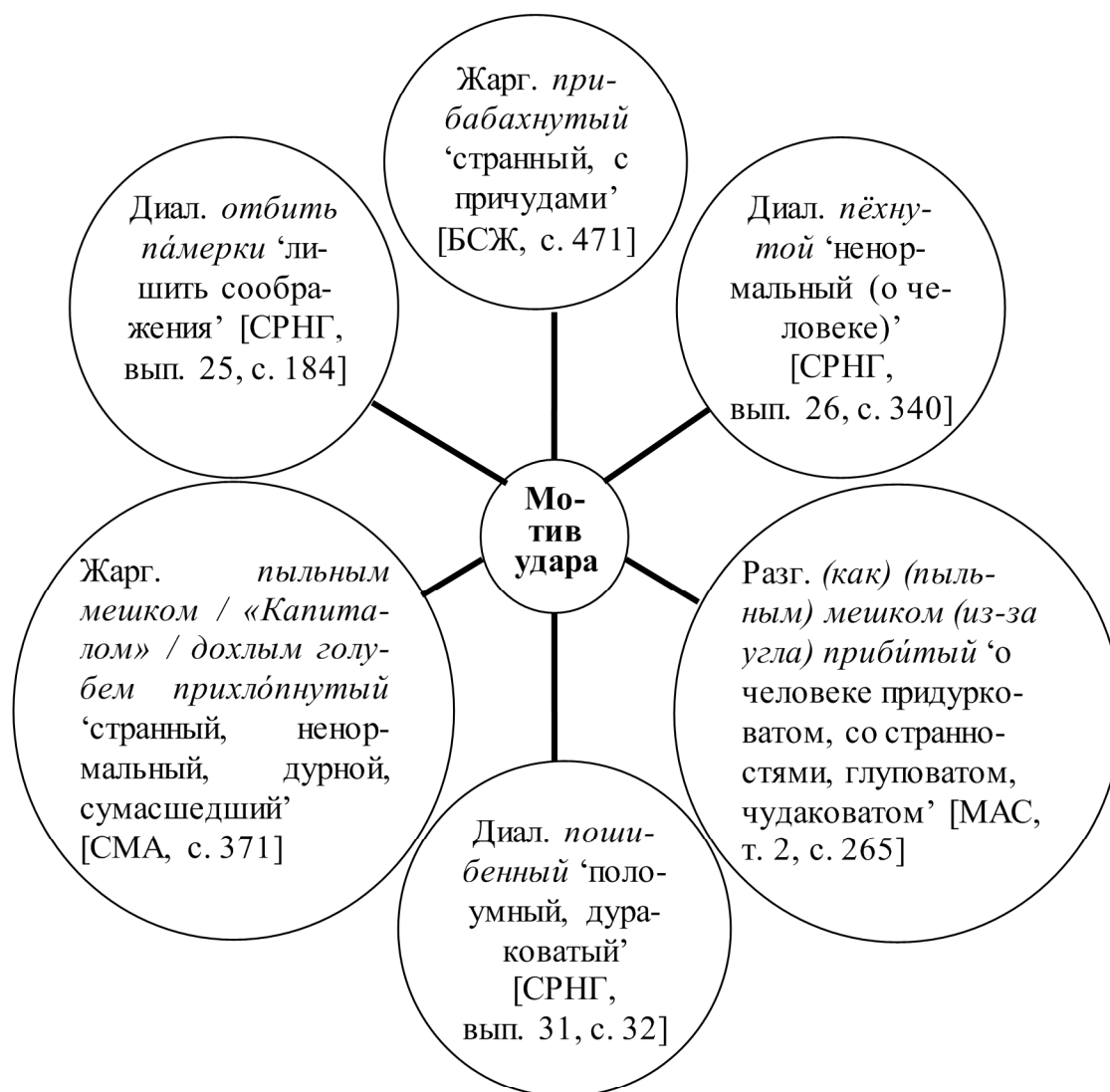


Рис. 6. Номинативное воплощение одного мотива

Еще пример: мотив поворота, верчения, кружения объединяет номинации *ума кря́нуться* ‘сойти с ума’ [СРНГ, вып. 15, с. 368], *кряну́ть* ‘обнаружить признаки умопомешательства’ [Там же, с. 369]⁶, *ве́рченный* ‘сумасшедший, помешанный, бешеный’ [СРНГ, вып. 4, с. 171], *оту́рять* ‘сделать бестолковым, непонятливым, забитым’ (в других значениях этого глагола содержится сема поворота: ‘поворачивать судно, лодку в случае опасности’; ‘поворачивать действием ветра, течения’; ‘повернуть что-л. другим концом, в другую сторону’ и др. [СРНГ, вып. 24, с. 348]), *за́крут* ‘умопомешательство, сумасшествие’ [СРНГ, вып. 10, с. 167], *по-закру́житься* ‘запутаться, лишиться способности здраво рассуждать’ [СРНГ, вып. 28, с. 309], *кружа́лый* ‘помешанный, полоумный’ [СРНГ, вып. 15, с. 308], *кругове́ня нашла́ на кого* ‘обезумел, белены объелся (кто)’ [Там же, с. 303], *кругово́й* ‘глупый, дурашливый, бестолковый; ненормальный, помешанный’ [Там же, с. 304], *кру́женный* ‘сумасшедший, бешеный’ [Там же, с. 311], *кружнóй* ‘дурной, полоумный’ [Там же, с. 312]. На основании повторяющегося мотива можно объединить в одну группу слова, реализующие разные семемы.

Нередко мотивационный признак прямо «назван» во внутренней форме слова, без ассоциирования с каким-либо объектом действительности. Но чаще мотив выявляется в ходе анализа метафоры. Например, мотив пустоты, характерный для лексико-семантической зоны «Глупость», прямо указан в жарг. *пусты́рь* ‘двоечник, несообразительный ученик’ [БСЖ, с. 491] и в диал. *пусто́й* ‘малоспособный, малознающий, глупый’ [СРНГ, вып. 33, с. 147], а также имплицитно присутствует в диал. *калі́тка отворёна* ‘о придурковатом человеке’ (волог.) [КСГРС] и *ни с чем пирóг* ‘о пустом, глупом, никчемном человеке’ [СРНГ, вып. 27, с. 40]. Иногда метафора разрастается в более сложную структуру – сце-

⁶ Глагол *krętnoti (se) (ср. также *krętatī (se) ‘вертеть, крутить, поворачивать’), очевидно, соотносится с корнем *kręk-, *kręсь-, *kręg-, обозначающим круговые, кольцевые движения [ЭССЯ, вып. 12, с. 145–147].

нарий, фрейм⁷. Слова с неясным для современного носителя русского языка мотивационным признаком (*ум, думать*) могут быть подвергнуты этимологической реконструкции, которая в некоторых случаях возвращает утраченную метафоричность. В. Н. Телия, например, говорит о разных степенях «прозрачности» ассоциативно-образного представления и о возможности различения его полноты или редуцированности [Телия, 1991, с. 24]. Таким образом, одна метафора может быть представлена в разных «возрастных категориях»: в рамках одной модели могут находиться современные языковые факты с прозрачной внутренней формой и слова, содержащие архаичную метафору.

В образных номинациях нередко отчетливо видна личность, их создавшая. Лишь «крепкий хозяин», осуждающий нарушение привычного уклада жизни, беспорядок на «своей» территории, в «околодомном» пространстве, мог сказать о придурковатом соседе: «*У него калитка отворёна*». Для диал. *кондóвый* ‘сообразительный, смысленый, самостоятельный’ [СРНГ, вып. 14, с. 247] и *мя́нда косая* ‘скотина, дурак, неуч, невежа’ [Там же, вып. 19, с. 86] неоспоримо авторство мастера по деревообработке, которому не понаслышке известны свойства *ко́нды* (растущей на сухом месте сосны с крепкой, смолистой, высококачественной древесиной [Там же, вып. 14, с. 245–246]) и *мя́нды* (растущей в низинах мелкой, кривой, сучковатой, трухлявой от сырости сосны с негодной древесиной [ССРЛЯ, т. 6, с. 1448; СРГСУ, т. 1, с. 126]).

⁷ Понятие *фрейма* в настоящее время активно применяется в исследованиях в области когнитивной лингвистики [Филмор, 1988; Лакофф, 2004; Бабушкин, 1996; Солоник, 1997 и др.]. Отечественные лингвисты определили его как «особый вид концепта, реализующий в плане своего содержания сему движения, идею развития; это динамика событий; всегда сюжетен» [Бабушкин, 1996, с. 58], как «закрепленный словом целостный образ, совмещающий чувственные и рациональные элементы, а также объединяющий динамические и статические аспекты отображаемого объекта или явления» [Стернин, 1998, с. 56–58]. Через посредство включения в эту структуру слово «вписывается», «встраивается» в общую картину мира носителей языка. В лексико-семантическом поле «Интеллект человека» наличествуют, к примеру, фреймы разрушенного дома, приготовления пищи, работающего механизма, ср. описание Дж. Лакоффом фрейма «ум – машина» [Лакофф, 2004, с. 52].

Круг образов, избираемых носителем языка в процессе называния объектов интеллектуальной сферы, заслуживает внимания так же, как и набор мотивов. Метафоры можно представить в виде моделей, делающих явным сопоставление двух объектов: «ум ← опора», «глупый человек ← представитель чужого этноса», «думать ← видеть», «глупость ← поломка механизма» и др. Стрелка показывает направление движения мысли от сферы, обладающей для номинатора большей освоенностью или актуальностью и потому избранной в качестве инструмента осмысления, к сфере, в отношении которой предпринимается попытка понять, осмыслить, объяснить.

Двухчастная структура поля «Интеллект человека», объединяющего «полярные» области «Ум» и «Глупость», вынуждает ввести характеристику моделей номинации (метафор) с точки зрения наличия / отсутствия строгого соответствия между моделями, реализованными в языковом материале разных лексико-семантических зон. Среди моделей имеются **симметричные**, то есть обратно отраженные в обеих зонах изучаемого поля согласно противопоставлению («антонимии») реконструируемых мотивационных признаков. Так, представления об умном, мыслящем человеке как видящем противопоставляются представлениям о глупом человеке как незрячем. Ср.: *перед мысленным взором* 'в воображении, в представлении' [СРФ, с. 81], диал. *взорный* 'догадливый' [СРНГ, вып. 4, с. 267], *в три колёна зёмлю мёрзлую вѣдит* 'о знающем, проникательном человеке' [СГРС, т. 2, с. 204], *слепой* 'неграмотный' [НОС, вып. 10, с. 87], *слепоум* 'недалекий человек' [Даль, т. 4, с. 229], *глаза затемнять* 'давать путаное объяснение, говорить неправду' [ФСРГС, с. 61] и др. **Несимметричными** же можно считать модели, реализованные только в одной лексико-семантической зоне – либо в отрицательно-интеллектуальной, либо в положительно-интеллектуальной.

Множество метафор можно упорядочить в соответствии с областями действительности, отраженными в языковом факте. Нужно при-

нять во внимание стремление человека к «овеществлению» бесплотных понятий через посредство хорошо знакомых ему образов, сформировавшихся на основе его понимания действительности – предметов и отношений между ними. Для познания неуловимого, ускользающего человек устанавливает подобие между идеальными сущностями и собственными представлениями о материальном мире, который он успешно познает при помощи органов чувств. Ономастический анализ лексики и фразеологии поля «Интеллект» позволил выявить те сферы действительности, которые осознаются носителем языка как пригодные для ассоциирования с объектами интеллектуальной сферы. Это мир природы (в нем особое место занимает человек с его физиологическими особенностями, психологией, кулинарно-гастрономическими пристрастиями), разные области общественной и духовной жизни (образование, профессиональная деятельность, экономика, семья, искусство, религия и др.), сфера материальной культуры (техника). Кроме того, для человека оказываются важными пространственные ориентиры и свойства различных материалов, составляющих неживую природу.

Не сама действительность, но представления о разных ее фрагментах отражаются во внутренней форме слов и в денотации фразеологизмов. Так, в основу диал. *лапоть* ‘простоватый, глуповатый человек’ (волог.: *Сходятся один лапоть, а другой умный*) [КСГРС] положен предметный образ, апеллирующий к представлениям о крестьянах как о людях необразованных, темных. Появление переносного значения у слова *чукча* ‘глупый, недалекий человек’ [БСЖ, с. 677] объясняется распространенностью наивных представлений об отсталости этой народности. Базой для возникновения жарг. *олень* ‘глупый, наивный, несообразительный человек’ [Там же, с. 397] стал концепт обмана, а именно давно оформившийся в сознании носителя русского языка образ обманутого – «рогатого» – мужа (ср. *наставить рога*); а тот, кого можно обмануть, если не дурак, то простака, простофиля.

Итак, еще один возможный способ описания лексико-семантического поля – наряду с исследованием «от значений» и «от мотивов» – состоит в членении массива наименований на своеобразные тематические группы в зависимости от *образов*, к которым обращается номинатор. Совокупность представлений об элементах, фрагментах какой-либо сферы действительности, через посредство которых носитель языка осмысляет действительность иного рода, производя операцию «внекатегориального предметного отождествления» (см. [Рут, 1992, с. 26–27]), можно обозначить как *предметно-тематический код*. Так, различные образы зверей, птиц, земноводных, насекомых, используемые в качестве центрального элемента метафоры при попытке осмыслить понятия интеллектуальной сферы, могут быть объединены в зоологический код. Актуализированные во внутренней форме слов и в денотации фразеологизмов понятия «правый – левый», «удаленный – близкий», «верх – низ», «центральный – периферийный», «перемещение», «удаляющийся – приближающийся», «проникающий вовнутрь – исходящий», «прямая – кривая» и некоторые другие составляют пространственный код. Самый крупный предметно-тематический код следовало бы обозначить как антропологический, однако представляющий его лексико-фразеологический фонд столь внушителен в количественном отношении, что представляется целесообразным разбить этот код на несколько более узких образований согласно тематическим группам: физиолого-соматический, социальный, речевой коды и др. В их число мы включили и антропонимический код, выделенный на несколько ином основании, чем прочие: в его названии содержится указание не на образы, с которыми проводится ассоциирование, а на языковой знак, от которого отталкивается номинатор при выборе образа в процессе языковой концептуализации представлений об интеллекте.

Существует богатая традиция использования термина *код* в этнолингвистических исследованиях. В нашем случае выбор термина *пред-*

предметно-тематический код обусловлен необходимостью подчеркнуть назначение представляющих один код образов, а именно возможность зафиксировать с их помощью концептуальную информацию о номинируемом объекте, зашифровать ее, свернуть длинную формулировку подразумеваемого смысла (представления) до компактного знака и тем самым облегчить последующую дешифровку собеседником при употреблении в речи. Например, в техническом коде представлена метафора нарушения работы средств связи, реконструируемая на материале жарг. *не алло* ‘о непонимании чего-л.’ (*Я слушала, слушала [лекцию], и не алло вообще*) [БСЖ, с. 34], *помехи на линии и линия обрезана* ‘о том, кто не понимает объяснений’ [АТЛ]. Этот образ является условным знаком, сигнализирующим о том, что, в понимании носителя жаргона, отсутствие ответной реакции на попытки установить контакт с целью передачи информации является симптомом интеллектуальной неполноценности человека. Итак, предметно-тематический код – это знаковая система, отражающая способ познания человеком одной сферы действительности через другую.

Этот термин не всегда предполагает реализацию в языковом факте образной составляющей. Например, не является в строгом смысле результатом образной номинации слово *немтырь* ‘о бестолковом непонятливом человеке’; в то же время не будет ошибкой сказать, что при его создании использован речевой код, поскольку в наивной картине мира симптомом интеллектуальной неполноценности являются дефекты речи. Практически отсутствует образность в привычном ее понимании в рамках пространственно-динамического кода, средствами которого, однако, создаются «картинки» перемещений в пространстве.

Предметно-тематический код не характеризуется тесной взаимосвязью образов: они разнородны и не складываются в единое полотно, не образуют сюжета. Код представляет собой условное «объединение», так как элемент кода «выхвачен» номинатором и использован им для

ассоциирования с интеллектуальной сферой без установления каких-либо связей этого элемента с другими фрагментами кода. Однако регулярность обращения номинатора к одним и тем же предметно-тематическим кодам в поисках знаков, пригодных для «интерпретации» представлений об интеллекте, не может остаться незамеченной и требует осмысления. Объем кода, определяемый количеством метафор, созданных при участии его элементов, свидетельствует о частотности обращения к нему номинатора. Следует учитывать зависимость объема предметно-тематической группы образов от широты охвата действительности. Ср. *мифологический код* (при его участии носителем языка создана относительно небольшая группа вторичных наименований объектов интеллектуальной сферы) и *социальный код* (можно представить все разнообразие его элементов, отражающих множество общественных и культурных явлений, объектов – семья, национальность, профессия, жилье, история, масскультура, административное деление пространства и т. п.).

Элемент кода – образ какой-либо реалии или ситуации (метафорический сюжет), существующий в сознании человека и способный служить средством осмысления какого-либо понятия из другой области. Например, в жарг. *укроп* ‘глупый, наивный человек’ [БСЖ, с. 611] образ глупого человека проецируется непосредственно на образ растительной реалии: «человек – укроп». Этот элемент ботанического кода избран носителем языка исходя из представлений, во-первых, о «важном» свойстве растительной реалии («укроп – огородная зелень, растение зеленого цвета»), во-вторых, о том, что зеленый цвет – это цвет незрелых плодов. Опираясь на них, человек считает этот образ способным служить адекватным отражением временного, свойственного юности несовершенства ума. А в диал. *как мухомором обьевшие* ‘одуревший’ [НОС, вып. 6, с. 120] образ потерявшего рассудок человека проецируется не на образ растительной реалии (не «человек – мухомор»), а на образ чело-

века, отравившегося мухомором. Детальность разработки одного из элементов кода (большое количество номинаций, значительное число метафор, оформленных с привлечением этого образа, или формирование вокруг него сценария) является аргументом в пользу высокой культурной значимости соответствующего объекта действительности.

Элемент кода – средство овеществления представлений носителя языка о номинируемом объекте действительности. В попытке реконструировать эти представления приходится прибегнуть к сопоставлению элемента кода и номинируемого объекта (точнее, представления о нем) с целью обнаружить *мотив*, объясняющий причину их ассоциирования друг с другом.

С осторожностью следует подходить к интерпретации сходных в своей образной структуре моделей номинации, поскольку в их основе могут лежать принципиально разные мотивы. Так, в наивной картине мира русского человека интеллектуальное действие уподобляется механической обработке пищи. Это отражено в моделях: «овладевать знаниями ← грызть», «соображать ← перерабатывать употребляемый в пищу продукт», «помогать в усвоении знаний ← разжевывать», «глупый ← не способный переваривать пищу», «плохо соображать ← жевать» (подробнее см. кулинарно-гастрономический код). При общей для них образной составляющей последняя из моделей разительно отличается от прочих в отношении реализуемого ею мотива («недостаток энергичности»), поскольку во всех других моделях актуализирован мотив успешной активной переработки сырья. Отсутствие мотивационной целостности закономерно для любого предметно-тематического кода.

Мотивы можно формулировать с разной степенью отвлеченности от предметных образов. Можно говорить о частных, сквозных мотивах и о мотивационных доминантах. Наибольшей конкретностью отличается *частный мотив*, характеризуемый различной степенью детализации, поскольку он представляет собой мотивационный признак, поло-

женный в основу одного языкового факта либо общий для целого ряда слов. Частные мотивы, характеризующиеся смысловой близостью, можно объединить в один *сквозной мотив*, стоящий на второй ступени иерархии мотивов, обладающий большей степенью отвлеченности от образа и потому нередко актуальный для нескольких предметно-тематических кодов. В свою очередь, множество сквозных мотивов сводимо к сравнительно небольшому числу *мотивационных доминант* – единиц высшей степени абстракции, составляющих концептуальный каркас лексико-семантического поля и потому нередко смыкающихся со смыслами (значениями, коннотациями), выявляемыми при анализе семантики.

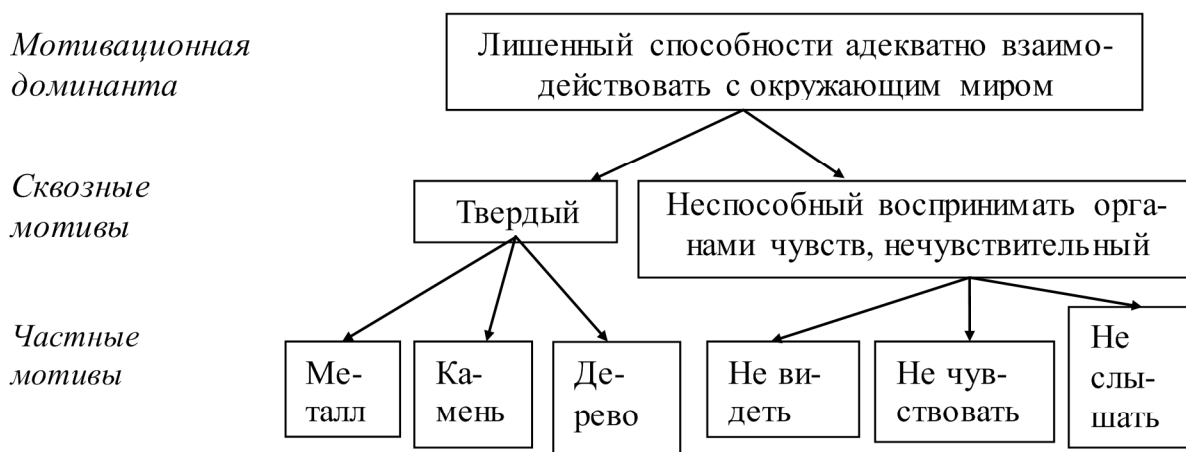


Рис. 7. Иерархия мотивов

В качестве примера приведем несколько сквозных и – далее – частных мотивов, реализующих мотивационную доминанту «лишенный способности адекватно взаимодействовать с окружающим миром» (рис. 7).

Комплекс мотивационных признаков составляет существенную часть когнитивных структур, в данном случае – представлений об интеллектуальной деятельности человека. К примеру, при описании концепта дурака следует учитывать значимость следующих мотивов: *пустой, твердый, беспокойный, редкий, беспорядочно блуждающий или остановившийся, кривой, никчемный, слепой, поврежденный, нечувствующий, медлительный, праздный, счастливый, косноязычный, без-*

участный, чужой, заметный, особенный, неприятный и др. А в концептуализации успешно протекающей мыслительной деятельности участвуют мотивы *хватать, искать, дробить, строить, делать своим* (осваивать), *видеть, чувствовать, идти к цели, догонять что-то, выращивать, рожать, черпать, проникать вглубь, охватывать нечто обширное, копить, хранить* и др. Уровень частных мотивов наиболее ярок и интересен в этнолингвистическом аспекте; при описании же сквозных мотивов и мотивационных доминант утрачивается информация об основаниях ассоциирования номинируемого понятия с понятиями из другой сферы, но актуализируется собственно понятийная часть, составляющая ядро представлений об объекте действительности.

Таким образом, при исследовании лексико-семантического поля извлечение когнитивной информации возможно через осмысление таких лингвистически значимых единиц, как *значение*, представляющее собой конкретизированный вариант одной из семем, *образ*, включенный в систему метафор и – далее – предметно-тематических кодов, и *мотив*, занимающий собственное место в иерархии мотивов разной степени обобщения.

Раздел II

ЛЕКСИКА ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Данный раздел содержит результаты ономаσιологического анализа лексического и фразеологического материала, составляющего поле «Интеллект человека». Прямые номинации (слова, содержащие во внутренней форме непосредственное указание на мотивационный признак: диал. *повреждённый* ‘психически ненормальный, помешанный’ [СРНГ, вып. 27, с. 264]), *непóлный* ‘умственно отсталый’ [СРГСУ, т. 2, с. 202], *малоум* ‘глупец, дурак’ [СРНГ, вып. 17, с. 338], *плохой* ‘глупый, несметливый; беззаботный’ [Там же, вып. 27, с. 158] нами системно не рассматриваются, однако частично привлекаются для подкрепления реконструируемых на основе образных номинаций мотивационных моделей. В тексте второй главы рассматриваются также слова, в отношении которых проводились ономаσιолого-этимологические разыскания, позволившие выявить метафоры, имеющие меньшую степень прозрачности для носителя языка.

Собранный и проанализированный материал распределен на группы в соответствии с выявленными метафорами, размещенными в разных параграфах согласно предметно-тематическим кодам.

Предметно-тематические коды размещены в порядке, отражающем их принадлежность к тем или иным сферам жизни человека. Сначала в центре внимания оказываются мотивационные модели, отсылающие к образу человека, затем рассматриваются метафоры из сферы общественной жизни и духовной культуры, далее представлены предметно-тематические коды бытийной сферы, существенную часть которой составляет природа, наконец, обзор кодов завершается обращением к метафорам из сферы материальной культуры.

Глава 1

ЧЕЛОВЕК

В настоящей главе в центре внимания находятся мотивационные модели, которые содержат отсылку собственно к человеку с его здоровьем и физической формой, особенностями анатомии и внешности, с его мимикой и жестами, речевыми проявлениями, с различными состояниями его организма (опьянением, сном), эмоциональными потрясениями. В объектив языка попало и функционирование различных органов человека, например, органов деторождения и органов чувств. Ассоциирование мыслительной деятельности с пищеварением, также имеющее прямое отношение к антропологической сфере в узком понимании, описано далее среди моделей кулинарно-гастрономического кода.

1.1. ФИЗИОЛОГО-СОМАТИЧЕСКИЙ КОД

Знания носителей русского языка об особенностях анатомии, физиологии, психики, поведения человека явились основой для концептуализации представлений об интеллекте. С одной стороны, в процессе создания или использования номинации связь между интеллектом и внешностью человека проводится на уровне симптоматического описания. Такое соотношение между умственным потенциалом человека как «внутренним наполнением», «внутренней характеристикой» и его внешними проявлениями (воспринимаемыми органами чувств человека-наблюдателя) можно представить в виде формулы: «глуп/умен *кто* ↔ как-либо выглядит, ведет себя *кто*». Двухнаправленный вектор указывает на то, что отношения между частями оппозиции можно определить как двусторонние, поскольку если человек глуп, то он, в представлении носителя русского языка, выглядит как-то по-особенному, и наоборот: если человек выглядит странно, то он, по заключению наблюдателя,

глуп. С другой стороны, соматическая лексика участвует в акте метафорического представления умственных действий и способностей человека. Например, существуют такие модели: «глупый ↔ похожий на что-л.» или «глупый ↔ имеющий часть тела (голову, уши и др.), похожую на что-л.» и т. п.

Метафора наличия/отсутствия головы, мозга. Голова и мозг, с которыми связывается обычно процесс мышления, «предстают одновременно как орудия и место этого процесса» [Гак, 1993, с. 29], поэтому элемент *голова* активен в словообразовательном отношении. С одной стороны, интеллектуально полноценным может быть только человек с головой, мозгом: диал. *человѣк с головой* ‘умный’ [СДЛ, с. 179], *мозголовить* и *мозголовничать* ‘ломать голову над решением вопроса, обдумывать, взвешивать обстоятельства дела’ [СРНГ, вып. 18, с. 203], *мозголовие* ‘большое умственное развитие’ [Там же], *мозголовый* и *мозголовный* ‘понятливый, толковый, сообразительный’ [Там же], жарг. *есть коф на голове (у кого)* ‘о толковом, умном, рассудительном человеке’ [БСЖ, с. 278], *иметь коф на голове* ‘быть толковым, умным, рассудительным’ [Там же], *кофастый* ‘умный, головастый’ [СМА, с. 207] (нем. *Kopf* ‘голова’ [БНРС, с. 525]). С другой стороны, тот, кто не имеет головы или мозга, интеллектуально неполноценен: *безголовый* ‘лишенный здравого смысла; очень глупый’ [МАС, т. 1, с. 70], *безмозглый* ‘очень глупый, бестолковый’ [Там же, с. 73], разг. *терять голову* ‘теряться, лишаться способности здраво и хладнокровно рассуждать; не знать, как поступить’ [СРФ, с. 124], *без головы* ‘о глупом человеке’ [МАС, т. 1, с. 325], диал. *безголове* ‘глупое поведение’ [СРНГ, вып. 2, с. 185], *довести до безголовья* ‘лишить ума, рассудка’ [ФСРГС, с. 61], *безмозгáтый* ‘несообразительный’ [СРНГ, вып. 2, с. 193], *безмозгóвица* ‘бестолковые люди’ [Там же]. Иногда мотив отсутствия мозга заменяется мотивом недостаточного объема мозга: *извилин не хватает* [АТЛ], *одна извилина, и та на (в) заднице* [СМА, с. 149], *одна извилина, переходя-*

дящая в прямую кишку [АТЛ], одна извилина, и та ниже спины [СМА, с. 176], одна извилина, и та след от фуражки [Там же] – с общим значением ‘о глупом человеке’ и др.

В сочетании с другими лексемами слова *голова*, *башка* образуют множество фразеологических обозначений умного и глупого человека: *помутнение в голове* ‘сумасшествие’, *пустая голова/башка* ‘глупый человек’, *умная голова* ‘об умном человеке’ и др. Обычно компонент, присоединяемый к этим словам, выполняет функцию мотивационного квалификатора.

Отражение уровня интеллекта человека в особенностях его внешности. В лексике и фразеологии изучаемого поля выделяется группа наименований, которые несут информацию о возможности диагностировать уровень интеллекта человека по особенностям его внешности. Особое внимание уделяется описанию головы и лица человека – макушки, лба, глаз, рта, губ, носа, ушей.

Голова с двумя макушками. Любопытный образ человека с двумя макушками эксплицируется в диал. *два вихра́ у кого* ‘об умном, одаренном человеке’ (*вихор* ‘маковка головы, макушка, верховка, темя, место, где бывает вихор’ [Даль, т. 1, с. 208]). Язык «верит», что человек с двумя макушками (зна́ком двухголовости) окажется вдвойне умен (ср. поговорку о результативности совместной мыслительной деятельности двух человек: *Одна голова хорошо, а две лучше*).

Большая/маленькая голова. В случаях, когда существительные *голова* и *мозг* мотивируют лексику интеллектуальной сферы без участия расширяющих компонентов, на первое место выходит сема ‘большой’, на что указывает аффиксное оформление таких обозначений умного человека, как диал. *головáн* ‘умный, толковый человек’ [СРНГ, вып. 6, с. 301], *головáстый* и *головáтый* ‘умный, толковый’ [Там же, с. 302], *головíстый* ‘умный, смышленный’ [Там же, с. 305]; жарг. *головастик* ‘человек, способный к наукам; ученый’ [БСЖ, с. 131], *башкан* ‘умный,

сообразительный человек' [СМА, с. 36], *череп* 'умный человек' [БСЖ, с. 668], *мозговитый* 'умный, талантливый, сообразительный' [СМА, с. 249]. Ср. жарг. *башкан* 'человек с большой головой' [БСЖ, с. 55]. Умный человек, таким образом, представляется в наивной картине мира русского человека как человек с большой головой. Этот образ, с одной стороны, воплощает метафору содержания (голова – вместительный орган; ее размер соответствует объему ее содержимого, т. е. знаний), а с другой стороны, фиксирует представления о том, что объем мозга отражается на объеме головы. Симметрично существует и представление о глупом человеке как человеке с маленькой (а значит, не обремененной знаниями, мозгом) головой: жарг. *голова с кулачок (у кого)* 'о глупом человеке' [СМА, с. 218], *корочка усохла у кого* 'плохо соображает кто' [БСЖ, с. 281].

Однако признак 'большая голова' лежит в основе наименований не только умного, но и глупого человека, например, диал. *башковатый* 'глуповатый, недогадливый, опрометчивый' [СРНГ, вып. 2, с. 164], *голован* 'глупый, пустой человек' [Там же, вып. 6, с. 301]. Можно предположить, что они являются ироничными наименованиями глупого человека, использующими для травестирования типичную (в соответствии с наивными представлениями) особенность умного человека. В этом случае, надо думать, имплицитно подразумевается несоразмерность ёмкости и ее содержимого. Явление энантиосемии вообще не редкость в лексико-семантическом поле «Интеллект человека», поскольку совмещение в слове антонимических значений часто наблюдается именно в сфере оценки и порождается иронией.

Узкий/высокий лоб. Идиома *семи пядей во лбу* возникла «на основе френологических представлений о том, что по высоте лба можно судить об умственных способностях человека (старинная мера длины *пядь* равнялась 18–20 см)» [СРФ, с. 481]. Лоб умного человека высок, лоб глупого человека узкий и плоский: *узколобый* 'недалекий' [МАС, т. 4,

с. 475], *лоб в два шнурка* (у кого) ‘о глупом, недалеком человеке (обычно с мощной рельефной мускулатурой)’ [БСЖ, с. 318], *плосколобый* ‘глупый, тупой’ [СМА, с. 337]. Кроме того, лоб думающего человека видится носителю языка морщинистым: жарг. *ум наморщить* ‘задуматься о чем-л.’ [БСЖ, с. 612].

Голова с залысиной. В жаргоне существует такое обозначение головы, как *плешь* [СМА, с. 336], которое входит в состав выражений *грандиозная плешь* ‘умница, талант’ [Там же], *плешью шевелить* ‘думать’ [Там же].

Большие торчащие уши, вислоухость. Выражения *голова с ухом* и *голова и два уха* (кто) ‘несообразительный, бестолковый’ [СОВРЯ, с. 176] не содержат семы ‘большой (о голове)’. С одной стороны, они имеют мотивировочный признак «больше ничего нет (кроме ушей)». С другой стороны, смысловой акцент смещен в них на второй компонент, обнаруживающий «симптом вислоухости/лопоухости» глупого человека, ср. диал. *лопоух* ‘бестолковый человек’ и ‘олух, дуралей’ [СРНГ, вып. 17, с. 143], *лопоухий* ‘недогадливый, невнимательный’ [Там же], *дурак дураком и уши колпаком* ‘о безнадежно глупом, несообразительном человеке’ [ПОС, вып. 10, с. 47], *вислоухий* ‘невнимательный, нерасторопный, недогадливый’ [СРНГ, вып. 4, с. 296], жарг. *ушатый* ‘глупый, несообразительный человек’ [БСЖ, с. 617], *недогон ушатый* ‘глупый, несообразительный человек’ [Там же, с. 380], уол. *фрайер ушастый* ‘глупая жертва преступления’ [Там же, с. 631]. Ботанический код и предметный код тоже участвуют в создании образа лопоухого дурака: растение с большими листьями (лопух) и разновидность головного убора с ушами (шапка-ушанка) мотивируют лексемы *лопух* ‘о глупом человеке, простаке’ [Ожегов, с. 333] и *калаушка* ‘глупый человек’ (волог.) [КСГРС]. Выражение *хлопать ушами* ‘слушать, не вникая, не понимая’ [Ожегов, с. 845] функционирует в рамках метафоры восприятия (глупый человек не усвоил воспринимаемую на слух информацию, прослушал,

не услышал, пропустил нечто важное), что объясняет наличие элемента *уши* в обозначениях интеллектуально неполноценного человека.

Выпученные глаза. Типичной портретной характеристикой дурака являются выпученные глаза: диал. *лупогла́з* ‘ротозей; простофиля, дурак’ [СРНГ, вып. 17, с. 202], *лупогла́зить* и *лупогла́зничать* ‘бессмысленно смотреть’ [Там же], *пучегла́зый* ‘глупый, бестолковый с виду’ [Там же, вып. 33, с. 167], *зенки́* ‘глупый взгляд’ [Там же, вып. 11, с. 263]. В отношении диал. *лу́бочные глаза* и *лубяны́е глаза* ‘бессмысленные глупые глаза’ [Там же, вып. 17, с. 173–174], рисующих выпученные глаза (ср. диал. *лубяные глаза* ‘глаза навекат’ [Там же]), можно предполагать ассоциативную связь с явлением лубочной литературы, в частности, с особенностями изображения лица на лубочных картинках, хотя нельзя исключить и прямую связь с существительным *луб*. К диал. *ошарове́ть* и *ошарове́ть* ‘обалдеть, одуреть, ошалеть, обезуметь’ [СРНГ, вып. 25, с. 80] приведен контекст: «Причем глаза обыкновенно останавливаются на одной точке в напряженном состоянии» [Там же]. От *шары* ‘глаза’ производно прилагательное *ди́кошарый* ‘дикий, с дикими глазами, сумасшедший’ [СРНГ, вып. 8, с. 64].

Уши и глаза как выполняющие свои прямые функции, то есть слышащие и видящие соответственно. Умственно полноценный человек в состоянии слышать и видеть: диал. *у́хо с гла́зом* ‘ловкий, находчивый, расторопный’ [ФСРГС, с. 206], *у́хо с гла́зом и нос попола́м* ‘бойкий, предприимчивый, смысленный человек’ [СРГСУ, т. 6, с. 138]. Умственный потенциал метафорически представляется как способность видеть: диал. *с глаза́ми* ‘умный, дальновидный’ [ФСРГС, с. 42], *вставить гла́зы* ‘начать правильно понимать происходящее, разобраться в чем-л.’ [ПОС, вып. 6, с. 173], *гла́зы не пе́рвые у кого* ‘об опытном, мудром человеке’ [Там же], жарг. *открыть айзы* ‘объяснить’ [БСЖ, с. 32] (от англ. *eyes* ‘глаза’ [АРС, с. 199]). Разнятся взгляды глупого и умного человека; если у первого взгляд остановившийся, мертвенный, то у второго он по-

движный, живой, ср. диал. *быстроглазый* ‘бойкий, смелый, находчивый; дальнотзорный’ [СРНГ, вып. 3, с. 350], *живчики в глазах ходят* ‘об умном, живом выражении глаз’ [ФСРГС, с. 71], *вертошарой* ‘очень смелый, находчивый’ [СДЛ, с. 14].

Нос. Диал. *хлопать ноздрями* ‘слушая, не понимать чего-л.’ [СРНГ, вып. 21, с. 273] образовано по той же модели, что и выражение *хлопать ушами*. Наличие в русских говорах слов *носопырый* ‘упрямый, бестолковый’ [Там же, с. 293] и *носопыря* ‘упрямец, бестолочь’ [Там же] объясняется «пакетом» отрицательных коннотаций, свойственных фразеологизмам, в состав которых входит слово *нос* (*с носом оставить* ‘провести, обмануть’, *нос потянуть* ‘одурачить, обмануть’ [Ожегов, с. 422]).

Открытый рот. Особенно важной «деталью» облика дурака является рот: диал. *расти́ в рот* ‘быть непонятливым, несмелым’ [СРНГ, вып. 34, с. 257], *разноротый* ‘тот, кто лишен наблюдательности, сообразительности’ [Там же, с. 42]. Характерная для глупого человека особенность – открытый рот: диал. *рот раззявить* ‘поступить необдуманно, сглупить’ [ФСРГС, с. 163], *ходить разиня рот* ‘о глупом человеке’ [СРНГ, вып. 35, с. 203], *во рту́ му́хи блу́дят* ‘о глупом человеке’ (*Рот всё время открытый, один себе, во рту мухи блудят, говорят*) [Там же], *ротопеля* ‘дурачок’ (волог.: *Вот и сидит, смеется, как ротопеля*) [КСГРС], *полоротина* ‘о бестолковом, неумелом человеке’ [СРНГ, вып. 29, с. 114], *полоротый* ‘непонятливый, придурковатый, глупый’ [Там же], *ротозей* ‘слабоумный человек; человек глупый, несообразительный’ [СРНГ, вып. 35, с. 206], *зеворотка* ‘глупая, бесхитростная, несмышленная женщина’ [Там же, вып. 11, с. 244], *зеворотый* ‘ненаходчивый’ [Там же], *зевало* ‘простак’ [Там же, вып. 11, с. 242].

Глупый вид имеет и задумавшийся человек, что подкрепляется совпадением типичной особенности их внешности (открытый рот), за-

фиксированной в диал. *ло́шадь в рот за́ехала* ‘о задумавшемся человеке’ [ФСРГС, с. 108].

Смех. Звукоподражательная основа диал. *прихехé* ‘придурковатый’ (волог.: *Сидит, сидит, да и захохочет вдруг, вот прихехе-то*) [КСГРС], *хехем* и *хихем* ‘умственно или психически ненормальный человек’ (арх.) [Там же], жарг. *хи-хи* ‘психически ненормальный человек’ [БСЖ, с. 649] вскрывает представление о хохоте как внешнем проявлении глупости. Наряду с общей негативной оценкой смеха релевантной оказывается его знаковая функция, поскольку он является признаком особого психического или эмоционального состояния. Сияющее, счастливое выражение лица мотивирует жарг. *ликующий придурок* ‘очень глупый’ [СМА, с. 227], *жизнерадостный* ‘психически ненормальный’ [БСЖ, с. 184], *жизнерадостный рахит из солнечной Армении* ‘о глупом человеке’ [ЖР, с. 58], *огрызок счастья* ‘о неумном, неумелом человеке’ [Там же, с. 115], утол. *радостный* ‘сумасшедший, психически ненормальный человек’ [БСЖ, с. 496]. Ср. пословицы *Смех без причины – признак дурачины*; *Смешно дураку, что нос на боку*.

Таким образом, портрет дурака имеет фантазмагорические черты: «Дурак “ртом глядит, брюхом слушает”, вместо глаз, “окон души” (*окно* : *око*), способных плакать, у дурака способный смеяться разинутый рот, дверь тела; ср. *рото-зей*, *разиня* и *луно-глаз* ‘ротозей, дурак’, сюда же “Подслеповатый с придурью, пучеглазый с дурью”» [Айрапетян, 2000, с. 119–120].

Упоминание глаз и ушей в диал. (*ровно*) *чурка с глазами* ‘неприветливый, тупой и угрюмый человек’ [ФСРГС, с. 218] и жарг. *чурка с глазами/с ушами* ‘глупый, тупой человек’ [СМА, с. 556] призвано не просто указать на отнесенность «деревянной» метафоры к человеку; деревяшка наделяется отличительными признаками внешности не человека вообще, а именно глупого человека, дурака.

Носители жаргона обобщили информацию о незаурядной физиономии глупого человека при помощи фразеологизма *лицо, не обезображенное интеллектом* ‘о глупом человеке’ [АТЛ].

Тело. Сближение семантических полей «Физические данные человека» и «Умственные способности» происходит по причине высокой экспрессивности лексики и фразеологии этих полей. Например, они соединяются в устойчивых формулах противопоставления ума и силы.

Сочетание большой физической силы и малого ума актуализировано в диал. *бугáй* ‘о большом, здоровом и глупом человеке’ [СРНГ, вып. 3, с. 236], жарг. *дефективный переросток* ‘инфантильный, наивный, простоватый человек’ [СМА, с. 110]. Фамилия и имя известного американского киноактера мотивируют жарг. *шварцнеггер* ‘культурист, не отличающийся высоким интеллектом’ [БСЖ, с. 686] и *арнольд* ‘юноша, мужчина, занимающийся культуризмом в ущерб интеллекту’ [СМА, с. 25]. Мощные, сильные тела двух литературных героев видятся носителю языка при использовании в речи выражения *два аякса* ‘о глуповатых, похожих друг на друга верзилах, приятелях-лоботрясах’ [СРФ, с. 35], бывшего первоначально метафорическим обозначением двух неразлучных друзей. Средством реализации подобных представлений является зоологическая метафора: жарг. *конь* ‘человек атлетического сложения, ведущий физически активный образ жизни, пренебрегающий развитием интеллекта’ [Югановы, с. 89]. Комбинация смыслов ‘тщедушный’ и ‘умный’ содержится в жарг. *умный, только худенький* [БСЖ, с. 612]. Ситуация соединения в одном человеке ума и силы в языковых фактах не зафиксирована.

Сочетание сем ‘высокий, долговязый’ и ‘глупый’ зафиксировано в значениях диал. *дылда* ‘глупый, простоватый человек высокого роста’ [СРНГ, вып. 8, с. 291], *злы́зло* ‘высокий, большой парень, не отличающийся умом’ [Там же, вып. 11, с. 295], *будáра* ‘женщина высокого роста, но не отличающаяся умом’ [Там же, вып. 3, с. 241], *га́га* ‘глуповатая

женщина большого роста' [Там же, вып. 6, с. 86], *дугу́ра* 'высокий, нескладный и глупый человек; дылда' [Там же, вып. 8, с. 246], *дуле́п* 'высокорослый и глуповатый человек' [Там же, с. 253], *осло́п*, *ослопень* [удар.?), *осло́пина* и *ослопи́на* 'великорослый, но глупый человек' [СРНГ, вып. 24, с. 25], *остоло́п* 'мужчина, парень высокого роста, но не слишком умный или не слишком расторопный' [Там же, с. 73], *болва-ню́га* 'человек высокого роста, но глупый' [СРНГ, вып. 3, с. 71], *верзи́ла* и *верзи́ло* 'глуповатый человек' [Там же, вып. 4, с. 146], *полоси́на* 'о глупом человеке' и 'о долговязом человеке' [Там же, вып. 29, с. 117]⁸. Совмещение качеств «рослый» и «глупый» запечатлено не только в лексике, но и в русских пословицах: «Вспомним целый ряд пословиц, в которых высокий рост ассоциируется с глупостью: *Велик, да дурак, а иной и маленек, да черт ли в нем; Велика Федора, да дура; Велик телом, да мал делом*» [Кругликова, 2000, с. 102]. У носителя языка вызывает смех диспропорция физических данных и умственных способностей человека.

Сочетание сем 'тщедушный' и 'глупый' как еще одна комбинация физических и интеллектуальных характеристик человека также имеет место в изучаемом поле. Она представлена в жарг. *до́дик* 'маленький, тщедушный, хилый, глупый человек' [СМА, с. 113], где все семы совмещаются в формулировке «ничтожный во всех отношениях, обделенный во всем».

Движения. Частью образа думающего человека являются также характерные движения, совершаемые им во время мыслительной деятельности: диал. *поцара́пать го́лову* 'пошевелить мозгами, подумать' [ФСРГС, с. 150], *поморга́ть* 'подумать, сообразить' [СРНГ, вып. 29, с. 223], жарг. *чесать / почесать репу* 'подумать' [БСЖ, с. 508] и др. Выражение *высосать из пальца* 'выдумать, сказать что-л. без всяких осно-

⁸ В основе жарг. *дурак в полный рост* 'полный дурак', *глупый всем ростом* 'очень глупый' лежит не описание внешности глупого человека, а сема 'абсолютный, совершенный'.

ваний' [СРФ, с. 428] связано с нервной привычкой грызть ногти в раздумье [Там же].

Метафора физического здоровья/нездоровья. Сочетаемость слов, называющих мыслительную способность, с обозначениями физических действий и характеристик человека указывает на то, что интеллект видится носителю языка как живой орган: *сила/мощь интеллекта, здоровый рассудок, сила разума, развивать/тренировать интеллект, упражнения для развития интеллекта, напрячь интеллект, напрячь ум.* В этом ряду обращает на себя внимание слово *интел-лект* – «недавнее заимствование, получившее неожиданную биологическо-механистическую коннотацию, заданную мифологией нового времени: интеллект ассоциируется с мышцей, с телом и никак не вписывается в древние представления о единстве духовного и интеллектуального в человеке» [Голованивская, 1997, с. 158–159].

Умный человек имеет статус здорового: *в здоровом уме и твердой памяти кто 'хорошо соображает, все помнит'* [Ожегов, с. 228], *здоровый смысл, здравая мысль.* Глупость же расценивается как болезнь и получает соответствующие обозначения, первоначально связанные с названиями болезней, патологических изменений в организме, состояния усталости: диал. *умом надорв́аться* 'стать умственно неполноценным вследствие психического заболевания' [ФСРГС, с. 117], жарг. *больной / больная и больнуша* 'дурак, дура' [АТЛ], *приболеть и заболеть* 'сойти с ума, перестать соображать' [Там же], *грешно смеяться над больными людьми* 'о глупом человеке или поступке, на который не стоит обращать внимание' [ЖР, с. 43], *тяжёлый случай* 'о несообразительном человеке' [АТЛ], *ошибка пьяной акушерки* 'о большом, глупом, уродливом человеке' [ЖР, с. 118], *лечись, пока бесплатно и отдохни!* 'говорится плохо соображающему человеку' [АТЛ], *рахит* 'некрасивый, глупый юноша' [БСЖ, с. 505], *рахитик* 'глупый человек' [АТЛ]. Разрабатывается образ эпидемии, повального заболевания: *чумовой* 'шалой, одурелый, очу-

мелый' [МАС, т. 4, с. 694], диал. *чумá в гóлову войдѣт / вошла́* 'о потере способности соображать, понимать что-л.' [ПОС, вып. 4, с. 105], *чумово́й* 'умственно неполноценный, недоразвитый, не в своем уме' и 'безграмотный, темный' (волог.) [КСГРС], жарг. *чума японская* и *чума на лыжах* 'сумасшедший человек; слишком энергичный, непоседливый человек' [СМА, с. 555], *маразм крепчал, шизуха косила наши ряды* 'о глупости, бестолковости' [ЖР, с. 91], угол. *чумовой* 'слабоумный' [БСЖ, с. 677].

Часто отрицательная характеристика человека по интеллекту формируется на основе медицинских терминов, обозначающих психические и прочие заболевания: жарг. *шиза* 'временное помрачение рассудка, выражающееся в ненормальностях поведения' и 'сумасшедший, психически ненормальный человек' [БСЖ, с. 688] и множество его дериватов (от термина *шизофрения*), *психеть* 'сходить с ума' [АТЛ], *психарка* 'сумасшедшая, ненормальная женщина' [Там же] (от обозначений психических болезней, напр. *психопатия*, *психоз*), *анемичный* 'глупый, несообразительный человек, дурак' [БСЖ, с. 36] и др. В обсуждаемом поле присутствует и метафора генетического уродства: жарг. *волосатая хромосома* 'глупый, недалекий человек' [БСЖ, с. 655] и *мутант* 'дурак, идиот, тупица, недоразвитый человек' [СМА, с. 258].

Обозначения физического уродства тоже способны мотивировать отрицательные характеристики человека по интеллекту: диал. *культяпа* 'бестолковый человек' [СРНГ, вып. 16, с. 75]; диал. *олапéть* имеет значения 'охрометь, стать малоподвижным от старости или из-за болезни' и 'поглупеть' (волог.) [КСГРС].

Наделенность мыслительной способностью является, таким образом, частью образа здорового человека.

Возрастная метафора. В основе некоторых наименований человека по интеллекту лежат мотивировочные признаки «молодой» и «старый».

Старость осмыслена носителем русского языка с двух сторон. Проживший большую жизнь человек обладает опытом, и с этой точки зрения обеспечена мотивация для обозначений умного человека: жарг. *борода* ‘знаток (об ученике)’ [БСЖ, с. 72]. Но старость характеризуется также ослаблением умственных способностей человека, что обеспечивает мотивационную базу для возникновения обозначений интеллектуально неполноценного человека: диал. *вы́стариться* ‘потерять от старости разум’ [СРНГ, вып. 6, с. 31], *беззубый талалá* ‘старый, выживший из ума человек’ [ФСРГС, с. 195], *ум прожítь* ‘поглупеть от старости’ [Там же, с. 204], *отживáть* ‘выжить из ума’ [СРНГ, вып. 24, с. 182], *вы́жить из рассу́дков* ‘глупеть, терять способность здраво мыслить, рассуждать от старости’ [ФСРГС, с. 35], *áредова (голова)* ‘бестолковая (голова)’ [СРНГ, вып. 1, с. 273] (от библейского Иаред – отец Эноха, проживший якобы 962 года, ср. также *аредовы веки* ‘долговечность, долгая жизнь’ [Фасмер, т. 1, с. 85]), диал. *гíриший* ‘дряхлый, немощный, слабосильный телом и умом’ [СРНГ, вып. 6, с. 175] и угол. *гирья* ‘неясно, непонятно’ [БСЖ, с. 126] (ср. жарг. *гиреть* ‘стареть’, *гируха* ‘старуха’, *гирший* ‘дряхлый’ и ‘худой’, *гирый* ‘старый’, *гиряк* ‘старик’ [БСЖ, с. 126]). Контаминация возрастной и «деревянной» метафоры ощущается в диал. *дрéвить* и *древítь* ‘забываться, лишаться памяти и соображения’ (арх.) [КСГРС] (*Древят уж старухи-те*), *дрéвный* ‘бестолковый’ [СРНГ, вып. 8, с. 180]. *Бабáй* как обозначение глупого человека, возможно, имеет своим предшественником его значения, указывающие на преклонный возраст человека: ‘старик-башкир’ и ‘фантастическое существо в образе старика, которым пугают детей’ [СРГСУ, т. 1, с. 28] (не без влияния национальной и мифологической метафор)⁹.

⁹ Связь между старостью и глупостью проводится не только во внутренней форме слов, но и на уровне семантики: диал. *озонтуглётъ* ‘опуститься, отупеть (от старости)’ [СРНГ, вып. 23, с. 98], *вы́псеть* ‘состариться, потерять разум от старости’ [Там же, вып. 5, с. 335], *дикáрь* ‘поглупевший от старости’ [Там же, вып. 8,

В свою очередь, отсутствие опыта и незрелость ума приписываются молодым людям и детям: диал. *недорóсток* ‘слабоумный человек, дурачок’ [СРНГ, вып. 21, с. 30], *младоу́мие* ‘неразвитость, недогадливость’ [Там же, вып. 18, с. 182], *детíнец* ‘дурак, глупец’ [Там же, вып. 8, с. 38], *безгóдок* ‘бестолковый человек’ [Там же, вып. 2, с. 185]; литер. (спец.) *инфантильный ум* ‘детски недоразвитый (ум)’ [Ожегов, с. 250]; жарг. *детство в голове / в попе играет / заиграло* ‘о глупом поступке’ [АТЛ], *впасть / впадать в детство* ‘поглупеть, вести себя неразумно, несообразно возрасту’ [Там же], *как честная девочка* ‘как дурак’ [СМА, с. 547], *инфанта* ‘недоразвитый, глупый человек’ [АТЛ], *юноша бледный со взором горящим* ‘наивный, придурковатый, со странностями человек’ [Там же], *детство* ‘ирон. оценка чьего-л. глупого, несуразного поступка’ [СМА, с. 110].

Метафора зрительного восприятия. Концептуализация умственного потенциала человека как способности видеть весьма устойчива в картине мира русского человека. Эта особенность уже была отмечена исследователями: «Глаголы зрительного восприятия очень часто используются для выражения мысли: *как вы смотрите на это?* (= что вы думаете об этом); *он усматривает в этом...* (= он думает, что это...); *я вижу это иначе* (= я думаю об этом по-другому)» [Гак, 1993, с. 28]. Ср. также вывод Т. И. Вендиной, сделанный на материале старославянской лексики: «Именно со зрением человек связывал свою способность постигать мир (ср. *съмотрити* 1) ‘обратить внимание’; 2) ‘узнать, осознать’» [Вендина, 2002, с. 95]. Об использовании лексемы *глаза* и ее синонимов уже говорилось выше; дополним картину диал. *закоснуло в шары* ‘взбрело в голову; осенило’ [СРНГ, вып. 10, с. 158] и *в глаза вздумало* ‘подумалось, пришло в голову’ [ФСРГС, с. 26]. Оппозиция «видящий – невидящий» проецируется на оппозицию «умный – глупый», ср.:

с. 55], *дiкий* ‘поглупевший, все забывающий от старости’ (арх., волог.) [КСГРС] и др.

рассматривать (проблему, вопрос), видеть (проблему), пересмотреть (решение), мысленный взгляд, видеться, вообразать, взгляды, воззрения, точка зрения.

Это подтверждает обширный диалектный материал: *видо́к* ‘тот, кто видит и понимает больше и лучше других; прозорливый человек’ [СРНГ, вып. 4, с. 276]; *взо́рный* ‘догадливый’ [Там же, с. 267], *провидо́ха* ‘смекалистый человек’ (волог.) [КСГРС], *прови́дливой* ‘догадливый, сметливый’ [СРНГ, вып. 32, с. 96], *прозри́тельный* ‘развитой, обладающий широким кругозором; знающий’ [Там же, с. 143], *в три ко́лена зéмлю мёрзлую ви́дит* ‘о знающем, проницательном человеке’ [СГРС, т. 2, с. 204], *узо́рить* ‘вникнуть во что-л., понять’ [НОС, вып. 11, с. 90], *зря́чий* ‘умный’ и ‘много знающий’ [СРНГ, вып. 11, с. 351], *примéтчивый* ‘сообразительный’ [Там же, вып. 31, с. 295], *прозри́тель* ‘умный, сведущий человек’ [Там же, вып. 32, с. 143]. Диал. *устро́жить* ‘понять’ имеет в качестве семантического источника значение ‘нечаянно увидеть, подсмотреть’ [НОС, вып. 11, с. 99]. Отметим и жарг. *прозреть* ‘понять’ [БСЖ, с. 483].

Метафору нарушений зрительного восприятия можно обнаружить в словах с корнем *-слеп-*: *ослепéние* ‘заблуждение, ослепление; помрачение рассудка’ [СРНГ, вып. 24, с. 25], *слепоу́мый, слепоу́мок, слепоу́м* ‘человек недалекого ума, глуповатый’ [Даль, т. 4, с. 229], *слепо́й* ‘неграмотный, не умеющий читать и писать’ [СРГСУ, т. 6, с. 25]. Ср. диал. *невишино́й* ‘неграмотный, темный; непросвещенный’ [СРНГ, вып. 20, с. 345], которое происходит от диал. *невишино́й* ‘слепой’ [Там же].

Пенз. диал. *полусвётный* ‘бестолковый, полоумный’ [Там же, вып. 29, с. 162] имеет внутреннюю форму «наполовину зрячий», поскольку приставка *полу-* обычно ограничивает проявление признака или действия, названного корнем, а лексема *свет* ‘зрение’ имеет широкое распространение в русских говорах. Более того, именно конструкция «*полу-* + *-свет-*» используется в диалектах для наименования пороков

зрения: *полусвѣт* и *полусвѣтъ* ‘1) плохое зрение’ и ‘2) одноглазый человек’, *полусвѣток* ‘одноглазый человек’, *полусвѣтый* ‘слепой на один глаз’ [Там же], *полусвѣтный* ‘одноглазый, кривой’ [СРГСУ/Д, с. 438]. Из этого следует, что лексема *полусвѣтный* своей внутренней формой и семантикой указывает на представление о глупом как плохо видящем.

Внутреннюю форму орл. диал. обозначения глупого человека *дуросвѣт* (фиксация в работе [Бахвалова, 1993, с. 23]) также можно истолковывать как «имеющий плохое зрение», поскольку корень *-дур-* легко развивает значение ‘плохой’, ср. урал. *дúра* ‘о чем-л., не стоящем внимания, бесполезном, плохом’ [СРНГ, вып. 8, с. 263], перм. *дúрбень* ‘нечто непутевое, дрянь’ [Там же, с. 265], калуж. *дурно́й* ‘плохой, негодный для употребления’ [Там же, с. 270].

Перм. диал. *бельмо́* ‘о плохо соображающем человеке’ [СПГ, вып. 1, с. 33] с большой долей вероятности вторично по отношению к *бельмо* ‘помутнение роговицы глаза’ [Ожегов, с. 43]. В то же время появление этого слова, возможно, спровоцировано функционированием в пермских и свердловских говорах лексем *бельме́йн* ‘бестолочь’ [СПГ, вып. 1, с. 32], *бельме́с* ‘дурак, болван’ [СРНГ, вып. 2, с. 237], *бельме́нь* и *бельме́й* ‘непонимающий, бестолковый человек’ [СРГСУ, т. 1, с. 41], которые традиционно возводятся к тат. *bilmäs* ‘он не будет знать’ или тур. *bilmäz* ‘несведущий’ [Фасмер, т. 1, с. 149] и не имеют отношения к символике белого цвета. Можно предполагать, что носитель говора в попытке освоить заимствование опирается на совпадение звукового ряда заимствованного и исконного слов и на наличие продуктивной модели «глупый – слепой»: происходит контаминация тюркской по происхождению лексемы и исконного слова *бельмо*.

В сочетаниях *смутные размышления*, *различать смысл* имплицитно содержится сема ‘плохо (смутно) видеть’, ср.: «*Различать*, в отличие от *замечать*, в значении восприятия несет презумпцию “плохой видимости”» [Кобозева, 2000, с. 353]. Напомним также глагол *казаться*, ко-

торый имеет сему ‘нечеткий, неясный, смутный (образ)’. И. М. Кобозева выделяет в метафоризации *мысли* и *идеи* их оптические свойства: *мысль* *беспросветная, неясная, смутная, туманная*; *идея* (и *мысль*) *прозрачная, расплывчатая, четкая, ясная* [Кобозева, 1993, с. 100], ср.: «Определенность контуров, характеризующая твердое, оформленное тело, передается также и при помощи прилагательных, описывающих мысль с точки зрения ее визуализации. *Хорошая, “качественная”* мысль – это мысль четкая, ясная и прозрачная, то есть удобная глазу, *плохая же мысль* – туманная, неясная, нечеткая» [Голованивская, 1997, с. 174]. Кроме того, поиск причины какого-либо явления – интеллектуальное действие, описываемое носителем русского языка с позиций зрительного восприятия: «*Причина* главным образом мыслится как нечто, поддающееся обозрению, – *внешняя, видимая, внутренняя, скрытая*. Основное действие, совершаемое с *причиной*, – поиск и выявление ее (найти и увидеть, а увидев, рассмотреть)» [Там же, с. 179].

Концепт приобретения знания и узнавания включает в себя метафорическую пропозицию «вывести наружу, сделав объект видимым»: *раскрыть, выявить*. «Толкование, ис-толкование – это вывод внутреннего значения, смысла, толка наружу» [Айрапетян, 2000, с. 15]. Ср. предпринятое Анной А. Зализняк описание метафоры, лежащей в основе ментального значения глагола *выходить* (*Вышло/Выходит, что я виноват*): «Это представление о положении вещей, которое из неизвестного становится известным, так сказать, “выходит наружу”, то есть как бы перемещаясь по темному коридору оказывается на открытом пространстве, где оно становится *видно*, то есть *известно*, ср. ту же метафору в глаголах *обнаружиться* и *оказаться*: буквально ‘стать видным’» [Зализняк, 1999, с. 317].

Еще одна «зрительная» модель эксплицируется на базе словообразовательного гнезда, объединяющего лексемы с интеллектуальной семантикой и обозначения зрительного восприятия действительности.

Первую группу составляют следующие номинации: диал. *маячить* ‘понимать кого-л., что-л.’ [СРГНО, с. 294]; *маякать* ‘соображать, раздумывать’ [СРНГ, вып. 18, с. 61]; *маянчить* ‘думать, предполагать’ [Там же]; *маячить* ‘объяснять, растолковывать’ [СГСЗ, с. 262]; безличный глагол *маётся* ‘думается, представляется, кажется’ [СРНГ, вып. 18, с. 62]; *маячить* ‘немного понимать, разуметь что-л.’ [Там же] (ср. угол. *выйти на маяк* ‘объяснить что-л. кому-л.’ [БСЖ, с. 344]) и др. Безусловно, «интеллектуальная» семантика здесь вторична. Встает вопрос о том, на базе какого значения она возникла. Обратим внимание на сему ‘виднеться’, которая выкристаллизовалась в процессе исторического развития семантики лексем анализируемого гнезда: диал. *маяченье* ‘видение’ [СРГСРКК, с. 166], *маячить* ‘казаться, мерещиться, чудиться’ [Там же; СРГНО, с. 294], *маячить* ‘высматривать’ [СРНГ, вып. 18, с. 62], *маячиться* ‘мерещиться, казаться’ [Там же]. Вообще *маяк* – это прежде всего хорошо видимый объект, выполняющий знаковую функцию.

Приведенный лексический материал восходит к праслав. **majati*, для которого предлагается считать исходной семантику ‘двигаться, двигаться туда-сюда’¹⁰ с дальнейшим преобразованием в ‘делать знаки, ма-

¹⁰ В данном словообразовательном гнезде отчетливо выделяется группа значений, описывающих движение: курск. *маяться* ‘шататься, слоняться с места на место’ [СРНГ, вып. 18, с. 61]. Дialeктный глагол *маячить* имеет в том. говорах значение ‘бродить без дела’ [СРСГСО-Д, т. 1, с. 263], в ряз., новг. и перм. означает ‘обладать способностью шевелиться, двигаться, действовать’, в астрах. – ‘идти долго, далеким путем’, во влад., волог., том. говорах – ‘шататься без толку, без дела; проводить время скучно, бестолково’ [СРНГ, вып. 18, с. 62]. Модель «умственная деятельность – двигательная активность», безусловно, продуктивна. Приведем несколько диалектных фактов: арх. *водить в уме* ‘обдумывать, раздумывать, соображать’ [Там же, вып. 4, с. 338], арх., астрах. *догна́ть* ‘понять’ [Там же, вып. 8, с. 88], влад. *достреми́ться* ‘догадаться, смекнуть’ [Там же, с. 149], свердл. *доходить до чего-либо* ‘понимать’ [СРГСУ, т. 1, с. 138]. Однако характер действия, называемого лексемами из гнезда *-маяк-*, – шататься, бродить без дела – типичен скорее для представлений об интеллектуальном бессилии (ср. обозначения глупого человека, дурака: *бродячий* [СГРС, т. 1, с. 188], *беспутявый* [Там же, с. 109], *заблуждённый* [СРНГ, вып. 9, с. 260]), нежели об умственной деятельности. Поэтому

хоть рукой' > 'кивать, качать' > 'мелькать, мельте-шить' > 'виднеться', 'мерещиться, казаться' [ЭССЯ, вып. 17, с. 134]. Конечные ступени этой цепочки, вероятно, и явились базовыми для возникновения значений типа 'думать, соображать, понимать', что отсылает нас к модели «думать – видеть», поскольку думающий, образно говоря, высматривает что-то, пытается разглядеть знаки.

Неожиданным может показаться наличие в сибирских говорах такого обозначения бестолкового, ничего не понимающего человека, как *мая́к* [СРГНО, с. 294; СРНГ, вып. 18, с. 61]. Мы видим здесь несколько возможных интерпретаций.

Это слово может являться результатом семантического переноса «чучело – дурак», так как в новосибирских говорах, например, у этой лексемы наличествуют оба значения: *мая́к* '1) пугало, чучело, которое ставят в огороде для отпугивания птиц, 2) *перен.* о бестолковом, ни на что не годном человеке' [СРГНО, с. 294]. Эта версия кажется еще более справедливой, если мы вспомним выражение *чучело гороховое* 'о том, кто выставляет себя в смешном или глупом виде' [Ожегов, с. 890]. Приведенный в словарной статье контекст, иллюстрирующий диал. *маяк*, хранит свидетельства актуальности для носителя говора коннотации «молчать»: «...ему говоришь, а он, как маяк, молчит, стоит, как маяк» [СРГНО, с. 294]. Кроме того, зафиксировано сиб. *мая́к* 'человек, молчащий и ничего не понимающий' [СРНГ, вып. 18, с. 61], где упомянутая коннотация является семой, поскольку входит в лексическое значение слова.

Сопутствующий значению 'отрицательная характеристика человека по интеллекту' признак 'неспособность к вербальному общению' у существительного *маяк* заставляет нас вспомнить о наличии в соответствующем этимолого-словообразовательном гнезде производных со

указанная группа значений вряд ли может быть семантическим предшественником значения 'понимать, соображать, объяснять' и т. п.

значениями, отрицательно характеризующими человека по речи. Например, глаголы *маячить* '1) помогать жестами в разговоре, 2) говорить непонятно, бестолково' [АС, вып. 3, ч. 1, с. 67] и *маякать* 'объяснять что-либо знаками, жестами; жестикулировать' [СГСЗ, с. 262] позволяют предположить развитие значений по схеме «делать знаки, жестикулировать > помогать себе жестами в разговоре > говорить бестолково».

Хотелось бы заметить, что модель «глупый – выделяющийся на общем фоне, торчащий» (*приторчень* 'болван, глупый невежа' [Даль, т. 3, с. 453] и др.), возможно, также оказала если не прямое, то хотя бы косвенное влияние на появление у лексики *маяк* значения 'бестолковый человек'. Известно, что маяком в диалектах называют различные объекты, которые заметны благодаря своей высоте: волж. *маяк* 'высокий бугор' [СРНГ, вып. 18, с. 61], иркут. *маяк* 'вершина холма' [Там же]. Кроме того, твер. *маячиться* 'поднимаясь на цыпочки, стараться возвыситься над окружающим' [Там же, с. 62] – пример актуализации семы 'выделяться на общем фоне'. Вообще мы уже неоднократно отмечали, что внутри столь богатого различными моделями концептуального поля заведомо часто будет встречаться «перехлест», наложение, взаимовлияние моделей.

Итак, наличие в говорах лексики *маяк* 'бестолковый человек' не опровергает факт существования модели «думать – видеть», несмотря на то, что внутренняя форма слова, казалось бы, отсылает нас к словообразовательному гнезду с семантикой 'виднеться', к которой данное слово если и причастно, то не в том смысле, как это произошло с глаголом *маякать* 'соображать, раздумывать' [СРНГ, вып. 18, с. 61] и подобными ему, а в развороте «глупый – видный, заметный». Две другие возможные интерпретации вообще уводят нас от концепции видения: искомое значение обсуждаемого слова может трактоваться как семантический перенос с другого значения этого слова («чучело – дурак»)

или как результат преобразования глагольной семантики от *делать знаки* до *плохо говорить* с последующим типичным переносом «бормочущий – дурак».

Таким образом, некоторые участки лексико-семантических полей «Зрение» и «Интеллект» обнаруживают регулярные соответствия на уровне внутренней формы слов с ментальным значением, а также на уровне семантических изменений (в случае полисемии).

Метафора нарушения функций прочих органов чувств. Представления об интеллектуальной деятельности формируются на базе перцептивного опыта человека. Человек, ум которого работает нормально, видится как способный чувствовать: «Особенно тесны связи между глаголами мышления и глаголами восприятия» [Гак, 1993, с. 28]. Подобные представления сообразны логике познания: «Познание мира и осознание себя в этом мире начиналось с его чувственного, визуального восприятия, ибо чувства суть инструменты познания, и только позднее оно становилось достоянием разума» [Вендина, 2002, с. 148]. Поэтому неспособность глупца адекватно реагировать вызвала к жизни семантическую конструкцию потери ощущений.

Чувствовать. Слово *ум* первоначально было связано именно с областью чувственных ощущений: восстанавливается индоевропейский корень **ai* ‘воспринимать органами чувств’, ‘понимать’ [Черных, т. 2, с. 289–290]. В русских народных говорах бытуют дериваты корня *-чу-* (ср. *чуять* ‘чувствовать’), называющие умственные действия и характеристики человека: *чу́вствовать* ‘помнить, знать, понимать’ (арх.) [КСГРС], *чу́хать* ‘понимать, знать толк’ [СРГСУ, т. 7, с. 37] и ‘понимать, соображать’ (волог.) [КСГРС] (от *чухать* ‘распознавать вкус пищи или питья’ [СРГСУ, т. 7, с. 37]), *прирасчу́хивать* ‘понимать; разуживать’ [СРНГ, вып. 31, с. 367], *чука́вый* ‘смышленный, сообразительный’ [НОС, вып. 12, с. 67] (от *чукавый* ‘чутко воспринимающий органами чувств’ [Там же]), *почу́хать* ‘понять, осознать что-л.’ и ‘узнать, собрать

сведения о ком-л., чем-л.’ [СРНГ, вып. 31, с. 21] (ср. *почухать* ‘воспринять органами чувств’, ‘распознавать чутьем, почуять что-л.’, ‘попробовать, испытать свойства чего-л.’, ‘заметить что-л.’ [Там же]). Из диалекта производные этого корня были усвоены уголовным жаргоном: *расчухать* ‘выяснить, понять, распознать’ [БСЖ, с. 505] и *расчухаться* ‘сообразить, понять что-либо’ [Там же].

Метафора потери чувствительности зафиксирована в глаголах *остаметь* ‘потерять способность соображать, опешить, обалдеть’ [СРНГ, вып. 24, с. 56] (от *остаметь* ‘утратить чувствительность, гибкость, онеметь; окоченеть’) [Там же], *остеклеть* ‘перестать соображать, напившись пьяным’ [СРНГ, вып. 24, с. 65] (от *остеклеть* ‘потерять подвижность, одеревенеть от холода’ [Там же]). Признак ‘нечувствительный’ лежит в основе диал. *бесчүвной* ‘бестолковый’ [СГРС, т. 1, с. 111] и *нечунáй, нечуня́й, нечухáй* ‘непонятливый, бестолковый человек’ [СРНГ, вып. 21, с. 209].

Нюхать. Группа наименований, реализующих представление об обонянии как способе познания мира, малочисленна: диал. *пах* ‘догадливость, сметливость’ (от *пах* ‘запах, обоняние, чутье’) [Там же, вып. 25, с. 285], *нюхловáтый* ‘смышленный, догадливый’ (арх.) [КСГРС], жарг. *воздух нюхать* ‘узнавать, разузнавать что-л.’ [БСЖ, с. 103]. На полюсе со знаком «минус» – прилагательное *нюхлый* ‘страдающий слабостью’ (от *нюхлый* ‘лишённый обоняния’) [СРНГ, вып. 21, с. 329].

Слышать. «Слова, обозначающие слуховые ощущения, также могут переходить в ментальное поле. Русский глагол *внимать* значит ‘слушать’, но его производное *внимание* уже целиком относится к ментальному полю, обозначая мысль, направленную на объект» [Гак, 1993, с. 28]. Диал. *вóймать* и *вóймовать* ‘понимать’ производны от *воймовать* ‘внимательно слушать, прислушиваться’ [СРНГ, вып. 5, с. 33]. Диал. *у́хо с гла́зом и нос пополáм* ‘находчивый, смекалистый, смышленный человек’ [СРГСУ, т. 6, с. 138] содержит упоминание органа слуха.

Вполне вероятно, что и прилагательное *ушный* ‘ушлый, дошлый, ловкий, смекалистый’ (арх.) [КСГРС] – результат притяжения слов *ушный* и *ухо*.

Потеря слуха фиксируется в диал. *отлумлѣние* ‘умопомрачение’ (ср. *отлѹмленный* ‘оглушенный’, *отлумлять* ‘криком довести до головокружения’) [СРНГ, вып. 24, с. 231]. Признак ‘глухой’ прямо назван в существительных *глухárь* ‘человек недалекий, тупой, малознающий’ [Лукьянова, 1986, с. 120] и *глухáя тетѣря* ‘тупой, глупый, бестолковый человек’ [Даль, т. 4, с. 403]. Большая группа дериватов с корнем -глуп- (около 50 лексических единиц) восходит к слав. *glupъ, являющемуся экспрессивным расширением с помощью лабиального элемента -р- усе-чѣнной формы от праслав. *gluxъ < и.-е. *klous «слух»; ср. белорус. диал. *самая глупась* ‘полночь’, рус. диал. *глупая ночь* ‘тёмная, поздняя ночь’ [ЭССЯ, вып. 6, с. 150–153]. Выражение *ни уха ни рыла* напрашивается на объяснение в форме *ни ухом ни рылом не смыслит*, то есть ‘ни понять слышанное, ни сказать толком не сумеет’ [СРФ, с. 589]. Фрагмент *ни ухом* и есть показатель того, что орган слуха у глупца не выполняет своих функций.

Метафора особого состояния организма (сна, опьянения, эмоционального и душевного потрясения). Представления о результате воздействия алкоголя и наркотиков на интеллектуальные способности человека отражены в диал. *вы́питься из ума́* ‘сойти с ума на почве пьянства’ [СГРС, т. 2, с. 242], жарг. *нанюханный* и *наколотый* ‘о том, кто не соображает’ [АТЛ] и др. Ср.: *трезво рассуждать*, диал. *трѣзвая голова́* ‘рассудительный’ [Даль, т. 4, с. 427].

Народные представления о сновидениях как имеющих предсказательную силу стали причиной сближения семантических полей «Сон» и «Интеллектуальная деятельность»: разг. *и во сне не снилось (что кому)* ‘совершенно не думал, не догадывался’ [Ожегов, с. 747], *ни сном ни духом не знать* ‘совершенно не знать’ [Там же], диал. *беренді́ться*

‘сниться; думать так же бессвязно, каким бессвязным бывает сон’ [СРНГ, вып. 2, с. 255], *вы́спать* ‘выдумать во время сна’ [Там же, вып. 6, с. 37].

Глупому человеку приписывается блаженное состояние духа (о смехе, счастье см. выше), а иногда причина наступления интеллектуальной неполноценности видится в эмоциональном потрясении: жарг. *печалью прихлопнутый* и *горем придавленный* ‘о глупом человеке’ [АТЛ].

Симптоматично обращение носителя языка к состоянию души интеллектуально неполноценного человека; душа у него иная, не человеческая, не земная: диал. *душа калека у кого* ‘о глупом, несообразительном, бесхитростном человеке’ [СПП, с. 38], *безду́шный* ‘глупый’ [СРНГ, вып. 2, с. 190]. Диал. *бессердэ́чный* ‘беззлобный, никогда не сердящийся, простоватый’ [Там же, с. 277], лишь формально близкое прилагательному *бездушный*, имеет мотивировочный признак «беззлобный» и рисует интеллектуально неполноценного человека как неспособного «раздражаться сердцем», ср. факты, контрастные по форме и смыслу: *сердиться* ‘злиться’, *в сердцах* ‘в гневе’.

Метафора соития и деторождения. В интересующем нас фрагменте картины мира присутствует фрейм деторождения. Анализ этой метафоры показывает, что ум в современном сознании ассоциируется со способностью человека принимать решение и порождать новое знание (жарг. *рожай быстрее* ‘побыстрее думай и принимай решение’ [АТЛ]). Обнаруживается тесная связь с концептом творчества: *роди́ть (что)* ‘сделать что-л. (чаще о творческой работе)’ (*Вчера весь день рожал первую главу /диплома/*) [БСЖ, с. 512]; *В его голове вдруг родилась мысль о том...; У меня родилась идея /мысль; В споре рождается истина; вынашивать план /замысел; детище* ‘плод творческой деятельности, обычно интеллектуальной, ментальной’).

Подобный смысловой субстрат обнаруживается и в мифологии: голова, вместилище мозга, осознается не только как место сосредоточения ума, но и может предстать в качестве органа деторождения (как известно, Афина, богиня мудрости и справедливой войны, появилась на свет из головы Зевса). Отождествление интеллектуальной деятельности с физиологическими процессами имеет древние корни и проявляется, например, в факте родства греческих слов γένος ‘род’ и γίγνομαι ‘рождаться, происходить’, γνῶμη ‘ум, сознание, дух; понимание, знание’ и γινώσκω ‘узнавать’: «И.-е. *ǵen- ‘знать’, несомненно, тождественно *ǵen- ‘рождаться’ и происходит из этого последнего» [Фасмер, т. 2, с. 101].

Внутри анализируемой семантической зоны обозначились две модели, из которых одна, как было показано выше, представляет интеллектуальную акцию как акт деторождения, другая — как акт соития. Тесную взаимосвязь концепций познания и соития эксплицирует выражение *познать женщину*.

Метафора качественного изменения или повреждения органа мышления. Метафорический образ повреждения мозга репрезентируют выражения: жарг. *мозги всмятку, хоть и крутой* ‘о глупости, тупости «новых русских»’ [АТЛ], *мозги вспухли / выветрило / гниют, через уши прут / закипели / кипят / не в порядке / отшибло / раскисли / расплавились / свернулись* ‘об утрате способности соображать’ [Там же]. Биологический термин *извилина головного мозга* (спец.) ‘разделенные углублениями выпуклости (изгибы), составляющие кору головного мозга’ [Ожегов, с. 239] получил широкую известность и потому активно препарируется в жаргонизированной речи: *извилины рвутся* ‘об утрате способности соображать’ [АТЛ] и др.

Метафора жизни и смерти. Ассоциативные связи в языке устанавливаются между интеллектом и жизнью, а также между глупостью и смертью. Мотив «живой» задействован в диал. *жівчики в глазах ходят*

‘об умном, живом выражении глаз’ [ФСРГС, с. 71] и *живой ум* ‘деятельный, полный жизненной энергии ум’ [Ожегов, с. 193], где живость метафорически означает подвижность, энергичность. Наименования глупого человека могут иметь мотивировочный признак «умерший». Обряд отпевания упоминается в выражениях *отпéтый дурак* ‘безнадежный, неисправимый, отъявленный дурак’ [СРФ, с. 618], *пéтый дурак* ‘совершенно глупый человек’ [Кругликова, 2000, с. 97], *непéтая дура* ‘о глупой женщине’ [СРНГ, вып. 21, с. 109], *непропéтая дура* ‘об очень глупой женщине (брань певчих)’ [Там же, с. 132]. Все они имеют мотивировку «тот, над кем /не/ совершен обряд отпевания» (т. е. /не-/ подготовленный к похоронам). Смерть – предельная величина, крайняя черта. Отрицательные характеристики человека по интеллекту, апеллирующие к образу смерти, содержат сему ‘крайний, дошедший до последней черты’, т. е. ‘в высшей степени глупый’. Л. Е. Кругликова эксплицирует для перечисленных языковых фактов коннотации «безнадежный» и «негодный»: «*Петый* или *отпетый дурак* – это безнадежный к исправлению дурак, так как отпевание является последним действием над человеком в его земной жизни» [Кругликова, 2000, с. 97].

Данная модель нашла воплощение и в современном молодежном жаргоне: *конченный* и *мёртвый* ‘о том, кто перестал соображать’ [АТЛ], *крякнуть* ‘сойти с ума’ [Там же], *убитый* ‘о человеке в состоянии помрачения рассудка’ [Там же].

Таким образом, лексика, описывающая анатомию, физиологию человека, помогает носителю языка оформлять результаты собственной рефлексивной деятельности по поводу особенностей протекания мыслительной деятельности.

1.2. РЕЧЕВОЙ КОД

В лексике и фразеологии русского языка отразились представления о тесной взаимосвязи интеллектуальной и речевой деятельности человека. Если работа ума ассоциируется с успешной реализацией речевой способности, то индикатором интеллектуальной неполноценности являются дефекты произношения и несоблюдение риторических качеств речи. Отрицательную оценку в языковых репрезентациях умственного нездоровья получают, например, косноязычие, болтливость, нарушение связности, логичности, ясности речи.

Метафора речи. Исследуемый материал позволяет выявить убежденность носителя языка в синкретичном слиянии двух способностей, которыми наделен человек, – мыслительной и речевой: мысль обнаруживает себя в акте произнесения слова, говорения. Их тесную взаимосвязь манифестирует глагол, располагающийся в центре лексико-семантического пространства «Ум»: «С этимологической точки зрения глагол *думать* изначально не принадлежал к ментальным глаголам. Однако уже достаточно рано в его семантике произошли значительные изменения. Праслав. **duma* связывают с **dux-* / **dux-* / **dъx-* и с **dъmъq*, *dqti*, *dymati*. Г. Якобсон установил следующее направление семантического развития слав. **duma*: ‘дыхание’ → ‘(произнесенное) слово’, откуда затем значения ‘совет’ и ‘мысль’. При этом глагол был первичным. Древнерусское *думати* имело значения ‘говорить, советуя’ и ‘совещаться, советоваться’» [Макеева, 1993, с. 43].

Языковые факты содержат множество свидетельств неразрывности речевой и интеллектуальной деятельности человека, что отмечено многими лингвистами: «Связь мышления с говорением проявляется в наличии значительного числа единиц, выражающих синкретично оба значения: *заявлять*, *уверять*, *уговаривать* и т. п. В употреблении многих глаголов говорения “мысль вытесняет речь”. Например: *Гегель го-*

ворит, что... значит фактически Гегель считает (думает), что... Выражение по его словам фактически значит часто по его мнению; он думает, что...» [Гак, 1993, с. 28].

Идея интеллектуального воздействия, осуществляемого при помощи речи, объединяет глаголы со значением ‘объяснять, растолковывать’: *ростолмовать* [СРГСУ, т. 5, с. 89], *втлумачить* [СРНГ, вып. 5, с. 229], *втóлмить* [Там же], *раствердить* ‘разъяснить’ (волог.) [КСГРС] и др.; ср. *ростолкуистой* ‘толковый, умеющий объяснить’ [СРГСУ, т. 5, с. 89].

Слияние речевого и интеллектуального действия подтверждается и тем, что лексема *слово* в источниках древнерусского и старорусского периода имела значение ‘ум, разум, интеллект’. Ее дериваты – *словесьнь* ‘обладающий разумом’ [СС, с. 611], *бесловесьнь* (перен.), *бесловьнь* ‘неразумный’ [Там же, с. 81], *несловесьнь* ‘неразумный’ [Там же, с. 375] – обнажают синкретизм понятий *мыслить* и *говорить*: «Слияние идей разума и способности говорить в представлении о словесной природе человека было столь велико, что разделить их чаще всего не представляется возможным. Производные прилагательные *словесьнь* и *безсловесьнь*, существительное *безсловесие* соединили представления о речевом и разумном началах с преобладанием последнего, знача соответственно ‘разумный’, ‘неразумный’, ‘неразумие’» [Дегтев, 2000, с. 163].

Диалектные глаголы *гласиться* и *изболтать* уникальны прозрачностью указания на слиянность мысли и слова. Первый мотивирован лексемой *голос*: диал. *гласи́ться* ‘иметься в думах, мыслиться’ [СРНГ, вып. 6, с. 193]. Получается, человек осознает мысль тогда, когда она начинает «звучать», и речевой аппарат с этого момента готов материализовать мысль. Диал. *изболта́ть* ‘выдумать’ (*Изболтают из своей головы*) [Там же, вып. 25, с. 94] запечатлело факт появления мысли в вербализованном виде.

Неслучайно «воротами для интеллектуальных сущностей» в народно-языковой картине мира назван рот человека. Слова *рот* и *губы*, включенные в состав фразеологизмов, являются знаком речевого оформления продуктов умственной деятельности – мыслей: диал. *в рот не въехало* ‘не догадался’ [НОС, вып. 1, с. 145], *приплыть к губам* ‘прийти на ум; вспомниться’ [СРНГ, вып. 31, с. 349], *как в рот положить* ‘подробно, понятно рассказать, передать’ [Там же, вып. 29, с. 103].

Таким образом, в наименованиях интеллектуального действия акцент делается на способности говорить как таковой, без заострения внимания на каких-либо характеристиках речи (вероятно, по той причине, что положительные качества редко бывают специально отмечены).

Метафора немоты и косноязычия. Интеллектуально неполноценному человеку, согласно языковой картине мира, свойственны дефекты речи. Показателями слабоумия являются немота, бормотание и косноязычие. Дурак как молчащий, лишенный речевой способности предстает в уже упоминавшейся лексеме *бессловесный*, а также в диал. *немко́* ‘немой человек’ и ‘придурок’ (волог.) [КСГРС], *немты́рь* ‘о бесполом, непонятливом человеке’ [СРНГ, вып. 21, с. 88] (см. внутреннюю форму слова и первичные «речевые значения»: слово используется в качестве обозначения немого, глухонемого, косноязычного человека, заики [Там же]).

Негативную оценку получает и тихая невнятная речь: *куту́й* ‘бестолковый человек’ (от *куту́й* ‘неразборчиво говорящий человек’) [СРГ-СУ/Д, с. 275]; *ку́йм* ‘глупый, слабоумный, недоразвитый человек’ (арх.) (ср.: ‘немой человек’, ‘человек, который плохо, невнятно говорит’, ‘ребенок, долго не начинающий говорить’, ‘заика’, ‘молчун, неразговорчивый человек’) [КСГРС]; *недоба́й* ‘недоразвитый, слабоумный человек’ и ‘недогадливый человек’ [НОС, вып. 6, с. 36] (ср.: *недоба́й* ‘неразговор-

чивый, молчаливый человек', 'человек, не умеющий высказываться', 'заика', 'человек с картавой речью, косноязычный; человек с шепелявым произношением' [Там же]).

Часто внутренняя форма диалектного слова со значением 'дурак, бестолковый человек' сохраняет звукоподражательные элементы: *ала-луй*, *алалá*, *алалы́ка* [СРНГ, вып. 1, с. 230] (ср. *залалакать*, *залалыкать* 'заговорить невнятно, неразборчиво; заболтать' [Там же, вып. 10, с. 192], *алалыка* 'болтун, дурак' [Там же, вып. 1, с. 230]); *ала́бор* [Там же, с. 228] (от *алабор* 'бестолковый, косноязычный, немой человек' [Там же]); *талалá* [СРГСУ, т. 6, с. 86] (ср. *талала* 'тот, кто шепелявит' [Фасмер, т. 4, с. 14] и диал. *талалакать* 'картаво говорить', *талала* 'картавый'; *талалы* 'болтовня, пустословие', *талалыка* 'пустой болтун' [Даль, т. 4, с. 388]); *ню́гача*, *ню́ганда*, *нюгайду́н* [СРНГ, вып. 21, с. 326] (от *нюгайдать* 'говорить тихо, невнятно, гнусавить' [Там же]); *дундук* [ПОС, т. 10, с. 43] (ср. *дундеть* 'надоедливо твердить что-нибудь, бубнить' [Там же]); *га́га* [СРНГ, вып. 6, с. 86] (ср. *гагышка* 'о человеке, невнятно говорящем' [Там же]); *бурбо́н* [СРНГ, вып. 3, с. 282] (от *бурбон* 'тот, кто неразборчиво говорит' [Там же]); *лепе́стка* [СРНГ, вып. 16, с. 361] (ср. *лепета* 'о том, кто говорит невнятно, неясно' [Там же] и литер. *лепетать*) и т. п. Диал. *латату́й*, возможно, также имеет звукоподражательную природу, имитируя невнятную речь; хотя Фасмер предполагает, что это «образование, аналогичное тю-тю 'нет, пропал'» [Фасмер, т. 2, с. 464]). Подобные факты известны и литературному языку: *обормот* (от *бормотать* [Фасмер, т. 3, с. 106]), *балбес* и *балаболка* (*bъlbъ / *bъlba трактуется как типичное звукоподражательное образование из двух губных и одного плавного [ЭССЯ, вып. 3, с. 117]; ср. рус. *балабола* «болтун», болг. *блаболя* «бормочу», чеш. *blby* «слабоумный», лат. *balbus* «заика», словц. *blbla*, *blbla* «подражание голосу немого», нем. *balbeln* «лепетать» [Фасмер, т. 1, с. 111]), *балатол* (где элемент *bala-* —

«экспрессивная оноματοпея типа др.-инд. *balbala*» [ЭССЯ, вып. 1, с. 144]).

Недостаточно энергичная и потому неразборчивая, непонятная речь затрудняет взаимодействие; невозможность установить контакт вызывает у собеседника раздражение и подозрение в интеллектуальной неполноценности партнера: «если я, умственно полноценный человек, не понимаю, что он говорит, значит, он говорит не так, как должен говорить умственно здоровый человек, и потому является интеллектуально неполноценным». Речевые дефекты и интеллектуальные аномалии объединяет мотив отклонения от нормы.

Метафора нарушения содержательности речи. Кроме неразборчивой речи, получает негативную оценку и потому связывается с интеллектуальной неполноценностью неинформативная речь. Это характерно для носителя жаргона: *ахинейщик* ‘дурак, тот, кто говорит глупости’ [АТЛ] (от *ахиня* ‘взор, бессмыслица’ [Ожегов, с. 32]), *воздухан* ‘дурак, тот, кто говорит глупости’ [АТЛ] (от *воздух*). Существительное *воздухан* появилось, вероятно, на пересечении двух смыслов: мотива пустоты (поскольку наивно-языковые представления о воздухе включают сему ‘невесомый, неосязаемый’, слово *воздухан* можно интерпретировать как «тот, кто произносит пустое») и мотива звучания (поскольку звук человеческой речи производится при помощи дыхания и передается «по воздуху»; тогда *воздухан* нужно интерпретировать так: «тот, кто много произносит, производит много звуков в ущерб смыслу»). «Ненормативное» преобладание формы над смыслом подчеркнуто и в диалекте, но при помощи звукоподражания: диал. *тарары́к* / *тарары́нка* ‘глупый человек’ (от *тарарыкать* ‘говорить вздор, чушь, чепуху’) [Бахвалова, 1993, с. 45] и др.

Метафора скрытности / болтливости. Многие языковые факты указывают на закономерную, согласно русской языковой картине мира, диспропорцию речевых и интеллектуальных усилий: чем больше чело-

век говорит, тем меньше думает (тем он глупее); чем больше он молчит, тем больше думает. Намерение скрыть мысли, оставить их невысказанными, актуализировано в диал. *забрать за губу* ‘смекнуть, задумать что-либо’ [СРНГ, вып. 9, с. 256], *загубина* ‘мысль, слова, оставшиеся невысказанными, намеренно скрытые’ [Там же, вып. 10, с. 33]. Болтливость же, невоздержанность на язык, непомерная речевая активность оценивается отрицательно и является маркером глупости: диал. *горлопѣтина* ‘простак, простофиля, неуч’ (от *горлопѣтина* ‘крикун, горлопан’) [Там же, вып. 7, с. 42], *ля́бзя* ‘разиня, простофиля’ (ср. *лябзя* ‘болтун, пустомеля’; *лябзать* ‘разглашать /секрет, тайну/, болтать’; *лябзить* ‘болтать, говорить’ и ‘говорить невнятно, неясно; мямлить’) [Там же, вып. 17, с. 251], *лявза́* ‘глуповатый, нерасторопный человек; разиня, раззява’ (от *лявза* ‘о ребёнке, который много болтает’, ср.: *лявзать, лявзять* ‘болтать’ и ‘разглашать (секрет, тайну); болтать, сплетничать’) [Там же, с. 252], *ля́мза* ‘дурачок, пустомеля’ (от *лямза* ‘болтун’) (волог.) [КСГРС], *леоба́й* ‘глупый, глуповатый человек, дурачок’ (от *леобай* ‘болтун’, ср. *леобайничать* ‘болтать, много говорить, пустословить’) [Там же], *далдо́н* ‘непонятливый, бестолковый человек’ [СРНГ, вып. 7, с. 267] (ср.: *долдон* ‘человек, говорящий много и без толку’ [Там же, вып. 8, с. 109], *далдонить* ‘говорить много, без толку’ [Там же, вып. 7, с. 267]). Диал. *байолда* ‘дура’ [Там же, вып. 2, с. 56] содержит в своей структуре элемент *бай-*, выражающий сему ‘говорить’ (ср. диал. *бай* ‘говорун’ и ‘речь, способность говорить’, *байолда* ‘болтун, пустомеля’ [Там же]); вторая часть слова объясняется контаминацией с *балда* ‘болван, дурак’. Однако нельзя исключать, что перед нами заимствование – возможно, из тюркских языков. С речевой невоздержанностью можно связывать простореч. *обо́лтус* ‘дурак, бездельник’ [Ожегов, с. 434] и диал. *обо́лтус* ‘грубый и глупый человек’ [СРНГ, вып. 22, с. 169], *обо́л-тень* ‘глупый и ленивый человек’ [Там же], *обо́лтух* ‘глупый и ленивый человек’ [Там же], *обо́лт* ‘тот, кто плохо соображает’ [НОС, вып. 6,

с. 102]. Н. М. Шанский трактует лексему *оболтус* как собственно русскую: «В русский литературный язык пришло из диалектов в 19 веке. Существование *болтус* ‘врун, болтун’ (от *болтать*) в ряз. и влад. говорах позволяет считать, что *оболтус* образовано с помощью приставки *о-*» [КЭСРЯ, с. 299]. Молчание умного и неумеренная речевая активность дурака отмечены и в поговорках: диал. *одна голова – два языка* ‘глупый, болтливый’ [ФСРГС, с. 45], жарг. *молчи, за умного сойдёшь* ‘о болтливом, неумном человеке’ [СМА, с. 491] и *словесный понос – умственный запор* ‘о глупом и болтливом человеке’ [АТЛ].

Метафора многократного повторения речевого действия.

В нескольких языковых фактах выявляется представление о многократном повторении одного и того же как действию, свойственном глупому человеку. Например, слово *долма́т* ‘глупец, дурень’ [СРНГ, вып. 8, с. 112] образовано от глагола *долматить* ‘говорить беспрестанно одно и то же; трещать, болтать’ [Там же]. В такой интерпретации рассматриваемая метафора является разновидностью метафоры болтливости. Однако речевой повтор может совершать не интеллектуально неполноценный человек, а его собеседник, вынужденный делать это для того, чтобы его понял несообразительный человек. При общности мотивировочных признаков – ‘повторяемость, многократность речевого действия’ и ‘напрасность, бесполезность речевых усилий’ – существенны различия в реконструируемых мотивационных моделях¹¹. Т. В. Бахвалова на примере орловских говоров показала, что диалектоносители связывают существительные *долбега, долбешка, долбёшка, долбежка, долбушка, долбня, долбняк* ‘глупый, непонятливый человек’ с глаголом *долбить* ‘беспрестанно твердить кому-л., повторять одно и то же’ и снабжают их толкованием типа *ему/тебе говорят, говорят* (или *долбишь, долбишь*), *а он/ты не понимает/-ешь* [Бахвалова, 1993, с. 37]. Таким образом, связь некоторых обозначений глупого человека отношениями семантической

¹¹ См. об этом же: [Бахвалова, 1993].

мотивации с глаголами речи получает в народно-языковой картине мира неоднозначную интерпретацию: речевое действие, состоящее в многократном повторении одного и того же, может приписываться как глупому человеку, так и его собеседнику.

Метафора местных особенностей речи. Особенности речи жителей одной местности легли в основу диалектных обозначений глупого человека или его действий: влад. *коёка* ‘простоватый, глупый человек’ и *коёкать* ‘бестолково спрашивать коё (где); ходить разиней’ [СРНГ, вып. 14, с. 48], тамб. *когóкнуть* ‘проявить простоватость, простодушие, непосредственность, свойственные русскому’ [Там же, с. 43] (ср. моск. и тул. *когокатъ* ‘произносить *г* в окончаниях род. пад. прилагательных и местоимений (кого, его и т. п.)’ [Там же]). Употребление в одном из местных говоров *коё* вместо литературного варианта *где* и произношение *ко[г]о* вместо нормативного *ко[в]о* расценивается как свидетельство культурной отсталости и, следовательно, интеллектуальной неполноценности. Влияние оказала одна из моделей социального кода, согласно которой глупость приписывается «соседу», жителю соседней области. На тот факт, что «когокают» именно соседи, указывает иллюстрация к орл. и курск. *когаи* ‘прозвище жителей, курян или орловцев, произносящих *г* в окончаниях род. пад. прилагательных и местоимений’ (*А в Мармыжах, вот тут совсем близко, живут когаи, у их и обряд, и погляд другой, и говор хитрый*) [Там же, с. 44]. Контекст обнажает актуальность оппозиции «свой – чужой».

По рассмотрении речевого кода нельзя не согласиться с результатами исследования З. И. Резановой, которая пришла к выводу о том, что носитель русского языка оценивает как норму внятную речь в умеренном темпе, а также предъявляет к ней требование информационной насыщенности и правдивости [Резанова, 1995, с. 71–72]. Речь глупого человека, как и следовало ожидать, не соответствует этим критериям.

Глава 2

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Отношения «человек – человек» составляют часть антропологической сферы в широком понимании (в предыдущем разделе мы употребили этот термин, присвоив ему узкое значение). Образы из этой сферы привлекаются носителем языка для концептуализации интеллектуальных смыслов. Социальные роли, социальные условия, уровень жизни, различные направления в искусстве, исторические периоды, общественные институты – все, что является результатом взаимодействия людей, обладает высокой культурной значимостью для человека и в то же время высокой степенью освоенности, так как каждый человек включен в социум.

Особое место занимает антропонимикон, поскольку личное имя, согласно верованиям, определяет судьбу человека. Цепь событий, через которые он должен пройти, зависит от характера его взаимодействия с людьми (человек – человек) и прочим окружением (человек – природа), а также от его темперамента, здоровья, внешности, сложения, привычек (сам человек), и все это хитросплетение свойств и обстоятельств спрогнозировано именем. В выражении интеллектуальной семантики участвует особенно много имен, и большая часть из них имеет социальный «привкус», поэтому параграф, описывающий антропонимический код, помещен в настоящий раздел.

Наконец, человек всегда подозревал существование сверхъестественных сил, способных влиять на его судьбу и на умственные способности в частности. Различные верования, как правило, объединяют нескольких или многих членов коллектива людей, образуют один из слоев духовной культуры и потому затрагиваются в настоящей книге (см. «Мифологический код»).

2.1. СОЦИАЛЬНЫЙ КОД

Исследуемый языковой материал включает в себе множество метафор, которые обязаны своей мотивационной базой наименованиям из сферы общественной жизни человека, куда можно отнести «человека социального (общественного)» (*homo civilis*) с его характеристиками по роду занятий, уровню культуры и другими характеристиками, «социальное пространство» (социально-административное деление, культурное, классовое, профессиональное расслоение, институт семьи и др.) и «социальное время» (прошлое человечества, его историю). Область социальной метафоры отличается обширностью встроенного в модели лексического и фразеологического материала.

Этническая метафора. Положение о том, что «тип переноса значения от наименований представителей определенных этнических групп к характеристике человека известен русскому языку» [Бахвалова, 1993, с. 84], требует уточнения. Для появления вторичных значений у этнонимов есть различные основания.

Глупый человек как представитель чужого этноса. Представитель другой этнической группы – это человек, которого не понимают и который не понимает. Два вектора непонимания, связанные с образом носителя чужого языка, обусловили кристаллизацию семы ‘не понимать’ и смысловой доминанты «чужой». Основной фактор отбора этнонимов – актуальный для номинатора на определенном отрезке времени языковой барьер, в частности, между русскоязычным населением, с одной стороны, и финнами, латышами, удэгейцами, удмуртами, бурятами, ненцами, с другой стороны.

От *чухна* ‘финн’ [НОС, вып. 12, с. 71], *чухонец* ‘петербургское прозвание пригородных финнов’ [Даль, т. 4, с. 616] происходят диал. *чухна́* ‘несмышленный человек’ [НОС, вып. 12, с. 71], *чухо́нь-чухо́нью* ‘бестолковый человек’ [СРГЗ, с. 456]. По версии Ж. Ж. Варбот [устное сообще-

ние], арх. *белокупый* ‘в высшей степени глупый, «дикарь»’ первоначально могло быть обозначением представителей финно-угорских племен, соседствующих с жителями Русского Севера, с мотивировочным признаком «белоголовый», то есть «светловолосый».

Переносное значение приобрело название жителя Латвии: диал. *латыш* ‘бестолковый человек’ [СРНГ, вып. 16, с. 293]. Важность речевой характеристики человека этой национальности подтверждается наличием у рассматриваемого слова переносных значений; ср. диал. *латыш* ‘человек, который картавит или плохо выговаривает слова; косноязычный человек’ [Там же] и производный от этнонима глагол *латышить* ‘говорить нечисто, картавить’ [Фасмер, т. 2, с. 466].

В результате искажения слова *удэгейцы* ‘народ, составляющий коренное население горных районов Приморского и Хабаровского краев’ [Ожегов, с. 827] появились диал. *идыгэйка* ‘глуповатый, бестолковый человек, сумасшедший’ [СРГЗ, с. 140] и *очудиться идыгэйкой* ‘сойти с ума’ [ФСРГС, с. 130].

У существительного *воть* ‘вотьяк (устарелое название удмурта)’ [СРНГ, вып. 5, с. 164] развилось переносное значение: диал. *воть* ‘дурак, разиня, болван’ [Там же]. У слова *талá* ‘представитель бурятского народа’ [СГСЗ, с. 466] появилось значение ‘о недалеком, глупом, бестолковом человеке’ [Там же]. На базе диал. *лопáрь* ‘ненец’ (арх.) [КСГРС] возникли диал. *лопарí* ‘дикие, темные люди’ (арх.) [Там же] и *лопáрь* ‘дурак, ненормальный человек’ (арх.) [Там же].

Для просторечных и жаргонных «этнических» наименований интеллектуально неполноценного человека существенен мотив дикости, невежества, соседствующего с грубостью: *татарин* ‘невежественный, грубый человек’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 139], *монголоид* ‘недоразвитый, тупой человек’ [СМА, с. 251], *татаро-монгольский* ‘глупый, несуразный, неумный; дикий, некультурный’ [Там же, с. 465], *удмурт* ‘шалопа; растяпа, дурачок’ [Там же, с. 489].

Ряд лексем, которые используются в качестве обозначений глупого человека, не содержат указания на определенную народность, но имеют мотивировочный признак «нерусский». Так, выражение *ясáчная голова* ‘глупый человек, дурак’ [ФСРГС, с. 45] возникло на основе существительного *ясак* ‘натуральная подать, которой облагались нерусские народы Поволжья (в 15–18 вв.) и Сибири (в 17–начале 20 в.) в России’ [МАС, т. 4, с. 785]. Диал. *орда́* ‘о тупом, плохо соображающем человеке’ [СРНГ, вып. 23, с. 332] опирается на диал. *орда́* ‘в дореволюционной России – прозвище киргизов, казаков, чувашей и других национальных меньшинств’ [Там же, с. 331]. В отношении диал. *абазá* ‘бестолковый человек; басурманин’ [Там же, вып. 1, с. 188] в словаре указано, что это заимствование из тур., крым.-тат. *abaza* ‘глупый, безумный’ и ‘неразборчиво говорящий человек’ [Фасмер, т. 1, с. 56], а толкуется оно, как можно увидеть, через существительное *басурманин*; ср. устар. *басурман* ‘в старину: иноземец, иноверец (преимущественно о мусульманине)’ [Ожегов, с. 37].

Стирание конкретных этнических смыслов и, как следствие, генерализация семы ‘чужой, нерусский’ наблюдается в лексеме *чудь* ‘общее название некоторых западно-финских племен’ [Ожегов, с. 49], ‘название древнего народа’ [КСГРС]: «Таким широким обобщающим значением обладает, как известно, не только этноним *чудь*, но также этнонимы *немец, татарин*. <...> Помимо аттракции *чудь* – *чужой*, данный этноним неминуемо подвергается притяжению к лексемам *чудо, чудак*» [Березович, 2000б, с. 462]. Этим объясняется широкое распространение переносных наименований глупого, невежественного человека: диал. *такая / этакая чудь* ‘темные, некультурные люди’ [ФСРГС, с. 218], *чудь* ‘недалекий, туповатый, недогадливый’ (арх.) [КСГРС], *чуди* ‘темные, неграмотные люди’ [СРГСУ, т. 7, с. 34].

В говорах Урала есть ряд лексем, отрицательно характеризующих человека по интеллекту, у которых можно заметить совпадение началь-

ного звукового комплекса *чу-* и наличие словообразовательных морфем (или квазиморфем) с потенциально возможным значением лица (*-арь, -ан, -[м]ек*): *как чучмёки* ‘о неграмотных, отсталых, необразованных людях’ [СПГ, вып. 2, с. 536] и *как чучкари́* ‘об отсталых, необразованных людях’ [Там же], *чучка́н* ‘о темном, необразованном человеке’ [Там же] и *чу́ча* ‘психически ненормальный человек’ [Там же], *чуха́н* ‘неумный человек, дурак’ [СРГСУ/Д, с. 568]. Можно предположить, что эти языковые факты были первоначально этнически-номинативными единицами. Такая возможность обоснована Е. Л. Березович: «Апофеозом действия процессов аттракции является вовлечение в круг сближаемых единиц практически любых звукокомплексов с начальным *чу-*. <...> Такому сближению способствует экспрессивность звукокомплексов на *ч-*, а кроме того, дополнительные аттракционные влияния со стороны слов *чушь, чукча* (что особенно актуально для современного языкового сознания)» [Березович, 2000б, с. 463].

На фоне всего вышесказанного диал. *нерусь* ‘о бестолковом человеке’ [СРНГ, вып. 21, с. 147] и *с ним по-ру́ски не сговори́шь* ‘глуп (кто)’ [Даль, т. 4, с. 114] имеют вид обобщения. Этот тип переноса слабо унаследован жаргонной речью: лишь в жарг. *турка* и *турка непонимающая* ‘глупый человек’ [СМА, с. 482] подчеркнута идея непонимания.

В некоторых языковых фактах звучит дополнительный мотив – мотив отсталости, низкого уровня развития. Если это едва уловимо в диал. *ва́ньза* ‘бестолковый, глупый человек’ [СРГСУ/Д, с. 55], которое произошло от диал. *ва́ньза* ‘наименование исконных жителей Зауралья (каких?), населявших край до прихода русских’ [Там же], то в жарг. *абориген* ‘глупый, неразвитый человек’ [АТЛ], также апеллирующем к обозначению коренного жителя страны, местности, мотив «отсталый, неразвитый» становится выпуклым.

Глупый человек как представитель этнической группы, находящейся, согласно наивно-языковой картине мира, на низком уровне

развития. Появление в современном жаргоне репрезентирующих этническую метафору отрицательных характеристик человека по интеллекту чаще всего обусловлено наивными представлениями об отсталости, невысоком уровне развития отдельных народностей. Особенно активно развивается чукотская тема (*чукча* и *умный чукча* ‘глупый, недалекий человек’ [БСЖ, с. 677], *наивная чукотская девочка* ‘о глупой девушке’ [АТЛ]). Разрабатывается и африканская тема: *пигмей* ‘глупый человек’ [Там же] (от *пигмей* ‘человек, принадлежащий к какому-л. из низкорослых племён, входящих в экваториальную расу’ [МАС, т. 3, с. 120]), *африканское дерево* ‘глупый человек, тупица, бездарь’ [СМА, с. 109] (результат контаминации с «деревянной метафорой»). Переосмыслению подвергаются обозначения небольших северных народностей: жарг. *тунгус* ‘растяпа, дурак’ [Там же, с. 481]. Наконец, жарг. *индеец Сухие Мозги* ‘о глупом человеке’ [АТЛ] является исключительно результатом языковой игры.

Глупый человек как совершающий нелепые поступки чужак. Стереотипные представления об особенностях поведения представителей какой-либо этнической группы, зафиксированные в фольклорных текстах, обусловили появление диал. *почехóнец* ‘глупый человек’ [СРГ-СУ/Д, с. 452], *пошехóны* ‘темные, некультурные люди’ [СРНГ, вып. 31, с. 31] (ср. сюжеты о совершаемых ими нелепых, несуразных поступках). Основанием для возникновения таких отрицательно-интеллектуальных экспрессивов явилось непонимание образа жизни и менталитета другой народности.

Глупый человек как чужак, пришедший со стороны, нездеиный. Разновидностью этнической метафоры можно считать свойственное русской народной картине мира видение интеллектуально неполноценного человека в образе чужака. Так, от наименования чужака происходят диал. орл. *чалдóн* как обозначение глупого человека [Бахвалова, 1993, с. 76], свердл. *челдóн* ‘глупый, бестолковый, «темный» человек’

[СРГСУ, т. 7, с. 21], арх. *челдón* ‘непонятливый, глупый человек’ [КСГРС]. В спектре прямых значений этого слова можно наблюдать энантиосемию, а именно соседство сем ‘пришлый, говорящий иначе’ и ‘местный, коренной’: свердл. *чалдон* и *челдон* ‘местный коренной житель’ (*Мы щалдоны, по-щалдонски и говорим*) и ‘говорящий иначе по сравнению с местными жителями’ [СРГСУ, т. 7, с. 16], перм. *чалдон* и *челдон* ‘коренной житель Сибири, кержак’ [СПГ, вып. 2, с. 521], *чалдон* ‘бродяга, беглый, варнак, каторжник’ [Даль, т. 4, с. 587]. Причиной развития у слова антонимичных значений стало, по-видимому, различие в позиции говорящего: для местного жителя чужаком (чалдоном) был пришлый, а для вновь пришедшего, для поселенца чалдонами являлись коренные жители. Значимость речевой характеристики подтверждается орл. *чалдон* ‘тот, кто говорит непонятно, невнятно’ [Бахвалова, 1993, с. 76].

У существительного *талагай* ‘невежа, неуч’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 73] указанное переносное значение сформировалось на основе первичного значения ‘...вообще сторонний, чужой мужик, отличаемый по одежде’ (слово пришло из мордовского языка, где оно обозначало верхнюю женскую рубашку свободного покроя [Фасмер, т. 4, с. 14]).

В диал. *занóсный* ‘глупый, ненормальный, говорящий глупости’ [СРНГ, вып. 10, с. 284], *бродячий* ‘дурак’ [СГРС, т. 1, с. 188], *странь* ‘дикий, малоумный, дурак, божевольный’ [Даль, т. 4, с. 335] (наложение *странствующего* и *странного*) можно увидеть контаминацию этнической метафоры и мотива блуждания дурака.

Умный человек как представитель чужого этноса. Единственный факт использования этнического наименования в качестве положительной характеристики человека по интеллекту – уол. *жид* ‘умный заключенный’ [БСЖ, с. 183]. Основанием для появления переносного значения явились, как можно предполагать, хитрость, ловкачество, своекорыстие, приписываемые евреям. Между тем, модели «умный ←

хитрый, проворный» и «глупый ← бесхитростный» известны языковому сознанию, ср., с одной стороны, диал. *подхитря́ть* ‘проявить смекалку, быстро сообразить’ [СРНГ, вып. 28, с. 238], *братъ хі́тростями* ‘быть находчивым, смекалистым, уметь выходить из затруднительного положения’ [ФСРГС, с. 16] и, с другой стороны, диал. *челове́к нехі́трой руки́* ‘о недалеком, простоватом человеке’ [НОС, вып. 9, с. 156], *нехі́трый* ‘ненормальный’ (волог.) [КСГРС].

Этническая метафора – яркое воплощение мотива «чужой». Отметим, что среди слов этой группы нет таких, которые содержали бы семы ‘безумный’, ‘сумасшедший’. Чужой значит простоватый, глупый, бес-толковый, невежественный или придурковатый, но не безумный. Исключением является жарг. *чума японская* ‘сумасшедший человек; слишком энергичный, непоседливый человек’ [СМА, с. 555], однако этот арготизм (так же, как и жарг. *жизнерадостный рахит из солнечной Армении* ‘о глупом человеке’ [ЖР, с. 58], *албанец* и *наивный албанец* ‘глупый, несообразительный человек; дурак, идиот’ [БСЖ, с. 33]) является результатом инерционного привлечения этнонима к выражению «отрицательно-интеллектуальной» семантики.

Метафора социально-административного (территориального) деления. Семантический перенос «глупый человек ← житель какого-либо населенного пункта» имеет частные варианты реализации, большинство из которых имплицативно содержат сему ‘неразвитый’.

Глупый человек как житель удаленных районов России. Модель «дурак ← житель провинции» может быть проинтерпретирована через включение ее в оппозицию «культурный центр – периферия». Отмеченными в языковой картине мира оказываются Тюмень, Урюпинск, Тобольск, Тула, Урал и Сибирь: жарг. *тюмень* ‘провинциал; недалекий, некультурный человек’ [СМА, с. 485], *урюпинский* ‘провинциальный, глухой, захолустный; неразвитый, «темный» (о человеке)’ [Там же], *урюпа* ‘глупый человек’ [АТЛ], *тульский пряник* ‘дурачок, простачок’

[СМА, с. 382], *Ты что, с Урала?* ‘говорится глупому человеку’ [АТЛ], *сибирский валенок* ‘о глупом человеке’ [Там же]. Появление диал. *фи́ля тобо́льский* ‘о несообразительном, рассеянном человеке’, возможно, связано с существовавшим в действительности лицом. Одна фразеологическая единица включает в себя название псевдо-города, имеющее мотивацию «находящийся в глуши»: жарг. *чмо из Зажопинска* ‘просто-филя, провинциал’ [СМА, с. 150]. Для этой модели актуальна сема ‘удаленный от центров образования’, посредством чего манифестируется влияние уровня культуры на развитие интеллекта.

Глупый человек как житель соседней области. Данная модель имеет сходство с одной из моделей этнической метафоры. Мотивы «нерусский» и «соседний», несмотря на разницу в масштабе изображения, сводимы к одному мотиву – «чужой, не наш». Мотивация диал. *повологодски* ‘бестолково, неразумно, глупо’ (арх.) [КСГРС] обнаруживается при сопоставлении места фиксации лексемы и внутренней формы слова. Точка зрения номинатора отражает оппозицию «свой – чужой». Стремлением отождествлять чужесть и глупость объясняется и урал. *Ты что, с Бухарской приехала?* ‘о человеке, плохо разбирающемся, мало знающем, темном’ (ср. в топонимических названиях *Бухарская сторона* ‘левый берег р. Урал’ и ‘левый берег Сыр-Дарьи’ [СРНГ, вып. 3, с. 320]).

Прочие лексемы, воплощающие территориальную метафору, не имеют системного характера. Единичный языковой факт вскрывает негативное отношение носителя жаргона к заносчивости, свойственной некоторым жителям столицы: жарг. арест. *москвич* ‘зазнавшийся, наглый и глупый заключенный’ [БСЖ, с. 357]. Кроме того, один случай использования названия города в качестве обозначения умного, владеющего знаниями человека является ярким примером паронимической аттракции: *копенгаген* ‘компетентный’ [Там же, с. 278], ср. звуковой комплекс лексической единицы и ее значение. Слово употребляется и в

отрицательной конструкции: *не копенгаген (в чем)* ‘о некомпетентном, не разбирающемся в чем-л. человеке’ [Там же].

Метафора противопоставления города и деревни. Симметричные относительно друг друга модели «умный человек ← городской житель» и «дурак ← житель деревни» воплощают мотив культурно обусловленной неразвитости ума. Ср., с одной стороны, такие языковые факты, как диал. *подгорóдник* ‘образованный, культурный человек’ (волог.) [КСГРС] и *напíтериться* ‘поумнеть’ [СРНГ, вып. 20, с. 76] – от диал. *напíтериться* ‘перенять манеры, речь городского жителя, приобрести внешний вид горожанина; «побывав в Питере, набойчиться»’ [Там же, с. 75], а с другой стороны, жарг. *деревня* ‘о глупом человеке’ [АТЛ], *сельпо* ‘провинциал; дурак, необразованный человек’ [СМА, с. 425], *сельпошный* ‘глупый, необразованный (о человеке)’ [Там же], *колхозник* и *колхозница* ‘ограниченный, недалекий человек’ [Базарго, с. 39], *колхоз* ‘о невысоком уровне образования; о глупости, некультурности кого-л.’ [СМА, с. 203], *крестьянин* ‘глупый, недалекий человек’ [БСЖ, с. 292], *безлошадный* ‘плохой, глупый, убогий; обделенный чем-л. (о человеке)’ [СМА, с. 37]. В составе фразеологических оборотов маркером может служить определение: *Алёха сельский* ‘безнадежный дурак, глупый, невежественный человек’ [СРФ, с. 22], диал. *Лёха бóханский* ‘о глупом, недалеком человеке’ (из селения Бохан) [Там же, с. 339]. Знаком принадлежности к сельской местности может являться хозяйственная реалия: диал. *ла́поть* ‘простоватый, глуповатый человек’ (волог.: *Сходятся один лапоть, а другой умный*) [КСГРС], *лапотíна* ‘недоразвитый человек’ [НОС, вып. 5, с. 7], *лапотóшник* ‘невежественный, отсталый человек’ (волог.) [КСГРС], *щи ла́птем хлебáть* ‘быть недоразвитым человеком’ [НОС, вып. 5, с. 8]; жарг. *плуг* ‘глупый, несообразительный молодой человек’ (ср.: *плуг* ‘молодой человек из сельской местности’) [БСЖ, с. 441]; *тулуп* ‘дурак, бездарь’ [СМА, с. 481]; уол. *взятый от сохи* ‘простофиля (крестьянин, колхозник), не пони-

мающий, за что его осудили' [БСЖ, с. 557]. Ср. выражение *не лыком шит* с периферийной для изучаемого поля семантикой 'хитрый, себе на уме', связанное «как с тем, что работа по плетению из лыка лаптей, коробов, рогожи и т. п. считалась очень простой, так и с тем, что изделия из лыка, лычная обувь были признаком бедности, крестьянского происхождения. Поэтому первоначально *не лыком шит* значило "он не из простых", а потом – "не такой уж он простак", "он себе на уме"» [СРФ, с. 355].

Гендерная метафора. Отношение друг к другу представителей разных полов включает в себя и мнение об интеллектуальных способностях друг друга. Представления русского человека о женском уме как уступающем мужскому уже были описаны в лингвокультурологических исследованиях: «В обыденном сознании женский ум противопоставлен мужскому как ум "недо-человеческий"... Сочетание *бабья политика*, означающее глупую, непродуманную, недальновидную политическую тактику, воспринимается как таковое на фоне эталонного для женского ума сочетания *глупая баба*. <...> Если же речь идет об умной женщине, то говорят, что у нее *мужской ум*. Женский же или *бабий ум* – это ум как бы "второсортный", неспособный подняться до глубоких обобщений. Такое восприятие женского ума отображено и в сочетании *женская логика*, которое воспринимается как эталон нелогичности мышления. В качестве эталона забывчивости выступает сочетание *девичья память*. <...> Этот комплекс интеллектуального превосходства воспроизводится из века в век в русском менталитете... о чем свидетельствуют и такие современные нам характеристики интеллектуальной продукции, как *женский роман, женские стихи, женский фильм, женская статья* и т. п., ясно выражающие уничижительное или пренебрежительное отношение к художественному или интеллектуальному творчеству женщин» [Телия, 1996, с. 267–268]. На хранительницу домашнего очага – женщину – имплицитно указывает выражение *вся дорога от печки до*

порога ‘об узости жизненных интересов, ограниченности кого-л.’ [СРНГ, вып. 27, с. 7]. Литер. *короткий ум* и *ум корóток* ‘о недалеком уме’ [Ожегов, с. 297] – вторая часть народной поговорки, начинавшейся со слов *волос долог, да ...* и также воссоздающей женский образ.

«Историческая» метафора. История человечества не свободна от эмоциональной интерпретации ее творца. В молодежной среде популярно ассоциирование глупости с «детством цивилизации»: жарг. *мезозой* ‘отсталый, тупой человек’ (*Полный мезозой, хвост в трусах прячет*) [СМА, с. 244] (от «мезозой», «мезозойская эра» – геологическая эра в истории земли); *только что с дерева слез (кто)* ‘о тупом, глупом, неразвитом человеке’ [Там же, с. 109]. В этих фактах воплощен мотив неразвитости, отсталости.

В молодежной сленге репрезентирована еще одна «историческая» модель. Жарг. *Что я, Ленин, что ли?* ‘что я, дурак, что ли?’ [СМА, с. 226], *тимуровец* ‘дурак, придурок; человек, который лезет не в свое дело, вмешивается во все’ [Там же, с. 470], *краснознамённый* и *красный* ‘официальный; косный, кондовый; плохой, глупый (о человеке)’ [Там же, с. 213], *красный совок* ‘глупый человек’ [Там же] вскрывают негативное отношение носителя молодежного сленга к реалиям советского периода. Культура того времени, как известно, была чрезвычайно идеологизирована, а в постсоветское время прошедший этап подвергся критике и приобрел в русской языковой картине мира устойчивые негативные коннотации в достаточном объеме для того, чтобы использовать символы и фигуры этой эпохи для отрицательной характеристики человека по интеллекту.

Метафора социального неблагополучия. Образ неблагополучного детства, созданный в идиомах *ошибка пьяной акушерки* ‘о большом, глупом, уродливом человеке’ [ЖР, с. 118]; *у тебя не было детства* ‘ирон. говорится глупому, несообразительному человеку’ [АТЛ]; *тяжёлое детство, недостаток / нехватка витаминов* ‘ирон.

оценка чьего-л. глупого, несурязного поступка' [СМА, с. 110]; *трудное детство, деревянные / чугунные игрушки, прибитые к полу* 'о глупом человеке' [АТЛ], дает основание для экспликации представления о физическом, психологическом здоровье и материальном достатке как залого нормального психического и интеллектуального развития человека. Это, безусловно, одна из «молодых», отраженных только в жаргонном материале моделей. Трудно представить существование подобных номинаций в диалектах.

Метафора разрушенного дома и разорванных родственных связей. Несмотря на то, что современный носитель языка не размышляет об образе дома, номинируя неспособность человека к мыслительной деятельности с помощью выражений *крыша поехала / дымит / протекает* 'о глупом человеке' [АТЛ] и т. п., однако при попытке сгруппировать подобные факты выясняется, что наименования такого типа в настоящее время постоянно количественно увеличиваются и качественно варьируют, охватывая смежные семантические группы: «строение», «родственники», «порядок».

Частью этого фрейма является образ разрушенного дома. Символом интеллектуальной неполноценности является разрушение верхней части постройки, а именно крыши, башни, шифера, чердака, кровли: жарг. *крыша в пути / набекрень / надломилась / едет, не догонишь / не вернулась / не на месте* 'о утрате способности соображать' [Там же], *крышу рвёт / ветром сдуло / сорвало* 'об утрате способности соображать' [Там же], *крыша, стой!* 'команда, подаваемая самому себе (обычно вслух), когда изменения сознания приобретают нежелательный в данной ситуации размах' [БСЖ, с. 297], *поставить крышу кому* 'вывести кого-л. из состояния психического расстройства, вернуть к нормальному состоянию' [СМА, с. 217], *снести крышу кому* 'произвести сильное впечатление, свести с ума кого-л.' [БСЖ, с. 297], *с крышей не тихо* 'о странностях у кого-л.' [Там же, с. 296], *крышняк съехал у кого*

‘кто-л. ведет себя подобно сумасшедшему’ [Там же, с. 297], *крыша едет / поехала / съехала / ползет / течет / потекла / дымится у кого / едет, дом стоит* ‘кто-либо сходит с ума, ведет себя подобно сумасшедшему’ [Там же, с. 296], *без башни (кто)* ‘идиот’ [АТЛ], *безбашный* ‘сумасшедший’ [Там же], *безбашенный* ‘ведущий себя подобно сумасшедшему’ [БСЖ, с. 56], *башню снесло / сносит* ‘кто-л. потерял контроль над собой, начал вести себя подобно сумасшедшему’ [Там же, с. 55], *шифер лопнул / треснул* ‘об утрате способности соображать’ [АТЛ], *тихо, шифером шурия, едет крыша не спеша* ‘об утрате способности соображать’ [Там же], *без чердака (кто)* ‘о глупом человеке’ [Там же], *чердак потёк / протёк / проехал / треснул* ‘о чем-л. странном, глупом поведении’ [СМА, с. 545], *чердачное помещение сгорело* ‘об утрате способности соображать’ [АТЛ]. Появляются лексемы *кровля* ‘сознание’, *кровельщик* ‘психиатр’ [БСЖ, с. 293]; симптоматичен контекст, приведенный в словаре: «Базовая метафора [в сленге] продолжает разрабатываться и углубляться. Психиатр превращается в кровельщика, психиатрия и психология становятся кровельными работами» [Там же]. Здесь налицо вертикальное совмещение образа дома и образа человека¹². Особый акцент делается на противопоставлении «верха» и «низа». Если дом как архитектурная постройка имеет своей верхней частью крышу, то голова какместилище мозга и, следовательно, «место сосредоточения интеллекта», с точки зрения анатомии, тоже расположена вверху.

Приведенные языковые факты основываются на мотивах смещения (*шифер съехал у кого* ‘кто-л. сошел с ума, ведет себя подобно сумасшедшему’ [АТЛ], *дом едет* и *домик поехал у кого* ‘о чем-л. странном,

¹² Семантический ход в обратном направлении известен лингвистике; так, при анализе образных номинаций частей постройки выясняется, что «достаточно большая часть лексики данной группы связана с антропометричным метафорическим переносом названий частей тела на части построек (получается очень логично: *окно* — *око*, под ним — *подзор*, над окном — *бровка* (верхняя часть наличника), а над ними — *лобовая доска*)», и «то же самое прослеживается и в терминологии архитектурных украшений: *маковка, главка на шейке*» [Журавская, 2000, с. 67].

глупом поведении' [СМА, с. 115–116]) и повреждения (*чердак течёт* 'о чьей-л. глупости' [АТЛ]). В диал. *Алёша ищи квартиру* 'о слабоумном человеке' (арх.) [КСГРС] содержится мотив отсутствия у интеллектуально неполноценного человека земного пристанища. Метафорические ситуации разрушения, смещения и отсутствия дома ассоциируются с ослаблением умственных способностей, что, по-видимому, симптоматично для оседлой нации.

Мотив разрухи получил образное воплощение также в немногочисленных жаргонных фактах, рисующих – в продолжение образа дома с разрушенным верхом – ситуацию беспорядка в помещении: *шторка упала* 'об утрате способности соображать' [АТЛ], *дома не всё в порядке* 'о глупом человеке' [Там же]. Нарушение установленного в доме порядка оценивается как антинорма и выражает мотив хаоса, путаницы; хаос, царящий в доме, означает хаос в мыслях.

Кроме того, на материале нескольких идиом реконструируется ситуация отсутствия в доме близких родственников: *не все дома* 'о человеке со странностями, глуповатом, придурковатом' [СРФ, с. 164], диал. *не вóвсе дóма* 'не все дома, не в здравом уме' (волог.) [КСГРС], в *баишкé Вáнька дóма – Вáськи нет, Вáська дóма – Вáньки нет* 'о глупом человеке' [Ивашко, 1981, с. 31], *бáбушка в Крáсную А́рмию уéхала служíть* и *бáбушка на фрóнте* 'о чудаковатом, не совсем нормальном человеке' [СГРС, т. 1, с. 34], жарг. *вслед за своей крышей укатил* 'кто-либо перестает соображать, глупеет' [АТЛ], *никого нет дома* 'о глупом человеке' [Там же], *Все ушли на фронт, бабушка на вахте* 'о глупом человеке' [Там же], *Дома кто есть?* 'обращение к несообразительному человеку' [Там же], *все ушли к соседу / соседям* 'о плохо соображающем человеке' [Там же]. В них реализован мотив пустоты¹³ или исчезнове-

¹³ Ср. также жаргонные лексемы *бамбук* 'тупица' [БСЖ, с. 48], *бамбуковый* 'глупый, тупой, недогадливый' [СМА, с. 31], которые с помощью образа «древесина, полая внутри» раскрывают идею пустоты, и жарг. *гуси улетели* 'о странном (на грани помешательства) поведении человека' [БСЖ, с. 145] и др.

ния (утраты содержания): этот «концептуальный дом дурака», который, по-видимому, соотносится в представлении носителей русского языка с головой как физическим «вместилищем» интеллекта, оказывается нежилым, пустующим помещением. Мотивационный признак «пустой» лежит и в основе диал. *калитка отворёна* ‘о придурковатом человеке’ (волог.) [КСГРС]. Кроме мотива пустоты, образ распахнутой калитки и образ незапертого дома, возникающий в диал. *нет ключа в головё у ко-го-либо* ‘о человеке недалеко, пустом, сумасбродном’ [СРНГ, вып. 13, с. 322], несут важную аксиологическую нагрузку в народной картине мира: оставлять ворота во двор открытыми нельзя, и это действие имеет негативную оценку диалектоносителя.

Обращают на себя внимание выражения, в основе которых лежат женские образы. Женщина как хранительница домашнего очага является символом благополучия в доме. Поэтому именно потеря связи с ближайшими родственниками по женской линии явилась образным эталоном интеллектуального неблагополучия. Очевидно, в жарг. *совсем маму потерял* ‘об утрате способности соображать’ [АТЛ] актуален мотив беспомощности.

Как можно заметить, фрейм разрушенного опустевшего дома как языковая репрезентация интеллектуальной неполноценности достаточно хорошо разработан в нелитературных вариантах общенародного языка и продолжает разрастаться в настоящее время.

Управленческая метафора. Названия правителей и органов власти активны при образовании идиом интеллектуальной сферы. В выражении *без (нет) царя в голове* ‘о том, кто недалек, глуп’ [МАС, т. 4, с. 633] и в диал. *сельсовет спѣсан у кого* ‘нет ума, соображения, голова плохо работает’ (арх.) [КСГРС] создан ситуативный образ отсутствия управляющего центра. Строго противоположная ситуация лежит в основе обозначений умного человека, ср. пословицу *Свой ум – царь в головё* [ФСРГС, с. 204], разг. *не голова, а Дом Советов* ‘об умном,

знающем, рассудительном человеке' [СПП, с. 28], диал. *сельсовет работает у кого* 'голова соображает' (арх.) [КСГРС].

Диал. *кремлёвская голова* 'об очень умном, образованном человеке' [ПОС, вып. 7, с. 53], *синодчица* 'умная, сообразительная женщина' [СРНГ, вып. 37, с. 334], *сенатик* 'неглупый молодой человек с претензиями на ученость' [Там же, с. 162] имеют мотивационную базу «тот, кто работает в сенате, Синоде, Кремле» и основываются на представлении о госслужащих и о членах церковных совещательных органов как образованных, умных людях.

Иной смысловой субстрат обнаруживается в жарг. *император* 'психически ненормальный человек' [БСЖ, с. 231] и *канцлер* 'умственно отсталый, психически ненормальный человек' [Там же, с. 242]. Значения этих лексем косвенно указывают на причину возникновения переноса «дурак ← правитель»: носитель молодежного жаргона опирается на фоновые знания о болезненных симптомах, сопровождающих течение психических заболеваний, в частности, о феномене, называемом в народе «манией величия». Непреодолимая дистанция между коннотациями плана выражения (значимость фигуры правителя, официоз) и плана содержания ('ничтожный', 'смешной') рождает иронию.

«Профессиональная» метафора. Эталонно умными представляются в наивном языковом сознании политик, продюсер, медицинский работник. Образ политического деятеля лег в основу таких лексем, как диал. *политикóванный* и *политикóватый* 'вежливый, воспитанный; образованный' [СРНГ, вып. 29, с. 75]. Для носителя молодежного жаргона большую роль играет престижность профессии: жарг. *продюсер* 'умный, сообразительный человек' [БСЖ, с. 482]. Сакральность знаний и умений врача, как правило, образованного человека, познавшего болезни и способы избавления от них, отразилась в утол. *медик* 'сообразительный, хитрый человек' [Там же, с. 344], *медикованный* 'понимающий, разбирающийся (в чем); умный, хитрый' [Там же], *медиковать* 'соображать,

понимать' [Там же]. Общее название специалиста высокого уровня тоже становится положительной характеристикой человека по интеллекту: на основе *профи* 'профессионал' сформировалось жарг. *профи* 'умный человек' [Там же, с. 486].

Глупцу же в насмешку присваивается ученое звание: *профессор* 'недоучившийся, глупый человек с претензией на образованность' [СМА, с. 380]. С целью усиления иронии лексема снабжается ссылкой на компрометирующую научного деятеля «специализацию», превращаясь в устойчивое выражение: *профессор кислых щей* 'о самоуверенном глупце, выскочке' [СРФ, с. 475], *профессор кислых щей и составитель ваксы* 'о некомпетентном, малознающем человеке' [АТЛ]. Жарг. *шахматист* '(ирон.) умник, зазнайка' [СМА, с. 564] обладает двойственной оценкой: слово называет умника (умничать не значит быть умным, наоборот, умничает недалекий человек), хотя образ шахматиста все же включает в себя положительную оценку «умный».

Образцово глупыми представляются носителю диалекта – поп, а носителю современного молодежного жаргона – рабочий и военный: диал. *два дурака: поп да петух, кто помрёт – он поёт* 'о недалеком, глуповатом человеке' [ФСРГС, с. 55], жарг. *Дунька с мыльного завода* 'неотесанная, необразованная, обычно провинциальная женщина' [СМА, с. 123], *Маша с Уралмаша* 'женщина, девушка (обычно недалекая, простоватая)' [Там же, с. 242], *сварищик* 'глупый, неразвитый человек' [БСЖ, с. 527], *дубовая роца* 'место, где много тупых, недалеких людей (обычно о военных)' [СМА, с. 122], *у него одна извилина, и та след от фуражки* 'о глупом военном' [ЖР, с. 161], ср. *солдафон* 'грубый, некультурный человек из военных' [Ожегов, с. 745].

Существительное *хиромант* 'дурак, идиот, тот, кто занимается ерундой' [СМА, с. 524] – результат сближения наименования человека, занимающегося предсказанием будущего по ладони, с *херня* 'чушь, ерунда, что-л. плохое' [Там же, с. 522]).

Парадоксальность поведения юродивых стала причиной использования слов с этим корнем в качестве обозначений интеллектуально неполноценного человека (*юродка* [удар.?] ‘дура отроду, малоумная’ [Даль, т. 4, с. 669], *юрóдивый* ‘безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший’ [Там же] и др.), ср.: «блаженный молится ночью... днем он юродствует, глупит, буйствует», «иногда блаженный пользуется немотой, повторением слов своего собеседника, заумью или непонятными заявлениями» [Толстой, 2003, с. 490–491]. Помимо всего прочего, юродство сопровождают устойчивые коннотации ‘святой’ и ‘чужой’: «Юродивые входили в систему святости, притом являли собой святость особого рода, нарочитую и во многих отношениях уникальную, можно сказать даже некоторую “антисвятость”» [Там же, с. 489]. «Юродство было противопоставлено как светскому социуму, всем мирским людям, так и духовному сословию» [Там же, с. 492].

Определение, прибавляемое к именам монахов и пустынников, почитающихся святыми, стало самостоятельным наименованием интеллектуально неполноценного человека: диал. *преподóбный* ‘глуповатый, чудаковатый, блаженный’ [СРНГ, вып. 31, с. 78]. Интеллектуальная неполноценность, таким образом, наделяется ореолом святости, близости к Богу.

Другие языковые факты, которые можно отнести к лексическому фонду, сформированному при помощи социального кода, не образуют моделей, однако достойны упоминания. В картине мира носителей диалекта и уголовного жаргона культура понимается как образованность: жарг. угол. *хавать культуру* ‘получать знания, слушать интересные рассказы’ [БСЖ, с. 301], диал. *культурник* ‘образованный человек’ подано в словаре с пометой «новое» [СРГСУ, т. 2, с. 74]. Лексико-семантическая зона «Образование» находится на периферии поля «Интеллект человека» (быть образованным и быть интеллектуально полным, умным – не тождественные понятия). Обозначения образован-

ных и необразованных, невежественных людей могут создаваться на базе глаголов *учить*, *читать* и существительных *грамота*, *образование*, *культура*, *букварь*, *книга*, *аз*, *бумага*, из которых последние четыре – своеобразные знаки принадлежности к сфере образования: *неуч*, диал. *неучель* ‘необразованный, невежественный человек, неуч, невежа’ [СРНГ, вып. 21, с. 200], *неучи́льщина* ‘люди, не имеющие образования, неграмотные’ [СРГСУ, т. 2, с. 208], *чи́тальщик* ‘грамотный человек’ [ССХЧ, с. 72], *начи́тник* ‘грамотный, начитанный человек’ [Там же, с. 62], *неучи́танный* ‘необразованный, отсталый’ [СРНГ, вып. 21, с. 200], *полногра́мотный* ‘грамотный, образованный’ [Там же, вып. 29, с. 83], *образова́ться* ‘получить образование’ [Там же, вып. 22, с. 193], *кни́жный* ‘начитанный; учёный’ [Там же, вып. 13, с. 344], *ни аза в глаза не знать / не видеть / не смыслить* ‘не знать даже самых простых вещей, абсолютно ничего’ [СРФ, с. 20], *гума́жанный / гума́жный человек* ‘грамотный, ученый человек’ [СРНГ, вып. 7, с. 226–227]; жарг. *букварить* и *букварь терзать* ‘усердно изучать что-л., зубрить’ [БСЖ, с. 80], *букварь* ‘человек с широким кругозором, эрудит’ [Там же].

В жарг. *попса* ‘примитивные, не отличающиеся высоким интеллектуальным уровнем и художественным вкусом люди’ [Там же, с. 462] зафиксировано отношение к поп-культуре, ср. *попсень* и *попсня* ‘ерунда, дрянь, ахинея, халтура; то, что относится к развлекательной культуре, мещанству’ [СМА, с. 354].

Кроме того, семантическая зона «Ум» граничит с семантическим полем «Труд»; часто в значении лексемы соседствуют смыслы ‘умный’ и ‘умелый’ (диал. *зна́харь* ‘знаток, умелец’ (арх.) [КСГРС], *ло́венький* ‘умелый, ловкий; находчивый, догадливый’ [СРНГ, вып. 17, с. 99] и др.). Неслучайным в этой связи кажется понятие «практический ум» – такой ум, который приносит своему обладателю выгоду, или такой ум, который сродни умению, навыку: диал. *добычнóй* ‘смышленный, проворный, расторопный; добычливый’ [Там же, вып. 8, с. 83], *делéц* ‘деловой

умный человек' [СРНГ, вып. 7, с. 342]. Для значения 'разбираться в чем-л.' (*варакать, волочать / волочить в чем и др.*) тоже характерно совмещение сем 'знать' и 'уметь'. В языковой картине мира зафиксировано представление о взаимном влиянии физического и умственного действия. Интересен факт обмена знаковыми функциями между обозначениями практических навыков человека и обозначениями его интеллектуальной деятельности.

Внутренняя форма глагола *уметь* указывает на то, что первоначально он был связан с существительным *ум*, а затем стал обозначать способность человека делать, изготавливать что-либо руками: «Связь ума с идеей практического действия отчетливо видна по его дериватам *умение* и *уметь*. У других членов синонимического ряда (*интеллект, разум, рассудок* – Т. Л.) не обнаруживается глагольных дериватов, связанных с практическим, а не ментальным действием» [Голованивская, 1997, с. 136]. Ср. диал. *умный* 'ловкий, умеющий хорошо делать что-л.' (волог.: *Не умна мыться: дозволь до воды, дак и потолок сырой будёт*) [КСГРС].

В отрицательно-интеллектуальной зоне, наоборот, высвечивается связь концептов «глупый» и «нетрудоспособный, ленивый», восстанавливаемая на уровне внутренних форм слов (диал. *неудёльный* 'неспособный, несообразительный' [СРНГ, вып. 21, с. 188] ← «не у дел», *безделяжный* 'глупый или не внушающий уважения (о человеке)' [Там же, вып. 2, с. 187] ← «без дела», *досу́жий* 'глупый, бестолковый' [Там же, вып. 8, с. 150] ← «имеющий досуг») и на уровне семантики (диал. *ло́кас* 'неумелый, глупый человек' [Там же, вып. 17, с. 113], *некулёмный* 'неуклюжий, неловкий, неумелый; бестолковый, не совсем нормальный' [Там же, вып. 21, с. 68] и др.). Часто значения 'глупый' и 'ленивый' соседствуют внутри многозначных слов: *подичать* 'поглупеть' и 'подураться, побездельничать' [Там же, вып. 28, с. 25].

Необходимость приложения умственных способностей к выполнению какой-либо работы явилась причиной сближения полей «Ум» и «Работа». Качество выполнения работы признается показателем интеллектуального развития человека. Так, в саратовских говорах на основе диал. *кулемэсить* ‘делать что-л. нелепое, несуразное’ [СРНГ, вып. 16, с. 57] возникло диал. *кулемэс* ‘деятельный, но бестолковый человек’ [Там же].

Закономерно также, что носитель диалекта противопоставляет работу интеллектуальным занятиям: диал. *Он и делать ничего не умеет – разве умственно что писать сможет* [Там же, вып. 27, с. 46]. Например, только в жаргоне, просторечии и литературном языке присутствует представление о производительности интеллектуального труда. В диалекте ум видится как деловитость (диал. *делэц*¹⁴), или как расторопность (диал. *на камню дыру вертит* ‘об умелом, расторопном, умном человеке’ [КСГРС]), или как умение выполнять элементарные действия, делать что-л. правильно, как положено (диал. *не умеет лицом к ставцу* (то есть чашке) *сесть* ‘дурак’ [Даль, т. 4, с. 311]), но только не как способность творить, созидать, производить нематериальный продукт.

Итак, на современном этапе развития языка активны модели, актуализирующие собственно момент контрастности «дурака» и социума, его «невписанность» в течение жизни: «В основе большинства образных субстантивов – представление о человеке, который ведет себя не так, как следует, и потому проявляет свою глупость» [Бахвалова, 1993, с. 95]. Глупый человек видится как чужой, занимающий положение вне общества, не понимаемый и не принимаемый окружающими. Отчуждение глупого человека от общества ясно обозначено в жарг. *жертва социального аборта* ‘очень глупый человек, идиот’ [АТЛ].

¹⁴ Значение и паспортизацию слова см. выше.

2.2. АНТРОПОНИМИЧЕСКИЙ КОД

Антропонимы нередко функционируют в качестве обозначений человека с отличными от прочих качествами личности, поэтому неудивительно, что имена собственные используются для характеристики человека по интеллекту. Наибольшее количество их сосредоточено в отрицательно-интеллектуальной сфере, то есть в зоне «Глупость», значительно меньше – в зоне «Ум».

Отсутствие имени как признак интеллектуальной неполноценности. В народной культуре имя человека воспринимается как «слепок» его носителя, выполняющий «программирующую функцию». Имя мифологически отождествляется с его носителем; его приобретение и потеря – важные события, сопровождаемые обычно самыми разнообразными обрядовыми действиями: «Согласно славянским народным представлениям, реконструируемым из языкового, обрядового и фольклорного материала, имя окончательно формирует (творит, рождает) человека... а наречение именем – важнейший “антропонимический” (в социальном плане – инициационный) акт, придающий новорожденному статус человека» [Толстой, 2000, с. 599]. Этнокультурный подтекст проступает в диал. *безымѣнка* ‘тупая, несообразительная женщина’ [СРНГ, вып. 2, с. 205]. Отсутствие имени, актуализированное во внутренней форме лексемы, высвобождает смыслы, составляющие образ рожденного, но не допущенного в мир людей ребенка, а именно коннотации чуждости этому миру и принадлежности другому – потустороннему. Женщина, не имеющая имени, – чужая в мире людей, иная, как и прочие «дураки», «недочеловек», поскольку она лишена важного человеческого атрибута.

Имя собственное как обозначение глупого человека. Имена собственные в поле «Интеллект человека» встречаются преимущественно в качестве обозначений глупого либо необразованного челове-

ка, а также простака. Перечни имен в диалекте и в жаргоне различаются.

Так, длинный ряд традиционно русских имен используется носителями русских народных говоров в качестве обозначений дурака: диал. *Агафѡн* 'о простаке, глупце' [СРНГ, вып. 1, с. 201], *Акуліна* 'простофиля' [СДЛ, с. 5], *Алюна* 'о неловком, неповоротливом, несметливом, ленивом человеке (употребляется с присловицею «разварёна», а иногда «запалёна»)' [СРНГ, вып. 1, с. 247], *Ано́ха* 'о простофиле, дураке, глупце' [Там же, с. 260], *Арья́на* 'бестолковая, неумелая, неряшливая женщина' [СГРС, т. 1, с. 24], *Ахраме́й* 'простофиля' [СРНГ, вып. 1, с. 297], *Вась-Вась* 'глупый, дурак' [ФСРГС, с. 22], *Га́врик* 'простак, простофиля, разиня; глупец' [СРНГ, вып. 6, с. 85], *Елуфи́м* 'дурак, болван, осто-лоп' [Там же, вып. 8, с. 349], *Липа́т* 'простак' [Там же, вып. 17, с. 53], *Мала́нья* 'простушка; глуповатая, недалекая женщина, которую легко одурачить, обмануть' [Там же, с. 318], *дарово́й поп кресті́л, да Окулі́на имя дал* 'о непутевом, непонятливом человеке' (арх.) [КСГРС], *Мокри́да Ива́новна* 'дура' (арх.) [Там же], *Оку́лька* и *Оку́ля* 'о неопрятной, глупой женщине' [СРНГ, вып. 23, с. 173], *Савасья́н* 'о глупом человеке' [Там же, вып. 36, с. 14], *Савоська* 'глупый, несообразительный человек, простофиля' [Там же, с. 15], *Фалале́й, Фалелéй, Фалелю́к, Фа́ля* 'простак, простофиля, разиня' [Даль, т. 4, с. 531], *Фефе́ла* 'простофиля, разиня' [Там же, с. 533], *Филáт* 'глупый, недалекий человек, придурок' (арх.) [КСГРС] и др.

Среди них особенно выделяются имена персонажей русского фольклора: диал. *Ваньдзя́, Ва́ньжа* и *Ваньжа́* 'неловкий, неповоротливый, неумелый, неразвитый, глупый' и 'персонаж сказок о глупом и неумелом человеке' [СРГСУ, т. 1, с. 66], *Ва́ньза* 'бестолковый, глупый человек' [СРГСУ/Д, с. 55], *Ваньзё́* 'глупые люди' [Там же], *Еме́ля* 'дурак' и 'простофиля' [СРНГ, вып. 8, с. 355], *Ере́ма* 'недогадливый, глупый человек; простофиля' [Там же, с. 368]. Имя *Маланья* (диал. *Маланья*

‘простушка; глуповатая, недалекая женщина, которую легко одурачить, обмануть’ [Там же, вып. 17, с. 318]) связано, возможно, с каким-то сюжетом о Маланье, не умеющей считать, ср. диал. *малáньин счет* и *малáнья бессчётная* ‘о человеке, не умеющем правильно считать’ [Там же]. Ср. ряд диалектных обозначений глупого, бестолкового человека, апеллирующих именно к идее счета: диал. *бессчётало*, *бессчётница*, *бессчётный*, *бесчетáй*, *бесчísелка*, *бесчísла*, *бесчísленник*, *бесчísленный*, *бесчísленца* ‘бестолковый (человек)’ [СРНГ, вып. 2, с. 283; СГРС, т. 1, с. 111]. Филипп в фольклорной традиции предстает как простак, которого легко провести: *Фíлю в лáпти обúть* ‘обмануть кого-либо’. Отсюда притяжение имени в отрицательно-интеллектуальную сферу; оно входит и в состав нарицательного сложного слова *простофиля* ‘глупый, малосообразительный человек, разиня’ [Ожегов, с. 622].

В ряду антропонимов есть имена, использование которых в качестве обозначений интеллектуально неполноценного человека мотивировано коннотативным фоном. Так, диал. *Макáр* ‘простак, глупец’ [СРНГ, вып. 17, с. 308], *Макарíна* ‘бестолочь’ (арх.) [КСГРС] имеют коннотации «блаженный», «счастливый»¹⁵.

Имя *Мирон* возникает в отрицательно-интеллектуальной зоне поля «Интеллект» благодаря мотиву инаковости, поскольку в пословичном портрете Мирона обнаруживается коннотация «иной, не такой, как все» (*Мирон – из ряду вон; Ты, Мирон, поди вон*). Отсюда присвоение этого имени интеллектуально неполноценному человеку: диал. *Мирóн* ‘о простофиле, глуповатом человеке’ [СРНГ, вып. 18, с. 173], *Мíроном смотреть* ‘казаться глуповатым’ [Там же], *мирóшкой притворíться* ‘притвориться дураком’ [Там же]. Кроме того, на выбор этого имени косвенное влияние, вероятно, оказали процессы аттракции к таким словам, как *миря́чество* ‘припадочная болезнь: безумие, крайнее возбуждение’ и *миря́чить* ‘быть в припадке безумия’ [Там же, с. 175].

¹⁵ Об этом имени см.: [Толстой, 1995б, с. 347–358].

Особняком стоит диал. *Максі́м* ‘глупый человек’ (волог.) [КСГРС], присутствие которого в ряду диалектных единиц отчасти объясняется контекстом, вскрывающим все ту же коннотацию ‘иной, не такой, как все’, ср.: *Максим раньше редкое имя было, Максимом ругали* [Там же].

Нередко – как в диалектах, так и в жаргоне – имя снабжается «квалификатором», указывающим на характерную черту человека, которая «выдает» в нем дурака: *Алёха сельский* ‘безнадежный дурак, глупый, невежественный человек’ [СРФ, с. 22], диал. *Алёша бесконво́йный* ‘сумасбродный, неуравновешенный, с причудами (человек)’ [ФСРГС, с. 7], *Алёша ищи́ кварти́ру* ‘о слабоумном человеке’ [КСГРС], *Ано́ха-пра́ведник* и *Ано́ха пра́ведный* ‘о простофиле, дураке, глупце’ [СРНГ, вып. 1, с. 261], *беспло́дняя Ари́на* ‘бестолковая, странная женщина’ [Там же, вып. 32, с. 273]; жарг. *Ваня алюми́ниевый* и *Ваня дуб* ‘несообразительный, глуповатый человек’ [БСЖ, с. 88], *Ванька из Криворо́жья* ‘о недалеком, малообразованном человеке, провинциале’ [Там же], *Ванька с Пресни* ‘простой, незатейливый, недалекий человек’ [СМА, с. 59], *Вова алюми́ниевый* ‘глупый, несообразительный человек, дурак’ [БСЖ, с. 102], *Дунька с мыльного завода* ‘неотесанная, необразованная, обычно провинциальная женщина’ [СМА, с. 123], *деловая Ма́ша* и *Ма́ша с Уралма́ша* ‘женщина, девушка (обычно недалекая, простоватая)’ [Там же, с. 242], *Лёха бо́ханский* ‘о глупом, недалеком человеке’ [СРФ, с. 339], *Пара́ня Миши́на* ‘о глупом, несообразительном человеке’ (волог.) [КСГРС], *Фи́ля тобо́льский* ‘о несообразительном, рассеянном человеке’ [СПП, с. 77]. Надо полагать, в числе таких обозначений глупого человека есть имена «местных юродивых», то есть имена, за которыми стоят реально существовавшие лица.

Набор «квалификаторов» в жаргоне и в диалекте существенно разнится. Если в молодежном сленге наиболее актуальны мотивы твердости-невосприимчивости (прочные материалы) и низкого социального

статуса (житель провинции, рабочий завода), то в русских народных говорах подчеркиваются иные черты образа интеллектуально неполноценного человека. Среди них, например, отсутствие оков, ограничений; отсутствие жилища, отдаленность места проживания от города как культурного центра, святость, близость к Богу, наконец, нехватка чего-либо («без полдня»).

Приведем ряд жаргонных единиц, среди которых также преобладают традиционные русские имена: жарг. *Алёша* ‘очень глупый, несообразительный человек’ [БСЖ, с. 33], *Ванёк*, *Ванок*, *Ванька* и *Ваня* ‘простой, незатейливый, недалекий человек’ [БСЖ, с. 88; СМА, с. 59], *Вася* и *Вася по жизни* ‘простака, глупец’ [БСЖ, с. 90], *Васёк* ‘доверчивый, простоватый человек’ [Там же, с. 89], *Гаврила* ‘грубый, неумный, нетактичный человек’ [СМА, с. 84], *Дунька* ‘неотесанная, необразованная, обычно провинциальная женщина’ [Там же, с. 123], *Егор* ‘любой человек (обычно простоватый, туповатый)’ [Там же, с. 128], *Иван* ‘глупец, тупица’ [БСЖ, с. 228], *Клава* ‘необразованная, глупая девушка’ [Там же, с. 258], *Лёха* ‘наивный, глуповатый человек’ [Там же, с. 315], *Маруся* ‘девушка, женщина (обычно простоватая, наивная)’ [БСЖ, с. 337], *Маша* и *умная Маша* ‘глупая, наивная женщина’ [Там же, с. 342], *Митёк* ‘глупый, недалекий человек’ [Там же, с. 351], *Тимофей* ‘глупый, недалекий человек’ [Там же, с. 588] и др. Как можно заметить, имена собственные, выступающие в качестве обозначений дурака, простака, имеют устойчивую социальную «привязку». Свойственная большинству этих имен коннотация “имеющий низкое социальное происхождение (из простых)” делает их пригодными для использования в качестве обозначений глупого человека. Ср. случай стилизации жаргонизма под диалектное произношение: жарг. *Хвения* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [Там же, с. 644].

Имя известного лица как обозначение человека по интеллекту. Если диалектные единицы ориентированы на «ничейные» личные

имена, то среди антропонимических жаргонизмов нередко можно встретить имена конкретных личностей.

1) **Имена исторических или культурных деятелей.** Например, образ Пушкина выступает как символ образованности и ума: жарг. *Пушкин* ‘умный человек’ [Там же, с. 492]. Паремия *Чего я, Ленин, что ли?* «что я, дурак, что ли?» [СМА, с. 226] – результат негативных коннотаций, сопровождающих лексику идеологического толка (в том числе антропонимы), возникающих на фоне неодобрения фанатической приверженности идее, не терпящей насмешек и в то же время притягивающей их.

2) **Имена киноактеров или персонажей фильмов.** Лексема *Ватсон* ‘недогадливый человек’ [АТЛ] апеллирует к образу из цикла фильмов об известном сыщике, а также его друге, не поспевающем за мыслью главного героя. Образ киноактера, герой которого обладает недюжинной физической силой, возникает в жарг. *Арнольд* ‘юноша, мужчина, занимающийся культуризмом в ущерб интеллекту’ [СМА, с. 25], *Шварценеггер* ‘культурист, не отличающийся высоким интеллектом’ [БСЖ, с. 686] (ср. диал. *Бусла́й* ‘о глупом человеке большого роста’ [СРНГ, вып. 3, с. 305]). Образ неуклюжего неудачника, созданный французским актером, лежит в основе языковых фактов *Бельмондо́* и *Бельмонда́* ‘психически ненормальный человек’ и ‘умственно отсталый человек’ [БСЖ, с. 58], имеющих экспрессивно отягощенный для русского человека звуковой комплекс, в котором «слышится» и ругательство, и известное всякому русскому человеку выражение *ни бельмеса не смыслить*.

Имя собственное как обозначение умного человека. Антропонимы крайне редко становятся вторичными обозначениями умного человека. Чуть ли не единственная диалектная единица такого рода – диал *и крóшка, да Мирóшка* ‘о догадливом или плутоватом ребенке’ [СРНГ,

вып. 18, с. 173], в основе которой лежит упомянутый выше мотив инаковости.

Кроме того, на периферии лексико-семантического поля «Интеллект человека» находится диал. *Елисэй* ‘прозвище хитроумного человека, лицемера’ [Там же, вып. 8, с. 342], в основе которого лежит звуковой комплекс, ассоциируемый с лексемами *лесть*, *льстить*.

Квазиантропонимическая лексика интеллектуальной сферы. Любопытен факт наличия в лексико-семантической зоне «Ум» слов, в которых отмечается контаминация двух сходных фонетических комплексов, один из которых принадлежит интеллектуальной сфере, другой – антропониму.

К примеру, в диалектной языковой среде глагол *смека́ть* ‘соображать, догадываться о чем-н.’, имеющий в корне гласный в слабой позиции, притягивает к себе антропонимы *Микита* и *Микула*. Так можно объяснить появление диалектных глаголов: *мику́лить* ‘понимать’ [Там же, вып. 18, с. 159], *смеке́тить* ‘понять, сообразить что-либо; догадаться о чем-либо’ [НОС, вып. 10, с. 94], *смикíтить* ‘сообразить, смекнуть’ (арх.) [КСГРС] и ‘догадаться, смекнуть; сообразить’ [НОС, вып. 10, с. 96], а также, вероятно, *помикíтрить* ‘подумать, поразмыслить’ [СРНГ, вып. 29, с. 212].

Аналогично слова *сметка* и *сметливость*, имеющие тот же корень, что и диал. *метать* ‘думать, соображать’ [Там же, вып. 18, с. 135] и *ме́ткий* ‘смекалистый, сообразительный’ [Там же, с. 139], сближаются с существительными *Митя* / *Митька*: диал. *смитью́кать* ‘догадаться, смекнуть; сообразить’ [НОС, вып. 10, с. 96], ср. также жарг. утол. *мити́ковать* ‘думать, соображать; понимать что-л.’ [БСЖ, с. 351].

В отношении диал. *максим*, *максимка* и *максимко* ‘ум, голова’ (арх.) [КСГРС] можно выдвинуть предположение о том, что в наивно-языковом сознании диалектоносителя они связываются с *макушкой*, *маковкой*, то есть с обозначениями головы человека.

Традиция использования личного имени человека в качестве обозначения человека по интеллекту инициирована, вероятно, сакральной функцией имени. Круг собственных наименований, пригодных для этого, можно очертить двумя группами: типично русские имена, имеющие в языковом сознании носителя языка коннотации «чужой, инакий», «счастливый, блаженный», «праведный», «провинциальный»; в жаргонной культуре – «имиджевые» имена людей, известных как «идеологизированная личность», «силач», «неуклюжий неудачник», «несообразительный верный ординарец». Весь этот ономастический фонд включает в себя по преимуществу имена простаков, одураченных, неумелых, необразованных людей и юродивых. Ситуация, когда антропонимы выступают в качестве обозначений человека по его умственным способностям, свойственна разговорной речи, обладающей высокой степенью экспрессии, поэтому антропонимы такого рода закономерно отсутствуют в русском литературном языке, но одинаково часто используются носителями русских народных говоров, городского просторечия и жаргона.

2.3. МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОД

Среди обозначений мыслительного действия и интеллектуального бессилия в русском языке выделяется обширная группа лексем и фразеологических единиц, внутренняя форма или основное (прямое) значение которых отсылает к сфере сверхъестественного. В подобной лексике представлены следующие персоналии: *Бог, чёрт, сатана, демон, леший, оборотни*. Из них *Бог* и *черт* получают осмысление как в отрицательно-интеллектуальной, так и в положительно-интеллектуальной сфере.

«Божественная» метафора. Лексема *Бог* почти не участвует в языковой концептуализации интеллектуальной деятельности. Единичный случай – диал. *боговать* ‘думать, размышлять’ [СРНГ, вып. 3, с. 47], репрезентирующее раздумье как разговор с богом. Если же говорить не о Боге, а о некоторой высшей сущности, то следует вспомнить о способности мысли находиться вне головы человека: приходить откуда-то, из внешнего пространства, из информационного поля, и вновь удаляться туда. Момент, когда на человека снисходит мысль, осознается им как божья благодать, как посещение чего-то божественного. Ю. Д. Апресян трактует идею высшей силы, стоящей над человеком и являющейся источником иррационального знания, как компонент значений лексем *озарить, осенить, озарение, откровение* [Апресян, 1999, с. 50–51]. Ср. также выводы, сделанные на основе анализа старославянского языкового материала: «Идея “божественности” знания получала часто метафорическое воплощение в виде света, который проливается на мир и на человека» [Вендина, 2002, с. 150].

Значительно чаще образ бога возникает в словах с отрицательно-интеллектуальной семантикой: диал. *богарáдный* и *богорáдный* ‘глуповатый, недалекого ума’ [СРНГ, вып. 3, с. 42], *божево́литься* ‘бесноваться, сходить с ума, быть одержимым припадками’ [Там же, с. 61], *бо-*

жево́льный ‘одержимый припадками, помешанный, сумасшедший, безумный’ [Там же, с. 62], *бо́жий челове́к* ‘юродивый, придурковатый, идиот’ [Там же, с. 64], *божегнёвный* ‘одержимый припадками, помешанный, сумасшедший, безумный’ [Там же, с. 62].

Интеллектуальная неполноценность человека – божественный промысел (диал. *Бог обнёс умом* ‘об отсутствии умственных способностей у кого-л.’ [Там же, вып. 22, с. 148], *обожево́лить* и *обожево́литься* ‘об отсутствии умственных способностей у кого-л.’ [Там же]); не принятый на земле принадлежит иному, лучшему миру, поскольку в народной картине мира Бог занимает определенное место в оппозиции «свой – чужой»: Богу принадлежат природные объекты, не освоенные человеком, а значит осознаваемые носителем языка как «не наше, не своё, внешнее, чужое» [Березович, 1998, с. 228–229]. Слабоумный человек представляется как угодный Богу и радеющий за Бога, как ставший таковым по воле Бога, как его посланник. Глупец – проводник, посланник Бога в земном мире, миссионер, праведник. Диал. *Ано́ха-пра́ведник* и *Ано́ха пра́ведный* ‘о простофиле, дураке, глупце’ [СРНГ, вып. 1, с. 261], *преподо́бный* ‘глуповатый, чудаковатый, блаженный’ [СРНГ, вып. 31, с. 88], *святу́ха* ‘дуралей, остолоп’ [СРНГ, вып. 37, с. 8], *свято́й ра́зум* (*Безумным Бог давал святой разум*) [Там же, с. 6] обязаны своим существованием представлению о близости душ праведников к Богу.

«Демоническая» метафора. В сфере народной духовной культуры с чертами «устойчиво ассоциируются такие свойства, как сила, могущество, всезнание, опытность, хитрость, богатство» [Коваль, 1998, с. 49], ср. образ черта-подсказчика, нашептывающего на ухо ответы и решения: диал. [*скажет*] *что черт на коже пишет* ‘о находчивом человеке’ [НОС, вып. 12, с. 54]. В уголовном жаргоне возникает образ всезнающего искуителя – сатаны: угол. *сатана* ‘опытный и умный следователь прокуратуры’ [БСЖ, с. 525].

Черт, леший, оборотни неизменно связываются в языковом сознании и с интеллектуальной неполноценностью человека. С одной стороны, они якобы способны оказывать негативное воздействие на мыслительную способность человека. В этом отношении интересны архангельские идиомы со значением ‘сойти с ума’ – *черта в зеркале увидеть и себя в зеркале не видеть* (арх: *К нему уж не ходи, он тебе всё наврёт, он уж чёрта в зеркале увидел; У Анны с мозгами не в порядке, себя в зеркале не видит*) [КСГРС]. «Прямое» прочтение этих выражений (то есть «так ненормален, что в зеркале видит черта вместо себя / не видит ничего») модернизирует представления, связанные с символикой зеркала в славянской народной культуре. Как указывает С. М. Толстая, зеркало считается «нечистым», опасным предметом, атрибутом и локусом нечистой силы [Толстая, 1994, с. 119–121]. Связь зеркала с миром нечистой силы реализуется по-разному. В некоторых традициях зеркало используется для того, чтоб распознать персонажей низшей демонологии: зеркало «притягивает» их и показывает их изображения. Белорусы считали, что дьявол может «снять» образ смотревшегося в зеркало человека (если он непричесан и неумыт), делая его своей жертвой [Там же]. Очевидно, обрядовая практика и представления такого рода повлияли на появление рассматриваемых идиом.

С другой стороны, общеизвестно, что нечисть любит проказить, водить, совершать нечто неожиданное, пугать. Согласно народным представлениям, леший, хозяин леса, внезапно появляется и исчезает, безумно хохочет и др. На этих представлениях основывается диал. *леший поехал на нем* ‘о том, кто безобразничает’ [СРНГ, вып. 17, с. 32]. Генерализация искомого признака ‘ненормальный’ становится явной в волог. *леший* ‘странный, ненормальный’ [КСГРС]. Поэтому странные поступки слабоумного человека ассоциируются с пугающим поведением нечисти: диал. *анчутка* ‘о глупом человеке’ (от *анчутка* ‘нечистая сила, черт’) [НОС, вып. 1, с. 14], *чёртова голова* ‘о глупом, бестолковом

человеке' [ПОС, вып. 7, с. 53], *леший* 'о сумасшедшем, буйном человеке' [СРНГ, вып. 17, с. 33].

Набор значений диал. *кумоха́* обнаруживает взаимосвязь представлений об интеллектуальной неполноценности и о потустороннем мире: 'инфернальное мифическое существо', 'колдунья, знахарка', 'ругательство (в значении *черт*)', 'болезнь, которую насылает мифическое существо (сглаз, заикание, бред, лихорадка, малярия и др.)', 'о торопливом и неаккуратном человеке', 'болезнь, связанная с помрачением рассудка' (волог.) [КСГРС]. Вероятно, слабоумие мыслится в данном случае как насылаемая немощь.

Метафора магического действия колдуна. Ведуны, знахари предстают в наивно-языковом сознании могущественными благодаря своим знаниям. Поэтому фразеологизм *звезд с неба не хватает* 'о недалеком, малоспособном, бесталанном человеке' [СРФ, с. 203–204], обычно снабжаемый «бытовым» объяснением через ситуацию продвижения по служебной лестнице, можно связывать, по мнению Н. И. Толстого, оценивавшего наличие аналогов этой идиомы в белорусском и украинском языке как неслучайное, с магическим действием колдуна, поскольку южным славянам (болгарам и сербам) известны представления о магической способности ведьм и колдунов похищать (хватать) с неба звезды и месяц для предсказания земных событий [Толстой, 1996, с. 40].

Вера в то, что интеллектуальная неполноценность может явиться следствием порчи, просматривается в лексемах *обмѐн*, *обменѐна*, *обменѐный*, *обменѐнок* 'дурак, идиот, негодяй [СРНГ, вып. 22, с. 124]', *обмѐныш* 'глупец' [Там же, с. 125], *о́прокидень* 'сумасшедший, бешеный, бестолковый торопыга, суета' (от *о́прокидень* 'замороженный, испорченный знахарем человек', 'оборотень') [Там же, вып. 23, с. 300].

Метафора рая и ада. Слова *ад* и *рай* описывают только умственно неполноценного человека и при этом порождают совершенно различные мотивы. Если диал. *адóвщина* 'темнота, невежество' [Там же,

вып. 1, с. 208] и *а́довские мужички* ‘неповоротливые, ленивые, бестолковые’ [Там же] имеют мотивационный признак «темный» (видимо, в результате наивных представлений об аде как царстве тьмы), то диал. *ра́ич, ра́еч* ‘придурковатый человек, дурак’ (волог.) [КСГРС], *райка* ‘то же (о женщине)’ (волог.) [Там же] отсылают нас к блаженному состоянию умственно неполноценного человека.

Средствами мифологического кода подчеркивается восприятие носителем языка окружающего мира через призму оппозиции «свое – чужое». Такие разные элементы этого кода – Бог и черт, рай и ад, колдуны и праведники – совпадают в выражении мотива «чужой, инакий».

Отдельного комментария требует диал. *ён* ‘ум, толк, соображение’ [СРНГ, вып. 23, с. 213], принадлежащее к группе табуированных наименований, которые не содержат метафоры, но, безусловно, должны быть рассмотрены в рамках мифологического кода. Слово *ён* во всех своих значениях представляет табуированную лексику русских народных говоров. Ср. *ён* ‘в суеверных представлениях – табуистическое наименование черта, дьявола, домового’, ‘человек или существо, главенствующее, владычествующее (хозяин-богач, медведь, домовый, леший)’, ‘табуистическое наименование медведя (обычно в речи охотников)’, ‘табуистическое наименование тяжелых болезней (падучая, родимчик и т. п.)’ [Там же]. Как известно, табу накладывается на объекты, которые нужно оберегать либо которых следует опасаться. Возможно, способность мыслить в народно-языковой картине мира синкретично осознается, с одной стороны, как требующая защиты и, с другой стороны, как таящая в себе опасность.

Глава 3

БЫТИЕ И ПРИРОДА

Человек имеет свое понимание устройства мироздания, отражающее сознание коллектива и потому этнически обусловленное. В языковых репрезентациях мыслительной деятельности человека задействованы представления о пространстве, передвижении в нем различных объектов, о существовании информационной сферы, с которой взаимодействует интеллект человека, а также о мире, противопоставленном земному.

Наблюдения за окружающей средой дают носителю языка богатый образный материал, который пригоден для более ясного осознания свойств других, менее знакомых предметов. Излюбленными образами, с которыми носитель языка проводит ассоциирование объектов интеллектуальной сферы, являются природные объекты.

3.1. РАСТИТЕЛЬНЫЙ КОД

Русский язык традиционно использует образную сферу «Растительность» в качестве базы для метафорического преобразования представлений об умственных способностях и действиях человека. Интересно определить круг образов, которые номинатор выделяет из множества элементов растительной сферы, считая их пригодными для ассоциирования с умственным здоровьем или интеллектуальной несостоятельностью. Ботанический код активно развивается, тем самым предоставляя возможность наблюдать «живой» процесс формирования новых метафор, происходящий под неизбежным прессингом как со стороны языковых явлений, так и со стороны особенностей мышления русского человека.

Метафора вегетации растений: интеллектуальное действие и воздействие как поэтапный рост и выращивание различных культур. Это одна из немногих метафор, воплотившихся преимущественно в лексическом материале русского литературного языка. Анализируя особенности языковой реализации этой метафоры, можно отметить, что она выявляется большей частью на основе сочетаемости слов тематической группы «Интеллект» с лексикой конкретной семантики, описывающей вегетацию растений.

В образном воплощении различных умственных акций представлены разные этапы цикла развития растения, начиная с образа родящей земли и заканчивая периодом созревания и плодоношения, в связи с чем можно говорить о том, что в данной метафоре присутствует динамический аспект – поступательное движение, качественное изменение, прогрессирование. В этом русле разработаны концепты «мысль», «идея», «сомнение».

Целенаправленное воздействие на интеллект другого человека или на умы нескольких, многих людей, вмешательство в интеллектуальное пространство человека с целью инициировать (*заронить сомнение, посеять сомнение, прививать идеи*) или активизировать (*питать идеи*) мыслительную деятельность, направив ее в определенное русло, отождествляется с процессом возделывания земли, выращивания растений (*насаждать идеи*). Ср. фрагмент фольклорного текста, содержащий метафорическую ситуацию посева: *Да зажег сердце ты мое ре... ох, ретивое, От да бросил мысльцы, парень, да во меня* [СРНГ, вып. 19, с. 61].

Проводятся ассоциации между ростом растения и интеллектуальной деятельностью человека, начатой им самостоятельно или спровоцированной извне. Так, начальный этап работы ума в заданном кем-либо извне направлении обнаруживает в наивно-языковом сознании сходство с укоренением растения: *семена [идеи] упали на плодородную почву,*

идея пустила корни (в ком). Результат внедрения идеальных сущностей в интеллектуальное пространство одного или нескольких людей описывается через метафору плодоношения: *идеи плодоносят*. Успешное завершение мыслительной деятельности человека отождествляется с созреванием плодов растений: *зреет мысль, зреет решение (у кого)*, *У меня в голове созрела богатая мысль* [Даль, т. 1, с. 694].

Данная метафора распадается на две модели в соответствии с двумя базовыми пропозициями – *расти* и *выращивать*. Первая цепочка: частный мотив «выращивать» – сквозной мотив «вмешиваться в процесс» – мотивационная доминанта «воздействовать на интеллект другого человека». Вторая цепочка: частным мотивам «укорениться», «зреть», «плодоносить» соответствуют сквозные мотивы «занять место в пространстве», «совершенствоваться», «приносить результат» соответственно. Все они, в свою очередь, включаются в мотивационную доминанту «воспроизводиться (об идеальных объектах)».

Дело в том, что вегетативная метафора представляет собой фреймовую структуру. Это ситуация, развернутая во времени и в пространстве. Ее участники – человек и объекты растительного мира: семена, растение, плоды, почва, удобрения. Этот фрейм есть отражение представлений об одной из возможных интеллектуальных ситуаций. Речь идет, во-первых, о человеке, осуществляющем воздействие на интеллект собеседника, во-вторых, о субъекте интеллектуальной деятельности (одном или нескольких) и, в третьих, об идеальных объектах – мыслях, сомнениях, решениях.

Обсуждаемая метафора манифестирует возможность одностороннего интеллектуального воздействия человека на интеллект другого человека. Интеллект видится как пространство. Идеальные сущности предстают как объекты, внедряемые в интеллект другого человека, и одновременно как сущности, способные к самовоспроизводству. Интел-

лектуальная деятельность представляется как направленная на производство и воспроизводство идеальных объектов – мыслей.

Метафора созревания растений. Ее следует отличать от вегетативной метафоры и рассматривать автономно, поскольку созревание растений как один из этапов их роста ассоциируется в русском языковом сознании не только с ситуацией формирования в ходе умственной деятельности идеальных объектов (мыслей, решений), но и с ситуацией интеллектуального становления личности, то есть с качественным изменением мыслительной способности человека. Иначе говоря, метафора созревания предназначена для характеристики уровня интеллекта человека, поэтому она более «статична» в сравнении с предыдущей.

Обсуждаемая метафора представляет собой противопоставление двух моделей, одна из которых располагается в лексико-семантической зоне «Ум», другая – в зоне «Глупость». Так, интеллектуальная неполноценность ассоциируется в наивно-языковом сознании с незрелостью плодов или хлебов: *Малый долго зрел, да не дозрел* ‘медленно рос и развивался’ [Даль, т. 1, с. 694]. Мотивы выстраиваются в цепочку «незрелый» – «недоразвившийся, не достигший кульминационной точки развития» – «несовершенный, неполноценный». Противоположный полюс составляет цепочка мотивов «зрелый» – «развившийся» – «совершенный, полноценный»: *зрелый* ‘рассудительный’ и *зрелость* ‘степень рассудительности’ [Там же], диал. *вы́колоситься* ‘слишком много знать и понимать для своего возраста (о ребенке)’ [СРНГ, вып. 5, с. 293].

Метафора блуждания в лесной глуши. Операциональный аспект умственной деятельности (познание) представлен в метафоре, рисующей субъекта интеллектуального действия передвигающимся в пространстве. Она базируется на представлении русского человека о том, что лес – часть дикой природы, незнакомая, чуждая ему, неосвоенная территория, пребывание на которой небезопасно: человек рискует заплутать в лесной глуши. Темнота выступает как атрибут леса, по-

сколькx в наивно-языковом сознании лес — место «с плохой видимостью», так как нельзя видеть, знать, куда ведет лесная дорога или тропинка. В языковых фактах отрицательно-интеллектуальной сферы оказываются релевантными такие культурные коннотации лексемы *лес*, как «дикий», «темный». Поэтому бестолковое блуждание по лесу в поисках тропы ассоциируется с неуспешной умственной деятельностью: *как в темном лесу (быть, очутиться)* ‘о непонимании чего-либо’ [СРФ, с. 336], диал. *тёмный лес — никакóго просвёта* ‘глупый, тупой’ [ФСРГС, с. 105], (*наговорить*) *семь вёрст до небёс и всё лёсом* ‘наговорить глупостей, нелепостей’ [СРНГ, вып. 37, с. 158]. Таким образом, выявляется частный мотив «идущий по лесу», сквозной мотив «блуждающий в плохо просматриваемом пространстве» и мотивационная доминанта «хаотично движущийся (о субъекте интеллектуальной деятельности)».

Метафора дикого лесного захолустья: лес и моx. Идея неразвитости может получить воплощение и в изначально статичном образе. В наивно-языковой картине мира русского человека лес предстает как дикое место, удаленное от центров культуры и образования, поэтому образ лесного захолустья является символом интеллектуальной неполноценности. В русских народных говорах «лесная» метафора разработана детальнее, чем в молодежном сленге (жарг. *тайга* ‘глупый, несообразительный человек’ [БСЖ, с. 580]). Диалектные материалы позволяют обозначить несколько вариантов этой метафоры. Наряду с моделью «глупый человек — дикий лес» (диал. *тайга́ тайго́й* ‘недалекий, неграмотный человек’ [ФСРГС, с. 195]) существует модель «глупый человек — лесное растение» (диал. *как óтросни из лёсу* ‘о людях малознающих, неразвитых’ [СРНГ, вып. 24, с. 299]). Но наиболее распространенной является модель «глупый человек — человек, проживающий вблизи диких лесов»: диал. *полéха* ‘житель Полесья’ и ‘невежда, неуч’ [Там же, вып. 29, с. 65], *заулéшица* ‘глухое безлюдное или малонаселенное место’ и ‘невежественный, отсталый человек’ (волог.) [КСГРС] (с корне-

вой морфемой *-лес-*), *всё лес*, *ельняк*, *всё к нёбу діра* ‘о серости, отсталости’ [СРНГ, вып. 20, с. 319].

На уровне коннотаций маркером дикости и, как следствие, символом умственной неразвитости является также мох, местом произрастания которого является чаще всего лес: ср. жарг. *пенек замшелый* ‘глупый человек’ [СМА, с. 321] и диал. *мох и болото (наговорить)* ‘много глупостей, нелепостей (наговорить)’ [СРНГ, вып. 18, с. 309]. Неслучайно в последнем выражении упоминается еще один «дикий локус», отождествляемый с интеллектуальной неполноценностью, – болото: диал. *болотина* ‘дурак, простофиля’ и *болотный* ‘глупый, бессмысленный’ [Там же, вып. 3, с. 79].

Таким образом, реконструируется частный мотив «лесной», сквозной мотив «дикий, захолустный, удаленный от культурного центра» и мотивационная доминанта «неразвитый (о человеке)».

Метафора стоящего на корню дерева. В данной модели образ дерева рассматривается в отвлечении от свойств его древесины. К образу стоящего на корню дерева апеллирует прилагательное *стоеросовый*, выполняющее экспрессивную функцию в составе нескольких фразеологизмов и имеющее богатую этимологическую историю. Это определение прилагается обычно к существительным, которые и самостоятельно, вне устойчивых выражений являются обозначениями глупого человека. Ср. *дубина стоеросовая*, *дурак стоеросовый*, *болван стоеросовый* ‘то же, что *дурак*, *болван*, но с оттенком усиления’ [МАС, т. 4, с. 269].

С одной стороны, это слово с яркой внутренней формой отсылает нас к «деревянной» метафоре и к воплощенному в ней мотиву «твердый», сигнализирующему о неспособности глупца к адекватному восприятию. Но эта же внутренняя форма прилагательного заставляет предположить, что использование именно такой характеристики в отношении глупого человека не лишено самобытности и вовсе не ограничивается указательной функцией.

Мотивировка «расти стоя» посредством нарисованного с ее помощью образа стоящего на корню дерева манифестирует значимость семы 'стоять', которая наводит на ассоциации с обездвиженностью и бездейтельностью. Ср. *стоячий* (*пруд, воздух*) 'неподвижный' [Ожегов, с. 771], *простой* 'вынужденное бездействие (рабочей силы, механизма), остановка в работе' [Там же, с. 622]. Кроме того, Л. Е. Кругликова указывает на то, что в прямых значениях прилагательное *стоеросовый* могло называть высокое дерево с ветками, близко прилегающими к стволу (в противоположность раскидистому дереву), или старое высохшее дерево (ветки которого тоже не образуют пышной кроны) [Кругликова, 2000, с. 99–102]. Выявляется сходство стоеросового дерева со столбом. Этот образ тоже знаком наивно-языковому сознанию русского человека как символ обездвиженности и бесчувствия, ср., к примеру, разг. *стоять столбом* 'стоять неподвижно' [Ожегов, с. 769] и *столбенеть* 'терять способность двигаться от душевного потрясения' [Там же]. В этой связи кажется закономерным, что прилагательное *стоеросовый* имеет в русских народных говорах переносное значение 'грубый, бесчувственный (о человеке)': *Муж у нее грубый, – ни старшим почтенья, ни о детях заботы – так, какая-то дубина стоеросовая. В работе сын силен, но промеж людей стоеросовый, – ни уваженья, ни сочувствия не понимает* [Кругликова, 2000, с. 102].

Таким образом, «стоеросовость», то есть собственно стояние столбом, видится как замирание – двигательное, чувственное, интеллектуальное. Ср. диал. *стóень* 'болван, олух, дурень' [Даль, т. 4, с. 334], *столбъяник* 'балбес, остолоп' [КСГРС], *застолбенéло кому-л.* 'об утрате кем-л. ясности сознания, рассудка, мыслей' [СРНГ, вып. 11, с. 62], *остолбéть* 'сойти с ума' [КСГРС], *остолбенять* 'обезуметь' [СРНГ, вып. 24, с. 72].

Образ стоящего на корню дерева реализует сквозные мотивы «неподвижный», «безучастный», «бесчувственный» и мотивационную до-

минанту «неспособный взаимодействовать, то есть воспринимать и реагировать (о человеке)».

Метафора дерева с качественной или некачественной древесиной. В этой метафоре можно наблюдать строгое противопоставление моделей: в соответствии с оппозицией «пригодный – непригодный (в хозяйстве)», образ дерева с некачественной древесиной, рисуящий умственно неполноценного человека, противопоставлен образу дерева с высококачественной древесиной, олицетворяющему умного человека.

Для носителя диалекта немаловажен тот факт, что особенности произрастания и строения дерева отражаются на качестве его древесины. Согласно его мировоззрению, такие деревья нуждаются в особом означивании. Лексемы *сосна* недостаточно, в дополнение к ней появляются вбирающие в себя новую информацию лексемы – *мянда* ‘мелкая сосна с крупнослойной и рыхлой древесиной, растущая в низменных местах’ [ССРЛЯ, т. 6, с. 1448], диал. *мѣнда* ‘мянда, сосна с непрочной, некачественной древесиной’ [СРГСУ, т. 1, с. 126] и *кѡнда* ‘крепкая мелкослойная смолистая сосна, растущая на сухом месте’ [СРНГ, вып. 14, с. 245]. Те же корневые морфемы в ином аффиксном оформлении становятся обозначениями вообще любого дерева с точки зрения перспективы его использования в качестве строительного материала: диал. *мендѧч*, *мяндѧш* ‘лес со слабой, некачественной древесиной’ [СРГСУ, т. 1, с. 126], *кондѧч* ‘дерево с крепкой, высококачественной древесиной’ и *кондѡвый* ‘с прочной, плотной древесиной; крупный, могучий, высококачественный (о лесе, дереве преимущественно как о строительном материале)’ [СРНГ, вып. 14, с. 246–247].

Семы «качественный» и «некачественный» открывают возможности использования этих лексем в качестве обозначений умственно здорового и глупого человека: диал. *кондѡвый* ‘сообразительный, смышленный’ [Там же] и *мянда косѧя* ‘скотина, дурак, неуч, невежа’ [Там же, вып. 19, с. 86]. Частные мотивы «качественный / некачественный (о

древесине)» через посредство сквозных мотивов «годный / негодный» включаются в мотивационную доминанту «годный, хороший / никчемный, бесполезный (о человеке)».

Прилагательное в составе оборота *мянда косая* обеспечивает явное звучание мотива «кривой», реализующего разные мотивационные доминанты в зависимости от того, какой из сопоставляемых в рамках данной метафоры объектов (человека или дерево) принять за точку отсчета. С одной стороны, это прилагательное рисует дерево с искривленным стволом, указывая, таким образом, на дополнительный фактор, неблагоприятно сказывающийся на качестве древесины. С другой стороны, мотив кривизны сам по себе значим в лексике отрицательно-интеллектуальной сферы, поскольку является символом отклонения от нормы и реализует мотивационную доминанту «неправильный, аномальный». Ср. диал. *косо / криво пов'язан* 'о человеке глупом, слабого ума' [НОС, вып. 8, с. 11], а также пословицу *Криву́ю стрелу́ Бог пра́вит* 'о толковом рассуждении или поступке человека глупого и недалекого' [СРНГ, вып. 15, с. 246].

Однако необходимость выбора в пользу одной из мотивационных доминант утрачивает здесь актуальность, поскольку отношения между ними нельзя определить как конфликт, противоречие. Наоборот, в «мотивной полифонии» заключается характерная особенность языкового сознания, в котором разные мотивы, как нити, имеют свойство переплетаться, как бы стягиваясь в узлы и образуя прочную «ткань», на которую впоследствии ложатся «образы-рисунки», метафоры. Введение в языковой знак прилагательного *косой* не столько обеспечивает актуализацию семы 'низкокачественный' (для этого достаточно лексемы *мянда*), сколько включает программу ассоциирования с разными «неправильностями». Ср. разг. *перекос* 'ошибка, неполадка' [Ожегов, с. 505], *жизнь/дела наперекосяк* 'плохо, не так, как нужно' [Там же, с. 388], *кривотолки* 'неправильные, неосновательные рассуждения, сплетни'

[Там же, с. 306], простореч. *косорукий* ‘неуклюжий, с неловкими движениями рук’ [Там же, с. 300], жарг. *косяк* ‘ошибка, промах’, *твой косяк* ‘ты виноват, твоя ошибка’, *накосячить* ‘сделать что-либо плохо, неудачно’ [АТЛ]. С помощью этих ассоциаций интеллектуальная неполноценность оказывается манифестированной как аномалия, отклонение от нормы. В этом и состоит назначение прилагательного *кривой* в рассматриваемом выражении.

Мотивы «никчемный» и «неправильный» пересеклись также в диал. *шарáга* ‘бестолковый человек’ (волог.) [КСГРС], семантическим предшественником которого является диал. *шарáга* ‘кривое сучковатое дерево; дерево с раздвоенным стволом’ (волог.) [Там же]. С одной стороны, здесь играет роль прагматический взгляд диалектоносителя на все, что его окружает: для него одинаково негодны древесина кривого сучковатого дерева и бестолковый человек. С другой стороны, такая немаловажная деталь «облика» дерева, называемого *шарагой*, как раздвоенный ствол, могла бы навести и на мысль о неуклюжем (собственно, неправильном) человеке, от которого рукой подать до бестолкового. Выяснить, какая именно часть значения лексемы *шарага* явилась отправным пунктом для возникновения у нее переносного значения, представляется затруднительным.

Наконец, те же две мотивационные доминанты проявились в метафорическом сопоставлении глупого человека и *посолонного* дерева. Последнее представляет собой дерево с особенной, закрученной справа налево (по движению солнца) древесиной, обычно кривое (*Это косина у его налево; у правильного дерева вправо идет* [КСГРС]), что затрудняет его обработку, обуславливая его хозяйственную непригодность. Ср. *Из посолонна дерева даже избы не строили, негодно оно для жилья как-то; Посолонное дерево не колетса почти, ни топором, ни колуном* [Там же]. Носитель диалекта нашел причину необычного изменения древесины в том, что одиноко стоящее дерево «тянется» за солнцем, соверша-

ющим ежедневное движение с востока на запад, и указал ее в языковом знаке, поставив акцент на семе обратного движения. Именно движение в сторону, противоположную той, куда следовало бы двигаться, стало смысловым центром, который спровоцировал возникновение переносных наименований различных предметов и явлений, имеющих резкое отличие от прочих, оцениваемое как недостаток. Ср. диал. *корóва посолóнная* ‘корова, которая ходит отдельно от стада’ [СРНГ, вып. 30, с. 195], *посолоно* ‘о неуклюжем, неповоротливом человеке’ [КСГРС], *посолóнный* ‘невезучий (о человеке)’ [СРНГ, вып. 30, с. 195].

Негативная оценка обязательно присутствует в подобных номинациях. Ей предписывает быть в наличии прагматично-неодобрительный взгляд диалектоносителя на дерево, непригодное для обработки, то есть бесполезное, никчемное. Сочетание мотивов «неправильный» и «никчемный» явилось хорошим подспорьем для возникновения наименований отрицательно-интеллектуальной сферы: диал. *посолóнный*, *посолóный* и *посолénный* ‘глупый, неумелый, бестолковый’ [Там же]. Ср. также контекст к диал. *посолоно* ‘имеющий какой-либо недостаток’ (арх.): *Ума нет, так посолоно, дерево тоже не прямое какое, а так всё скажем кому – посолоно ты, посолоно* [КСГРС]. Ведущим в образе посолонного дерева является все же мотив «запечатлевший в себе обратное движение», реализующий мотивационную доминанту «неправильный, аномальный».

Метафора дерева как источника прочного материала. Модель «человек – дерево» – одна из самых архаичных, поэтому неудивительно, что в лексико-семантическом поле «Интеллект человека» она имеет несколько вариантов реализации. В частности, глупый человек ассоциируется с деревом, поскольку древесина вообще отличается прочностью. Мотив «твердый» восходит к сквозному мотиву «с трудом поддающийся внешнему воздействию» и далее к мотивационной доминанте «не-

способный выполнять функцию восприятия (об органе мышления или человеке)»).

В наивно-языковом сознании современного человека деревом с эталонно твердой древесиной является дуб, обозначение которого в молодежном сленге имеет переносное значение ‘тупица’ [СМА, с. 122]. Однако на более раннем этапе развития русского языка слово *дуб* имело значения ‘дерево’, ‘дуб’ и ‘дубовые бревна; дуб как материал’ [СРЯ (XI–XVII), т. 4, с. 368]. Поэтому возможно, что «дубовая» метафора является более поздней модификацией образа «деревянного» человека – образа, в истоках своих свободного от привязки к какому-то конкретному виду древесной растительности, представители которого имели бы более прочную древесину в сравнении с прочими деревьями.

Поскольку значение ‘дерево’ было закреплено за лексемой *дуб*, то переносные значения отрицательно-интеллектуальной сферы развились именно у нее или ее производных: *дубовая голова / башка* ‘о недалеком, тупом человеке’ [МАС, т. 1, с. 451], *дубоватый* ‘глуповатый’ [Там же], диал. *дубѣть* ‘глупеть’ [СРНГ, вып. 8, с. 234] и *одубѣть* ‘поглупеть’ [Там же, вып. 23, с. 66]. Но так как впоследствии основным у этого существительного стало значение ‘дуб, дерево из семейства буковых’, то и возникновение наименований глупого человека, апеллирующих к лексеме *дуб*, в современном наивно-языковом сознании связывается с особой твердостью древесины этой породы деревьев.

Ряд подобных номинаций необычайно разросся и пополняется по сей день за счет словообразовательных аффиксов, которые вносят дополнительную экспрессию в образ «дубового» человека. Можно назвать следующие диалектные факты: диал. *дубáс* ‘дурак, балбес, дубина’ [Там же, вып. 8, с. 233], *дубíнник* ‘глупый, бестолковый, упрямый человек; дубина’ [Там же, с. 236], *дублó* ‘глупый человек’ [Там же, с. 237], *дубя́ка* ‘о глупом, упрямом человеке’ [Там же, с. 242]. Эта же тенденция наблюдается и в молодежном жаргоне: *дубак* ‘глупый, несообразитель-

ный человек' [БСЖ, с. 169], *дубарь* и *дубчик* 'тупица' [СМА, с. 122], *дубарина* и *дубон* 'тупица' [АТЛ]. Стало возможным даже появление отвлеченного существительного *дубизм* 'тупость' [БСЖ, с. 170]. Наряду с прилагательным *дубовый* 'неграмотный; глупый' [Там же] возникают фразеологизмы *дубовый по самые glands* 'глупый человек' [Базарго, с. 27] и *дубовая роща* 'место, где много тупых людей (обычно о военных)' [СМА, с. 122]. В первом виден образ человека, частично «изготовленного» из твердого материала – древесины дуба. В другом случае образ дерева, стоящего на корню, оживляется за счет подключения количественной метафоры (ср. жарг. *край непуганых идиотов* 'о дураках' [АТЛ], *шиза косит наши ряды* 'о глупости, глупых людях' [Там же]).

Примечательно также жарг. *пробковое дерево* 'глупый, тупой, необразованный' [СМА, с. 372], которое происходит от обозначения одной из разновидностей дуба (*пробковый дуб*). Оно возникло не без влияния выражения *глуп как пробка* 'об очень глупом человеке' [МАС, т. 3, с. 465] и жарг. *пробка* 'тупица' [СМА, с. 372], которые отягощены целым «веером» частных мотивов. Среди них мотив «легковесный», обеспечивающий ассоциирование глупости и недостатка содержания, пустоты. Значим и мотив преграды, имплицитруемый прямыми значениями слова *пробка* 'закупорка для бутылок и вообще отверстий' и 'затор: скопление чего-н., мешающее движению', ср. жарг. *клапан* 'дурак, недоумок' [Там же, с. 197]. Кроме того, в пословице *Глуп как пробка: куда ни ткнешь, там и торчит* [СРФ, с. 474] присутствуют коннотации «несамостоятельный» и «торчащий». Таким образом, выражение *пробковое дерево*, можно сказать, номинально остается в рамках «дубовой» метафоры растительного кода, поскольку дерево (устоявшийся образ, лежащий в основе обсуждаемой номинации) и пробка (образ, вмещающийся на правах свободной ассоциации) не уступают друг другу в значимости. Разноплановые, неродственные мотивы оказываются собранными в узел; они принуждены звучать одновременно.

Наряду с лексемой *дуб* для выражения отрицательно-интеллектуальной семантики привлекаются обозначения других деревьев. Прилагательные, образованные от существительных *вяз, ольха, ель, береза, осина*, входят в состав устойчивых сочетаний, бытующих в русских народных говорах и в просторечии: диал. *вяза́вый лоб* ‘об упрямом, тупом человеке’ [СРНГ, вып. 17, с. 93], *ольхо́вая голова́* и *ело́вая голова́* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [ПОС, вып. 7, с. 53], *балда́ осино́вая* ‘бестолковый, глупый, тупой человек’ [СРНГ, вып. 24, с. 9], простореч. *пень березовый* ‘очень глупый человек, тупица’ [СРФ, с. 436]. Думается, что ссылки на прочность этих древесных пород не имеют доказательной силы для обоснования возникновения подобных оборотов. Ольха и ель, к примеру, не отличаются крепкой древесиной. Сравнение твердости древесины разных пород деревьев, названия которых упоминаются в составе фразеологических обозначений глупого человека, не даст нам соответствия *более / менее твердый – более / менее глупый*. Древесина любого дерева являет собой образец твердости. Выбор конкретных наименований деревьев мог зависеть от широты распространения отдельных древесных пород или от «популярности» их использования в столярном деле.

Носитель жаргона, как и следовало ожидать, вносит элемент языковой игры почти в каждую номинативную единицу – новую или модифицированную старую. В частности, простореч. *балда осино́вая* «укорачивается» до существительного *осина* ‘глупый человек’ [АТЛ]. Подбирается альтернатива образу дуба: жарг. *самшит* ‘тупица’ [Там же] (в прямом значении – ‘южное дерево с очень плотной и тяжелой древесиной’ [Ожегов, с. 696]). Жарг. *орешник* ‘глупый и упрямый человек’ [АТЛ] появилось, вероятно, в результате контаминации слов *орешник* ‘ореховый кустарник’ [Ожегов, с. 459] и *орех* ‘плод со съедобным ядром в скорлупе’ и ‘дерево, приносящее такие плоды, а также твердая древесина его, идущая на столярные изделия’ [Там же].

В возникновении жарг. *баобаб* ‘тупица’ [СМА, с. 33] сыграли роль экзотичность этого дерева (в прямом значении – тропическое дерево с очень толстым стволом [Ожегов, с. 36]) и непривычный для слуха фонетический рисунок. Образ дерева здесь перестал сигнализировать о неспособности к восприятию; взял верх мотив «исключительный, уникальный». В образе бамбука – древовидного злака с крепким полым стеблем – носитель жаргона подметил сочетание твердости и пустоты, которое пришлось как нельзя более кстати для ассоциирования с глупостью: *бамбук* ‘глупый человек, тупица’ [БСЖ, с. 48], *бамбуковый* ‘глупый, тупой, недогадливый’ [СМА, с. 31]. В этих вторичных номинациях – *бамбук* и *баобаб* – обсуждаемая метафора претерпела существенные изменения. Образ дерева не утерян, но в нем важна не «деревянность» (крепкая древесина), а экзотичность и пустота.

Наконец, лексема *дерево* и ее производные также участвуют в выражении отрицательно-интеллектуальной семантики (преимущественно в молодежном сленге). Ср. диал. *деревянная голова* ‘о глупом человеке’ [СПП, с. 28]; жарг. *дерево* ‘недалекий, глупый провинциал’ [БСЖ, с. 154], *здравствуй, дерево!* ‘о глупом, бездарном человеке’ [Там же], *африканское дерево* и *полное дерево* ‘глупый человек, тупица, бездарь’ [СМА, с. 109], *деревянность* ‘глупость, тупость’ [АТЛ], *деревянный* ‘глупый, недалекий, тупой (о человеке)’ [БСЖ, с. 155], *по пояс деревянный* ‘о глупом, несообразительном человеке’ [Там же, с. 469]).

Дополнительные средства выражения «деревянной» метафоры изыскиваются через посредство обращения к накопленному человеком опыту применения древесины: обозначение листового древесного материала также приобрело переносное значение: жарг. *голова фанерная* [СМА, с. 501] и *фанера* ‘глупый человек’ [БСЖ, с. 620].

Метафора замещения головы овощем. Общеизвестно, что голова человека, вне связи с высокой или низкой оценкой его интеллекта, часто обозначается лексемами, первично называющими крупные ово-

щи: жарг. *дыня* [СМА, с. 126], *кочан* [Там же, с. 211], *тыква* [Там же, с. 484] с общим значением ‘голова’. В словарях русского литературного языка можно найти сравнения *голова как кочан* и *голова кочаном* [ССР-ЛЯ, т. 5, с. 1547], *голова в форме тыквы* [Там же, т. 15, с. 1193]. Ср. семантический ход в обратном направлении: растущие в огороде овощи в просторечии именуются головой или головкой; например, под *головкой лука, чеснока, капусты* подразумевается луковица или кочан, вилок [Ожегов, с. 136; Даль, т. 1, с. 367]. Это не могло не отразиться в лексико-семантическом поле «Интеллект человека». Вполне ожидаемо появление в молодежном сленге выражения *тыква сгнила* ‘об утрате способности соображать’ [АТЛ], где тыква – обозначение головы, не содержащее оценки умственных способностей «владельца» этой головы, а средством указания на интеллектуальную неполноценность человека послужила недоброкачественность этого овоща.

Но чаще метафора строится таким образом, что овощи, ничуть не будучи гнилыми и не имея никаких иных признаков недоброкачественности, все же выступают субститутами головы глупого человека. В этом качестве могут выступать тыква и капуста – крупные овощи, сходные с человеческой головой по форме и размеру.

Свидетельством в пользу солидного возраста этой метафоры является оборот *капустная голова*, найденный Л. Е. Кругликовой в работе М. Ф. Палевской «Материалы для фразеологического словаря русского языка XVIII века» и квалифицируемый ею (Л. Е. Кругликовой) как калька с итальянского с указанием на наличие такого выражения в латышском, польском, украинском языках [Кругликова, 2000, с. 105].

В этих языках обсуждаемая метафора сохранилась в семантических конструкциях типа «прилагательное от названия овоща + *голо-ва* = ‘глупый человек’». Ср. укр. *капустына голова* и *дыняна голова* ‘глупый человек’ (диал. *дыня* ‘тыква’) [Ивченко, 1999, с. 11]. Возникновению подобных фразеологических оборотов, думается, способствовал

упомянутый выше факт обозначения верхней части человеческого тела и растительных плодов округлой формы при помощи лексемы *голова*. В русском языке существует простореч. *голова садовая (кто)* ‘несообразительный, нерасчетливый или рассеянный человек’ [МАС, т. 4, с. 12], структурно подобное приведенным выше. Диалектные значения слова *сад* позволяют обнаружить в нем ту же «овощную» метафору. С учетом диал. *сад* ‘огород’ [СРНГ, вып. 36, с. 18] можно толковать прилагательное *садовый* как ‘растущий на огороде’, а в сочетании со словом *голова* оно могло бы первично служить обозначением овоща (любого из тех, к которым применима лексема *голова*). Другое значение этого существительного – диал. *сад* ‘огородное растение, овощ’ [Там же] – позволяет увидеть в обороте *голова садовая* аналог выражениям, которые содержат упоминание тыквы или капусты, поскольку тогда его следовало бы прочитывать как «овощная голова». Большое значение имеет также общая активность конструкции «прилагательное + существительное *голова*» в акте метафорического обозначения глупого человека, ср. диал. *áредова голова́* ‘бестолковый’ [СРНГ, вып. 1, с. 272], *лягúшечья голова́* ‘о глупом человеке’ [Там же, вып. 17, с. 257], *неварёная голова́* ‘глупый человек, тупица’ [КСГРС], *пришивна́я голова́* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [ПОС, вып. 7, с. 53], *ро́зная голова́* ‘о пустом, дурном человеке’ [СРНГ, вып. 35, с. 164], *чёртова голова́* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [ПОС, вып. 7, с. 53] и т. п. Как можно заметить, эта семантическая конструкция представлена в самых разных предметно-тематических кодах. Вопреки ее популярности, обозначения глупого человека, построенные по этой схеме, не прижились в рамках растительного кода. За исключением оборота *голова садовая*, в современных русских лексикографических источниках подобные выражения не зафиксированы. Но метафора в целом была усвоена носителем русского языка. Ее жизнь продолжилась в метонимических наименованиях «дурака»: диал. *ты́ква* ‘дурак’ [Даль, т. 4, с. 447], *каба́к* ‘о глупом, неумном

человеке' (ср. диал. *каба́к* 'тыква') [СРНГ, вып. 12, с. 280], жарг. *капуст* 'простак; недалекий человек' [Базарго, с. 36]; (ср. генерализацию элемента 'голова' в диал. *баи́ка* 'глупый человек' [СРНГ, вып. 2, с. 163], *баи́ков* 'глуповатый' [Там же], *голова́н* 'глупый, пустой человек' [Там же, вып. 6, с. 301]).

В современном русском разговорном языке «овощная» метафора воспроизведена максимально точно (но без сохранения структуры «прилагательное + голова»): выражения *не голова, а кочан у кого-н.* 'о глупом человеке' [Ожегов, с. 301] и *вместо головы кочан капусты* 'о глупом, несообразительном человеке' [АТЛ] – прямые потомки бытовавшего в 18 в. фразеологизма *капустная голова*. А вот в случае с единичной фиксацией выражения *тыквенное время* 'период, когда человек перестает соображать' [Там же] мы имеем дело с трансформацией обсуждаемой метафоры, обусловленной индивидуальностью носителя современного молодежного сленга. Здесь, в сравнении со всеми предыдущими номинациями, произошло усложнение семантической структуры языкового знака, поскольку «зазвучал» нехарактерный для «овощной» метафоры мотив нестабильности интеллектуальных состояний: временное ослабление умственных способностей человека представляется как временное замещение головы человека тыквой, которая не может выполнять функции органа мышления.

Что подвигло номинатора вовлечь образы тыквы и капусты в длинный ряд предметов, способных выступать символами глупости? Почему этот ряд не пополнился образами дыни и арбуза, которые также обладают внешним сходством с головой человека по форме и размеру? Неравноценность «растительной головы» и головы человека, то есть «функциональная непригодность» овоща не объясняет, почему при создании языкового знака было «отдано предпочтение» некоторым плодам из множества подобных. По-видимому, причину столь тщательного

отбора следует искать в каждом «заместителе» головы глупого человека.

Сравнение головы с кочаном капусты стало возможным потому, что он обладает таким качеством, как твердость, причем оно презентабельно именно для этого плода, поскольку твердость капустного кочана свидетельствует о степени его зрелости. Это свойство капусты (твердый, крепкий – о кочане) ассоциируется с неспособностью глупого человека воспринимать информацию из внешней среды, с неподатливостью интеллектуальному воздействию. Ср. номинации, которые содержат метафору головы, изготовленной из твердого материала: диал. *дервя́нная голова́* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [СПП, с. 28], *чугу́нная голова́* ‘глупый, бестолковый, упрямый человек’ [СРНГ, вып. 2, с. 78].

Кроме всего прочего, известные ассоциации вызывает зеленый цвет капусты, связываемый на уровне коннотации с незрелостью и далее с незавершенным развитием.

Тыква же оказалась избранной на роль заместителя глупой головы потому, что наивно-языковое сознание русского человека связывает с этим плодом признак ‘пустой’. К этому располагает знание внутреннего строения овоща: после удаления семенной сердцевины остается волокнистый слой, прилегающий к корке и образующий полость; кроме того, после высушивания тыква становится полой внутри. В свою очередь, глупость как отсутствие содержания, пустота предстает во многих номинациях интеллектуальной сферы. Полый внутри овощ – достойная замена глупой – лишенной мозгов или интеллектуального багажа, то есть пустой – головы.

Центральной же для данной метафоры является следующая линия: частный мотив «имеющий другой предмет на месте головы», сквозной мотив «имеющий неполноценный орган мышления» и мотивационная доминанта «неспособный к интеллектуальной деятельности».

Метафора замещения необходимого содержимого головы человека растительным мусором или мхом. В данном случае вновь попадает в кадр субъект интеллектуальной деятельности, вернее, главная его «часть» — голова, анатомически являющаясяместилищем мозга — органа, отвечающего за мыслительную деятельность человека. Неслучайно отдельные языковые факты рисуют метафорическую ситуацию наличия или отсутствия головы (значит, и органа мышления) у человека, оцениваемого с точки зрения умственного потенциала, ср. разг. *человек с головой* ‘умный’ [Ожегов, с. 135] и разг. *совсем без головы кто-н.* ‘совершенно глуп’ [Там же]. Нелестные высказывания о чьем-либо интеллекте содержат подозрения именно в отношении его головы: разг. *что-то с головой у кого* ‘не совсем нормален’ [Там же, с. 136], *проблемы с головой у кого* и *на голову слабенький* ‘о ненормальном’ [АТЛ], диал. *повлиять на го́лову* ‘помутить рассудок’ [СРНГ, вып. 27, с. 248].

Голове умственно здорового человека «предъявляется» требование наличествовать и требование иметь полноценное содержимое. Трудно сказать, что подразумевается под этим содержимым — орган мышления (мозг, мозги) или хранимая информация (интеллектуальный багаж). При интерпретации фразеологического материала, содержащего компонент *голова*, следует исходить не из научной картины мира, согласно которой голова естьместилищемозга, а скорее, из наивно-языковой картины мира, где голова —местилищума. Если мозг — это орган, и никакой двусмысленности не возникало бы, то ум — это понятие, которое в наивно-языковом сознании «живет» как синкретичное сплетение нескольких концептов. В нем совпали ум-орган, ум-инструмент, ум-механизм, ум-багаж, ум-пространство, ум-царь, и они часто бывают неразличимы. Более того, в наивно-языковом сознании обнаруживается представление о том, что думаем мы *головой*, а стало быть, сама голова, вмещающая в себя ум в любом его «концептуальном об-

лике», выступает как орган мышления. Если этот орган неполноценен, то он не в состоянии исправно функционировать.

Из этого следует, что для обсуждаемой метафоры можно реконструировать частный мотив «имеющий голову, набитую соломой, мхом, сорняками», реализующий сквозной мотив «имеющий неполноценный, ущербный орган мышления» и – далее – мотивационную доминанту «неспособный к интеллектуальной деятельности».

Согласно наиболее «привычной» для носителя русского языка метафоре, голова глупого человека заполнена отходами, остающимися после обмолота зерновых культур и льна: разг. *в голове солома* ‘о глупом человеке’ [АТЛ], диал. *мякíнная голова́* ‘глупый, дурной человек’ [ФСРГС, с. 45], *ча́мка в голове* ‘о дураке’ (волог.) [КСГРС] (диал. *ча́мка* ‘древесная гниль, труха’ (волог.) [Там же]), *голова́ пелóвая* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [ПОС, вып. 7, с. 53] (диал. *пелы́* ‘мякина, отходы при обработке зерна, льна’ [СПП, с. 28]), *голова́ пелáми набíтая* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [Там же], *в голове́ пелёва у кого́* ‘о глупом, бестолковом, несообразительном человеке’ [СРНГ, вып. 25, с. 322] (диал. *пелёва* ‘мякина’ и ‘овсяные отруби’ [Там же]). Упоминание о сорном растении из семейства злаковых – метлике [ССРЛЯ, т. 6, с. 922] – содержится в диал. *с метли́кой* и *с метли́чкой (кто)* ‘с придурью’ [СРНГ, вып. 18, с. 140]. В них актуализирована сема «имеющий добавку сверх содержания, примесь», являющаяся стержневой для конструкций «предлог *с* + существительное в творительном падеже», ср. диал. *с дурíной* ‘об умственно отсталом, глупом, придурковатом человеке’ [ПОС, вып. 10, с. 49], *с б́усорью* ‘глуповатый’ [ФСРГС, с. 18], *с простецо́й* ‘о глуповатом, придурковатом человеке’ [СРНГ, вып. 32, с. 241], *с придурцо́й* ‘с придурью, с причудой’ [Там же, вып. 31, с. 197], *с причели́нкой* ‘с придурью, с умственным недостатком’ [Там же, вып. 32, с. 58]. И сорняки, и «растительные отходы», заполняющие голову глупого человека, – это образы, которые, помимо смысла ‘другое содержа-

ние' (не то, которое должно быть в голове), несут еще и смысл 'негодное, плохое, несостоящее содержание'.

На базе мотивировочного элемента *мох* возникло диал. *моховáя головá* 'глупый человек' (арх.: *Моховая голова ничего не понимает, у тебя в голове-то мох*) [КСГРС]. Между тем, мох – это еще и символ глуши, захолустья. В данном случае основной смысл «не то содержание» сопровождается коннотацией «дикий, захолустный».

Метафора растительного мусора. В русской народной картине мира глупый человек отождествляется с растительным мусором, а именно мякиной и прочими отходами, остающимися после обмолота зерновых культур и льна. Эту метафору составляют только диалектные факты. Диал. *шума* имеет прямое значение 'мусор; мякина, отходы при молочении зерна' и переносное – 'тот, у кого недостаточно развиты умственные способности' [НОС, вып. 12, с. 109]. Диал. *кострѝк* 'о глупом человеке' [СРНГ, вып. 15, с. 80] становится понятным из сопоставления с диал. *кострѝга*, *кострѝга*, *кострѝка*, *кострѝца*, *кострѝчина*, *кострѝк* 'жесткая кора льна и конопли, остающаяся после их трепания и чесания; костра' [Там же]. Диал. *отрѝнный вѝбиток* в прямом значении – 'грубые остатки льна, отрепки', в переносном – 'невежда, неуч' [Там же, вып. 24, с. 294]).

«Мусорные образы» актуализируют сквозной мотив «негодный», входящий в мотивационную доминанту «никчемный, бесполезный (о человеке)».

К той же мотивационной доминанте восходит другой вариант «мусорной» метафоры – «глупый человек – человек с примесью растительного хлама». Диал. *дѝкая пáсма* 'глупый человек' [ФСРГС, с. 132], *пáсмо* и *дѝкое пáсмо* 'о глупом и неряшливом человеке' [СРНГ, вып. 25, с. 259] опирается на образ неочищенного льна, ср. диал. *дѝкая пáсма* 'нерасчесанный, скомканный лен' [Там же, вып. 8, с. 57]. Диал. *неопи-ханный* 'глупый, придурковатый' (волог.) [КСГРС] поясняется диалект-

ным контекстом: *Раньше-то у нас овёс да ячмень в ступе опихивали, чтоб чистый был; неопиханный – значит не хватает ума, тупой*. В диал. *неподсева́ный дурак* ‘об очень глупом человеке’ [СРНГ, вып. 21, с. 114] прилагательное имеет мотивацию «непросеянный». Образ «человека с примесью» возникает в диал. *костри́к (в ком) есть* ‘дурь, глупость’ [Там же, вып. 15, с. 80].

Частный мотив «не очищенный от примесей, захламленный» реализует сквозной мотив «частично плохой, негодный». Ср. количественную метафору: диал. *полови́на дурака́* ‘придурковатый человек’ [ФСРГС, с. 144], *полови́нный* ‘глупый’ [НОС, вып. 8, с. 89], *полуглу́пка* ‘глупый, придурковатый человек’ [СРГСУ, т. 4, с. 84], *Хоро́шой ба́тько: две до́ли безу́мные, а треть дурака́* ‘глуповатый человек’ [НОС, вып. 11, с. 60].

Метафора гороха. В попытке «препарировать» диал. *гороховый ум* ‘о слабом уме, плохой памяти’ [ПОС, вып. 7, с. 132] с целью экспликации мотива следует опираться на пространственный код, в котором картина «удерживания» мысли прописана особенно явно. В представлении носителя русского языка ум – это ограниченный участок индивидуального пространства человека (виртуальная «площадка»), а одна из функций субъекта интеллектуальной деятельности – удерживание в этом пространстве идеальных объектов (мыслей), которые обладают двигательной активностью и, имея в качестве среды обитания пространство вне человека, способны «самовольно» проникать в ум человека и покидать его (см. п. 3.4 разд. II). Субъект размышления стремится не упустить мысль: диал. *держáть в ума́х* ‘думать, предполагать’ [СРНГ, вып. 8, с. 23], *держáть в ра́зуме* ‘думать о чем-л.’ [Там же, вып. 34, с. 70] и др. Функция удерживания мысли может вменяться не только субъекту интеллектуальной деятельности, но и органу мышления, как в случае с выражением *гороховый ум*. Сквозной мотив «неспособный удерживать, хранить что-л.» реализует мотивационную доми-

нанту «неспособный выполнять функцию хранения идеальных объектов (знаний, мыслей) (о человеке или его органе мышления)».

Метафора отравления человека запахом, соком, плодами ядовитого растения или грибами. Момент наступления интеллектуальной неполноценности видится как результат отравления ядовитыми растениями или грибами. Так, по формуле «наелся/объелся + ядовитое растение, гриб = ‘потерял рассудок’» сконструированы фразеологизмы: *белены объестся* ‘обезуметь, одуреть’ [МАС, т. 1, с. 77], диал. *объётся бесилой (бесюки, бесила)* ‘обезуметь, объестся белены’ [СРНГ, вып. 22, с. 275], *дурману объёлся (кто)* [без указ. места] ‘ошалел’ [Даль, т. 1, с. 502], *как мухомором объёвшие* ‘одуревший’ [НОС, вып. 6, с. 120]. Кроме того, некое (неясно какое) ядовитое растение упоминается в диал. *ди́ким пе́рцем натерётся* ‘обезуметь, одуреть’ (арх.: *В лесу ягоды такие, их есть нельзя – дикий перец; кто придуряется шибко, говорят, диким перцем натёрся*) [КСГРС]. Обсуждаемая метафора просматривается и в диалектных словах с внутренней формой, апеллирующей к существительным *белена* и *дурман*: диал. *взбелениться* ‘одуреть’ [СРНГ, вып. 4, с. 239], *одурманиться* ‘одуреть’ [Там же, вып. 23, с. 69], *одурманить* ‘лишить памяти и сознания’ [Там же, с. 68]. Ср. также широко распространенные в русских говорах существительные *дурман* ‘дурак’ и *дурма́н* ‘название некоторых (обычно ядовитых или сорных) растений’ [Там же, вып. 8, с. 267], между которыми носитель языка может проводить ассоциативную связь. Для данной метафоры восстанавливается цепочка мотивов «отравившийся ядовитым растением, грибом» – «претерпевший воздействие чего-либо» – «временно пребывающий в особом состоянии по какой-либо причине (о человеке)».

Метафора огородной зелени. Истоки ассоциирования зеленого цвета вообще и зеленого цвета растительности в частности с молодостью, неопытностью и бестолковостью лежат в образе незрелых плодов. Жарг. угол. *укроп* ‘глупый, наивный человек’ [БСЖ, с. 611] возникло

потому, что укроп в наивной картине мира современного человека – «образцовая» *зелень*. Этот образ уникален тем, что в нем прослеживаются только два мотива: частный мотив «зеленый» включается в мотивационную доминанту «неразвитый», поскольку мотив «незрелый» решительно неприложим к образу укропа и присутствует здесь только на уровне ассоциации, возникающей единственно потому, что лексема *зелёный* имеет устойчивую коннотацию «молодой, неопытный». Обратим внимание, что динамика, первоначально присущая метафорической ситуации вызревания растений, вовсе исчезла на этапе привлечения лексемы *укроп* к обозначению глупца.

Метафора экзотического растения. В ходе описания «деревянной» метафоры уже упоминалось слово *баобаб* ‘тупица’, которое возникло под влиянием экзотичности соответствующей растительной реалии для жителя России. Частный мотив «экзотический (о дереве)» включается в сквозной мотив «необычный, непривычный» и далее в мотивационную доминанту «исключительный, уникальный».

Эта мотивационная доминанта реализуется также в сквозном мотиве «редкий», который претворился в образе цветка: угол. *эдельвейс* ‘психически ненормальный человек’ [БСЖ, с. 709]. Толчком к возникновению в жаргонной языковой среде переносного значения у существительного *эдельвейс* послужила коннотация «труднодоступный» (выступившая в роли частного мотива), поскольку, в представлении носителя русского языка, этот горный цветок, растущий на крутых склонах, способны добыть лишь смельчаки. Кроме того, накладывает свой отпечаток непривычный для слуха звуковой рисунок.

Метафора растения с широкими листьями. Название репейника, как известно, служит в просторечии обозначением глупца – *лопух* ‘о глупом человеке, простаке’ [Ожегов, с. 333]. В архангельских говорах обнаруживается аналогичная ситуация: слово *лопу́га* имеет значения ‘лопух’, ‘капустный лист’, ‘озёрная трава’ и ‘глупый, несообразитель-

ный человек' [КСГРС]. Отождествление глупого человека с растением, имеющим большие широкие листья, основывается на сходстве таких листьев с оттопыренными ушами человека, ср. жарг. *лопухи* 'уши' [СМА, с. 230]. Вообще большие обвислые уши – элемент «типичной внешности», приписываемой в русской картине мира простаку, глупцу (ср. диал. *вислоухий* 'недогадливый' [СРНГ, вып. 4, с. 296], *лопоух* 'олух' и *лопоухий* 'недогадливый' [Там же, вып. 17, с. 143]). Выявляемые мотивы: «имеющий большие широкие листья (о растении)» – «имеющий большие уши (о человеке)» – «имеющий типичную внешность дурака».

Метафора кедра. Уникален для русской языковой картины мира случай отождествления в высшей степени умного человека с деревом: жарг. *кедр* 'мудрый человек' [БСЖ, с. 250]. Обозначение положительной во всех отношениях растительной реалии несет исключительно положительные коннотации и потому подходит на роль своего рода эталона мудрости. Мостиком между образами мудрого дерева и мудрого человека являются сквозные мотивы «обретший мудрость благодаря долголетию» и «хороший, положительный во всех отношениях», сливающиеся в мотивационную доминанту «совершенный».

Итак, перечислим **образы растений**, используемые носителем русского языка для метафорического воплощения представлений о работе и уровне интеллекта человека. Умственная неполноценность связывается в наивно-языковом сознании с образами леса, дерева, мха, ядовитых растений и грибов, сорняков, лопуха, крупных овощей, гороха и «растительных» отходов, остающихся после обработки зерновых культур. В картине мира носителя уголовного жаргона глупый человек ассоциируется также с укропом и эдельвейсом. Интеллектуальное здоровье связывается в народной картине мира с образом дерева, древесина которого является качественным строительным материалом, а в молодежном жаргоне – с образом кедра. Процесс мышления или интеллекту-

альный рост человека, «подстегиваемые» интеллектуальным воздействием извне, видятся как цикл роста и развития растения от возделывания земли до сбора плодов, что особенно характерно для русского литературного языка. Даже при столь поверхностном взгляде на растительные образы заметны разночтения в картине мира носителей разных форм русского национального языка.

Какие свойства растительных реалий отмечены в наивно-языковой картине мира русского человека как пригодные для ассоциирования, например, с интеллектуальной неполноценностью человека? Частные мотивы, минимально дистанцированные от образов, показывают, с какой стороны русский человек смотрит на растительные объекты, какие их признаки «заметны» для него. Это негативные последствия употребления в пищу некоторых растений и плодов, бесполезность заглушающих культурные посевы сорняков и отходов, остающихся после обработки льна, злаков, возможность использовать мох в качестве набивного материала, сходство крупных овощей с головой человека, крепость древесины, непригодность некачественного древесного материала к обработке, неподвижность и кажущаяся безучастность деревьев, удаленность лесов от культурных центров, опасность заплутать в лесных зарослях, обрастание мхом объектов дикой природы (камней, деревьев, пней), непригодность в пищу незрелых плодов и хлебов, зеленый цвет растительности, сходство широких листьев лопуха с ушами человека, «пустота» тыквы и ствола бамбука, экзотичность некоторых растений. С умственным благополучием же номинатор считает возможным связать высокое качество древесины некоторых пород деревьев, долголетие и комплекс положительных качеств кедра и зрелость плодов. Кроме того, не смогли остаться незамеченными этапы развития растений и сама возможность влиять на их рост. Как можно заметить, растительная реальность для носителя языка — не «вещь в себе», а «вещь для человека». Он «видит» растения, которые прочно вошли в его жизнь: те, что растут на

огороде, или те, что опасны, или те, что дают человеку полезные в хозяйстве материалы либо пригодны для употребления в пищу и т. п.

Обратим внимание: некоторые метафоры присущи лишь одной форме существования русского языка, поскольку отдельные свойства растительных реалий «видны» и важны только носителю одного субъязыка. В диалектной картине мира это относится к образу дерева, оцениваемого с точки зрения качества его древесины, а также к образу растительного мусора, являющемуся эталоном никчемности, поскольку отходы отделяются от полезного и ценного.

Иногда сами реалии, упоминаемые в метафорических обозначениях глупца, функционирующих в одном субъязыке, незнакомы носителю другого субъязыка; к примеру, образы эдельвейса и баобаба отсутствуют в диалектной картине мира (где, по-видимому, представление о «неместных» растительных реалиях не является сколько-нибудь значимым и, возможно, отсутствует).

Этот код, как можно предположить, универсален для разных языков и для разных форм существования русского языка: растительные образы в равной мере используются для ассоциирования с объектами интеллектуальной сферы носителями разговорного языка, городского просторечия, молодежного и уголовного жаргона, русских народных говоров.

3.2. ЗООЛОГИЧЕСКИЙ КОД¹⁶

Зоонимы часто приобретают переносные значения, становясь наименованиями человека по интеллекту, а также активно используются в составе фразеологических выражений с отрицательно-интеллектуальной семантикой. Кроме того, фрагменты представлений о привычках и типичных действиях животных пригодны для ассоциирования с мыслительными операциями.

«Птичья» метафора. Часть когнитивной информации об интеллекте человека передается через посредство стереотипных представлений человека о птицах. В лексико-семантической зоне «Ум» представлена метафора мудрой, знающей птицы. Диал. [как] *вороньи (сорочьи) яйца (ягоды) есть* ‘о человеке, способном предугадывать что-л.; проницательном, дальновидном’ [ФСРГС, с. 68] базируется на традиционных представлениях о мудрости ворона и всезнайстве сороки, ср. укр. *розумний як ворон* ‘об умном’ [Ивченко, 1999, с. 30] и *сорока на хвосте принесла* ‘о неизвестно откуда полученных сведениях’ [Ожегов, с. 749]. Поедание вороньих яиц (о яйце как начале всего, средоточии жизненной силы см. [СМ, с. 397]) – магическое действие, приобщающее человека к мудрости, знанию, которые накоплены долго живущей или много летающей и потому всезнающей птицей.

Неоднозначен образ индюка, или индейского петуха¹⁷. С одной стороны, он кажется носителю языка «думающей птицей»: разг. *думает*

¹⁶ В тексте данного параграфа в значительно переработанном виде представлены фрагменты статьи, написанной в соавторстве с Ю. А. Кривошаповой: *Кривошапова Ю. А. Образы птиц и насекомых в русских обозначениях интеллекта человека [Текст] / Ю. А. Кривошапова, Т. В. Леонтьева // Кодови словенских култура. Птице. Београд, 2003. С. 7–16.*

¹⁷ Если принять мнение В. Айрапетяна, толкующего название *индейский петух* с опорой на «вероятное фольклорное произведение имени *Индия*, *индейский* от *ин-де* ‘в некотором другом месте’» [Айрапетян, 2000, с. 102], то можно прийти к актуализированной в лексико-семантическом поле «Интеллект человека» оппозиции «свой – чужой».

[только] *индейский (индийский) петух да генералы* ‘говорится в ответ на оправдание «я думал»’ [СРФ, с. 443]. Приведем анекдот о крестьянине, продававшем в Дрездене индюка: «Он запросил за индюка вдвое дороже, чем за попугая, которого только что продали. Когда ему объяснили, что попугай стоит дорого, так как умеет говорить, крестьянин возразил, что индюк не говорит, но зато больше думает» [Там же]. Акцент на противопоставлении говорящей птицы и молчащей в очередной раз обнаруживает представление о взаимоисключающем характере внутренней скрытой деятельности человека и внешней видимой: молчание (отсутствие внешнего проявления) преподносится как признак совершения умственной работы (наличие скрытой активности). Ср.: *молчи, за умного сойдешь*. За напыщенностью индюка чудится задумчивость, однако «умное молчание» оборачивается для него расправой, и это «компрометирует» его ум, доказывая бесполезность долгого раздумья: *индюк думал, да в суп попал* [АТЛ]. И тут-то оказывается, что индюк глуп: *надулся как индюк* ‘о том, кто имеет гордый и глупый вид’ [Ожегов, с. 247], диал. *индычка* ‘о бестолковой женщине’ (от *индычка* ‘индейка’) [СРНГ, вып. 12, с. 199], жарг. *индюк* ‘о тупом человеке’ [АТЛ].

Не меньшей двойственностью отличается лексема *гусь*, поскольку встречается в составе выражений, номинирующих как умственное здоровье, так и интеллектуальную неполноценность человека. Диал. *быть в гусях* ‘ничего не понимать’ [ПОС, вып. 8, с. 98] имеет темную мотивацию. Диал. *лапчатый гусь* ‘о нерасторопном, несообразительном человеке’ [СРНГ, вып. 16, с. 270] опирается на проводимую в наивно-языковом сознании связь между неуклюжестью и несообразительностью. Жарг. *с гусями* ‘о человеке со странностями’ [БСЖ, с. 145] можно поставить в длинный ряд наименований глупого человека, которые представляют собой конструкцию «предлог *с* + существительное в творительном падеже» и обозначают некий чуждый в голове глупца (т. е.

мешающий его умственной деятельности) элемент. Противоположно в формально-семантическом отношении жарг. *гуси летят / улетели у кого* ‘о странном (на грани помешательства) поведении человека’ [БСЖ, с. 145]: получается, что обе формулы – «с гусями» и «без гусей» – пригодны в качестве обозначений глупого человека. Предположим, выражение *гуси улетели* сформировалось в результате экспрессивного уточнения семы ‘исчезать, пропадать’ (ср. *улететь* ‘летя, удалиться’ и перен. ‘исчезнуть’ [Ожегов, с. 831]) посредством возврата к прямому значению глагола. Таким способом реализована смысловая доминанта «отсутствие мыслей, ума», и в этом случае рассматриваемое выражение соотносится с жарг. *гусей гонять / пасти* ‘погрузиться в себя, свои мысли; глубоко задуматься’ [Базарго, с. 33], *гусей гонять* ‘разговаривать с самим собой, проговаривать свои мысли вслух’ [БСЖ, с. 530]. Используемый в них глагол активно используется для выражения интеллектуальной семантики: *гонять думу* ‘часто, постоянно, долго думать, размышлять о чем-либо’ [СПП, с. 37], *гонять* ‘погрузиться в себя, свои мысли; глубоко задуматься’ [Базарго, с. 33], *своё гонять* и *за своё гонять* ‘разговаривать с самим собой, проговаривать свои мысли вслух’ [БСЖ, с. 530]. Ассоциирование мыслей с гусями в выражении *гусей гонять* можно объяснить представлениями о беспорядочном движении мыслей, похожем на передвижения пасущихся гусей. Образ этой птицы «работает» в обеих лексико-семантических зонах поля «Интеллект человека»: пасущийся и улетающий гусь ассоциируется с мыслью; переваливающийся с ноги на ногу и «досаждающий» человеку тем, что находится в голове, – с глупостью. Впрочем, в последнем случае можно составить равенство «гусь = странная мысль», а странная мысль как раз делает человека странным, т. е. глупым.

Гуси, курицы, петухи, утки – птицы, поведение которых оценивается как бестолковое из-за гвалта, криков, создающих суматоху, отчего названия этих птиц приобретают переносные значения и становятся, в

частности, обозначениями глупого человека: «Первичная мотивация глупости этих птиц, на наш взгляд, связана с их поведением, постоянным гоготом гусей и квохтаньем куриц» [Ивченко, 1999, с. 20]. Не менее важен, думается, тот аспект, что эту группу составляет именно домашняя птица, традиционно выращиваемая для забивания и употребления в пищу (вспомним о попавшем в суп индюке).

Безмозглой птицей предстает в языковой картине мира курица: *куриные мозги* ‘об ограниченном уме’ [МАС, т. 2, с. 152], диал. *клуша* ‘глуповатая женщина’ [СРНГ, вып. 13, с. 314], жарг. *курица* и *клушка* ‘глупая девушка, женщина’ [БСЖ, с. 302], *ума как у курицы* ‘о глупом человеке’ [АТЛ].

Стереотипный образ петуха, по-видимому, существенно отличается от представлений о курице. Новые мотивировочные признаки – «сердитый, задиристый» и «нарядный» – выявляются в диал. *царь куриный* ‘сердитый и бестолковый человек’ [СРНГ, вып. 16, с. 127] и *распетушье* ‘о человеке неумном, любящем наряжаться’ (волог.) [КСГРС], ср. *петушиться* ‘вести себя задиристо и запальчиво, горячиться’ [Ожегов, с. 515]. Симптомом интеллектуальной неполноценности оказывается в данном случае желание быть или казаться главным, причем над «безмозглыми» курицами: диал. *петун* ‘недалекий человек’ (арх.) [КСГРС], *кугút* ‘о неразвитом мужчине’ [СРНГ, вып. 15, с. 395] (от *кугут* ‘петух’ [Там же]), *кугутка* (женск. к *кугут*) [Там же], жарг. *кугут* ‘глупый, несообразительный, наивный человек’ [БСЖ, с. 299].

Псковское выражение *в голоvé петунý пою́т* ‘о слабоумном, глуповатом человеке’ [СПП, с. 28] и жарг. *с гусями (кто)* ‘со странностями’ совпадают по структуре и семантике с укр. *гуси в голові у кого* ‘о глупом человеке’ [Ивченко, 1999, с. 26] и с нем. *er hat einen Vogel* ‘у него не все дома’ [БНРС, с. 923], буквально «у него есть птица». А. О. Ивченко считает, что украинские фразеологизмы являются кальками с немецкого фразеологизма, и предлагает мотивировку «голова, наполненная звука-

ми (гоготаньем гусей или чириканьем воробьев)» [Ивченко, 1999, с. 26]. Сходство с метафорой проникших в голову насекомых наводит на мысль о сходстве мотивационной основы данных моделей.

Еще одна домашняя птица – утка – в представлении русского человека не отличается умом, на что указывает ироничное сравнение *умный / вумный как утка / вутка* ‘о глупом человеке’ [ЖР, с. 162]. Жарг. *крякнуть* и *кря-кря* ‘сойти с ума’, с одной стороны, имеют звукоподражательный характер, чем обеспечивается «звучание» зоологической метафоры, активной в рамках лексико-семантической зоны «Глупость». С другой стороны, они вторичны по отношению к жарг. *крякнуть* ‘сломаться (о технике)’, ‘заболеть’, ‘умереть’ [АТЛ].

Также первоначально звукоподражательное диал. *гагáра* ‘зубоскал, глупый хохотун’ [СРНГ, вып. 6, с. 87] в мотивационном отношении несколько отличается от предыдущих слов. Его переносные значения совмещают семы «глупец», «лентяй», «хохотун». Смех, хохот, как уже говорилось, являются симптомом слабоумия.

В основе диал. *га́га* ‘глуповатая женщина большого роста’, ‘глупый и самодовольный зубоскал или лентяй’ [Там же, с. 86] лежит мотив диспропорционального развития тела и ума, т. е. мотив «привычного» совмещения сем «большой» и «глупый».

В ряду названий птиц, мотивирующих обозначения глупого человека, находится слово *ворона*: диал. *каргá* ‘несообразительный, неумелый человек’ (от *карга* ‘ворона’) [СРНГ, вып. 13, с. 82], жарг. *ворона* ‘разиня, глупый человек’ [АТЛ], угол. *га́ва* ‘рассеянный, несообразительный человек’ [БСЖ, с. 119]. Этой птице традиционно приписывается глупость, возможно, потому вороний грай создает впечатление суматохи, получающей негативную оценку (ср. жарг. *ворона* ‘шумная, горластая женщина’ [СМА, с. 71]). Ассоциирование глупца с вороной (*ворона* ‘зевака, ротозей’ [Ожегов, с. 97]) обусловлено стереотипными представлениями об этой птице как персонаже известной басни.

Сравнение глупого поведения человека с суетливым беганьем птицы (кулика? вальдшнепа? кроншнепа?) стало причиной появления диал. *кулік* ‘о глупом, недогадливом человеке’ [СРНГ, вып. 16, с. 65]. В языковой картине мира актуализирована также связь существительного *кулик* с лексико-семантическим полем «Обман»: диал. *кулика дати* ‘обмануться’ [Там же, с. 66].

На материале нескольких обозначений глупого человека реконструируется мотив нечувствительности, воплощенный в образе глухаря или тетерева. Потеря слуха, свойственная им в период токования, мотивирует наименования плохо слышащего человека: *глухарь* ‘глухой человек’ [Ожегов, с. 133], *глухая тетеря* ‘о том, кто глух, не слышит’ [Там же, с. 796]. Нарушение функционирования органов восприятия осознается как знак и причина интеллектуальных аномалий (ср. физиолого-соматический код: дурак не видит, не слышит): диал. *глухárь* ‘человек недалекий, тупой, глупый, малознающий’ [Лукьянова, 1986, с. 120], *глухáя тетéря* и *тетéря* ‘тупой, глупый, бестолковый человек’ [Даль, т. 4, с. 403], *притетéриться* ‘прикинуться олухом’ [Там же, т. 3, с. 452], *каляи* ‘бестолковый, неумелый человек’ (от *каляи* ‘тетерев-глухарь’) [СРГСУ, т. 2, с. 13]. Лексема *тетерев* имеет также коннотацию ‘медлительный’, часто сопровождающую отрицательно-интеллектуальные значения: *тетеря* ‘нескладный, медлительный и непонятливый человек’ [Ожегов, с. 796].

Почва для появления переносного значения у жарг. *дятел* ‘дурак’ [БСЖ, с. 176] была подготовлена наличием среди обозначений глупого человека дериватов с корнем -долб-: *дóлбень* ‘тупой, непонятливый человек’ [СРНГ, вып. 8, с. 104], *долбéжка* ‘о тупом, неспособном человеке’ [Там же, с. 103], *долбн́я* ‘о тупом, непонятливом человеке’ [Там же, с. 104] и др. Характер движений – продолжительность, однообразие, повторяемость – важен для ассоциирования с бессмысленностью, безуспешностью интеллектуальных усилий.

Существительные *баклан* ‘глупый человек’ [БСЖ, с. 45] и *бакланка* ‘глупая женщина’ [Там же], первое из которых позаимствовано из диалекта, где оно имеет значение ‘чурбан’, в настоящее время приобретают в сознании носителя молодежного сленга ассоциативные связи с омонимичным обозначением водоплавающей птицы. Это результат стремления сделать понятным то, что утратило ясность.

Метафора роящихся насекомых. Представление о мысли как подвижной субстанции, свободно передвигающейся в некоем информационном поле – «в воздухе» – и проникающей в личное пространство человека, вызывает у носителя русского языка ассоциацию с роением насекомых. Анализируя сочетаемость существительного *мысль* (*мысль витает в воздухе / пронеслась, роятся мысли, назойливые мысли*), М. К. Голованивская реконструирует образ насекомого, опираясь на философские и мифологические концепции: «Насекомые символизировали душу, нематериальную сущность человека. <...> К тому же насекомые и птицы являются обитателями воздушной стихии, стихии движения и самой высокой энергии, сопрягаемой в сознании людей с образом летящей мысли, которая озаряет и пронзает, как молния – символ силы и энергии, обрушивающейся на человека с небес» [Голованивская, 1997, с. 173].

Метафора проникновения насекомых в тело человека. Древние верования реконструируются на материале таких идиом, как *мухи в голове* ‘о странном, глупом, легкомысленном человеке’ [СРФ, с. 391], *с мухами в носу* ‘о человеке со странностями, причудами’ [Там же], *калган с букашками у кого* ‘о глупом, тупом человеке’ [СПП, с. 43], *во рту мухи блудят* ‘о глупом человеке’ [СРНГ, вып. 35, с. 203]. В одном случае вместо насекомых упоминаются черви: *метлухи в голове* ‘о глупом или безрассудном человеке’ (ср. диал. *метлухи* ‘червяки, якобы заводящиеся в мозг овец’ / *Закрут взял овечку – метлухи в голове* / [Там же, вып. 18, с. 140]). Эта модель имеет соответствия в славянских язы-

ках: укр. *в голові жужалка в кого* ‘о глупом человеке’ [Ивченко, 1999, с. 12], *мухі в голові, жуки в голові, жуки гудуть у голові, дружити з мухами* [Там же, с. 25]. Группа языковых фактов содержит указание на первоначальное *бзик*, называющее в украинском, польском и русском языке овода, укусы которого вызывает сумасшествие у людей и у животных: диал. *бзык* ‘странность, причуда’ [СРНГ, вып. 2, с. 288], *бзик нашел (напал) на кого* ‘кто-л. ведет себя странно, сумасбродно’ [СРФ, с. 46], *у яго в голове здоровый бзик сидит* [Там же, с. 47], жарг. *бзик* ‘странность в характере; навязчивая идея, каприз’ [БСЖ, с. 60], *с бзиком кто* ‘о странном, чудаковатом человеке’ [Там же]. Ср. также укр. *бзі́ки (бзык) в голове, бзык зайшов в голову* [Ивченко, 1999, с. 25], польск. *ta srogiego bzika* (букв. «у него свирепый бзик») [СРФ, с. 47].

Этот ряд фразеологизмов создает странный для нашего современника образ: насекомое проникает в голову человека, по-видимому, через один из «каналов» – через нос или рот, о чем свидетельствует контекст *Рот всё время открытый, один себе, во рту мухи блудят, говорят* [СРНГ, вып. 35, с. 203]. В сравнении с «бытовой» версией, состоящей в том, что причиной ослабления способности человека полноценно мыслить является гуденье, жужжание [Ивченко, 1999, с. 26], более убедительной выглядит версия мифологическая: «По индоевропейской мифологии, в мух, слепней, жуков и других насекомых мог оборачиваться дьявол, который, проникая в рот, нос или ухо, делал человека бесноватым, придурковатым, странным» [СРФ, с. 391]. Ср. заметки о «насекомых-демонимах» у В. И. Ковалю [Коваль, 1998, с. 24].

Со временем эти наименования дурака претерпели демифологизацию, своего рода «обытовление». «Локализация» насекомых во рту и в носу перестала быть актуальной; сохранился только популярный структурный элемент «в голове». Выражения были переосмыслены в соответствии с другими продуктивными моделями. Упоминание насекомых в качестве мотивировочного элемента обозначений глупого че-

ловека было «оправдано» при помощи метафоры негодного содержания: на месте прежних оводов и мух появляются «домашние» насекомые-паразиты (вши, тараканы и клопы), что создает дополнительные пейоративные коннотации: *сундук с клопами* ‘глупый, недалекий человек’ и ‘простоватый сельский житель’ [БСЖ, с. 574], *с тараканами (с тараканом) в голове (в извилинах, в котелке)* ‘об умственно отсталом человеке’ и ‘о человеке со странностями’ [Там же, с. 581], *тараканы завелись у кого* ‘о человеке со странностями, ведущем себя подобно сумасшедшему’ [Там же]; ср. укр. *воши в голові* [Ивченко, 1999, с. 26]. Для создания новых лексических единиц пригодился и мотив повреждения: жарг. *молью потрепанный* ‘о глупом человеке’ [АТЛ].

Метафора «мерзкой живности». В ряде слов бестолковый человек предстает как мерзость, дрянь, а именно как всякая нечисть вроде гадов, гнуса. В вологодских говорах переносное значение приобрели собирательные существительные: диал. *не́карь* ‘глупый, несообразительный человек’ (от *некарь* ‘мелкие грызуны, насекомые, всякий гнус’) [КСГРС]; *гну́са* ‘слабоумный человек’ (от *гнус* и *гнуса* ‘мыши, грызуны, слепни, тараканы, мошки и др.’) [Там же]. Подобная ситуация наблюдается и в диал. *гавéдь* ‘неуч; бестолковый человек; разиня’ [СРНГ, вып. 6, с. 83]; ср. весь спектр значений этого существительного: ‘гады: лягушки, ящерицы’, ‘сорные травы’, ‘что-л. мерзкое, гадкое; гадость, дрянь’, ‘гадость, пакость’ [Там же]. Любопытна формальная сторона этого языкового явления. Собирательность как категория, помогающая осознанию большого количества чего-либо как единства, способствует здесь кристаллизации семы «плохой, негодный, нечистый». В жаргоне мотив «гадкий» обнаруживается в существительном *таракан* ‘глупый, несообразительный человек’ [БСЖ, с. 581].

Метафора домашних животных. Негативные характеристики человека по интеллекту традиционно формируются на основе зоонимов. Носитель языка особенно часто обращается к образам домашних жи-

вотных, которые отличаются упрямством или чрезмерной подвижностью. В основе переноса лежат наблюдения за особенностями поведения этих животных. Считается, например, что баран «якобы не узнает своего двора, если поставлены новые ворота, из-за чего он долго смотрит на них, не решаясь войти» [СРФ, с. 42]: *смотреть как баран на новые ворота / на новое гумно* ‘недоуменно, тупо, не понимая, ничего не соображая; растерянно глуповато (установился, смотрит)’ [ФСРЯ, с. 44]. Лексемы *баран* и *овца* могут использоваться в составе сравнительного оборота или в качестве самостоятельного обозначения глупого человека: *глуп как баран* ‘очень глуп’ [СРФ, с. 42], диал. *(как) овца́ угáрная (кто)* ‘о бестолковом человеке’ [НОС, вып. 6, с. 123], жарг. *баран* ‘недалекий, тупой человек’ [СМА, с. 33].

Многие жаргонные обозначения глупца, апеллирующие к зоонимам, являются грубыми ругательствами, в которых первоначальный образ животного (упрямого или беспокойного) семантически обесценивается. Таковы жарг. *коза* ‘дура’ [Югановы, с. 87], *козлизм* ‘глупость, глупое поведение’ [СМА, с. 201], *не будь валдайской козой* ‘не будь дураком’ [Там же, с. 200], *окозлить* ‘поглупеть’ [Там же, с. 294]. В лексикосемантическое поле брани переместилось простореч. *козёл* ‘дурак’, имеющее в словарях пометы «вульгарное», «бранное», «оскорбительное». Жарг. *кобель* ‘глупец, дурак’ [БСЖ, с. 264] – единственное свидетельство осмысления носителем русского языка собаки как глупого существа, ср. укр. *дурний як собака* [Ивченко, 1999, с. 17]. Оскорблениями являются также жарг. *бык* ‘слабоумный человек; простак’ [БСЖ, с. 85], *бычка* ‘глупая полная девушка’ [Там же], *бычина* и *бычье* ‘недалекий человек’ [Базарго, с. 44], *дойная корова* ‘простак; недалекий человек; неопытный человек’ [Там же]. Вообще же образ быка обнаруживает трехчастную семантическую полифонию – ‘большой’, ‘агрессивный’, ‘глупый’. Ср. жарг. *бык* ‘большой, сильный человек’ [СМА, с. 56], *быковать* ‘нападать; быть агрессивным по отношению к кому-л.’ [Там же],

бык ‘агрессивный, злобный человек’ [БСЖ, с. 85]. В то же время носитель диалекта, возможно, наряду с агрессивностью, замечает в образе быка также упрямство, поскольку это животное при возвращении с пастбища трудно загнать домой: диал. *быковáтый* ‘тупой, неотесанный (о человеке)’ [СРНГ, вып. 3, с. 343].

Жарг. *корова* ‘крупная, неловкая, глупая женщина’ [СМА, с. 208] основано на представлениях о неповоротливости, неуклюжести движений, медлительности коровы, что находит подтверждение в выражении *этакая корова* ‘о толстой, неуклюжей женщине’ [Ожегов, с. 297]. Диал. *не мычѝт не тѝлится* ‘бестолковый человек’ [ФСРГС, с. 115] возникло, вероятно, в результате переосмысления этого же сочетания в значении ‘не говорит или не решает ничего определенного *кто*’ [Ожегов, с. 372] через посредство мотивов «ничего не мочь / не уметь делать» и «аморфный, неопределенный», ср. жарг. *ни бэ ни мэ ни кукареку* ‘о человеке, не понимающем самого простого, ни в чем абсолютно не смыслящем’ и ‘о безграмотном человеке’ [СРФ, с. 64].

Стереотипны представления русского человека об ослиной глупости. Существительное *осёл* ‘о глупом, тупом, упрямом человеке’ [МАС, т. 2, с. 644] имеет множество дериватов: диал. *ослю́га* ‘глупец, осел’ [СРНГ, вып. 24, с. 27], *ослячо́к* ‘глупый человек, дурачок, осел’ [Там же], *ослі́на* ‘о глупом, бестолковом человеке; осёл’ [Там же, с. 23], *ослё* ‘глупые люди, глупцы, ослы’ [Там же, с. 21], *заослё́лый* ‘загрубелый, поглупевший’ [Там же, вып. 10, с. 293], *ешак* ‘о глупом человеке’ [Там же, вып. 9, с. 48], жарг. *ослан* ‘глупый, тупой человек’ [СМА, с. 298], *ослить* ‘делать глупости, глупо шутить’ [Там же], *ишак* ‘глупый, упрямый человек’ [СМА, с. 180, МАС, т. 1, с. 696]. Выражение *валаамова ослица* ‘глупая, упрямая женщина’ [СРФ, с. 424], хоть и содержит отсылку к библейскому мифу, все же, по-видимому, не избежало влияния традиционного символического отождествления глупца с ослом как образцом глупости и упрямства. А возникший на основе предания о нака-

зании Мидаса Аполлоном фразеологизм *мидáсовы уши [иметь]* ‘о глупом, болтливом человеке’ [СРФ, с. 590] актуализирует семы ‘заметный, отличный от прочих’, поскольку ослиные уши, являясь знаком «ослиной породы», выдают глупость.

В зоологическом коде представлены также конструкции типа «разбираться + как животное + в том, что ему незнакомо», в основе которых лежит оксюморон: *вязать как свинья в кибернетике* ‘не разбираться в чем’ [БСЖ, с. 529], *как свинья в апельсинах* и *как баран на библии* ‘о мало знающем, не разбирающемся в чем-л. человеке’ [Ивашко, 1981, с. 33].

Ассоциирование интеллектуально неполноценного человека с молодым животным (детенышем) представлено в таких лексемах, как *телёнок* ‘глуповатый человек’ [МАС, т. 4, с. 348], *ребенок что теленок* ‘о глупом, неопытном ребенке’ [СРФ, с. 489], диал. *потёля* ‘бестолковый человек’ [СРГСУ/Д, с. 450], жарг. *телятина* и *телятник* ‘тупица’ [СМА, с. 467]. Ср. укр. *дурне як теля, глупый як теля необлизане, дурний як теля цицьковане / молоде*, а также *дурний як ягня* [Ивченко, 1999, с. 18].

Диал. *недоку́нок* ‘глупый человек’ [СРНГ, вып. 21, с. 22], *недоку́нча* ‘умственно отсталый, недоразвитый человек’ [Там же], *не́докунь* ‘глупый человек’ [Там же], *недоку́ныш* ‘недоразвитый человек’ (волог.) [КСГРС] связаны с *не́докунь* ‘молодая куница или другой пушной зверь с ещё неполноценной шерстью’, ‘недоросль, глуповатый юноша-недоучка’ [СРНГ, вып. 21, с. 22]. Семы ‘молодой’ и ‘неполноценный’ и явились основанием для семантического переноса.

Представление о том, что интеллектуальная неполноценность может быть следствием старости, обеспечивает использование в речи существительного *одёр* ‘о глупом, ленивом, дрянном человеке’ (от простореч. *одёр* ‘старая, изнуренная работой лошадь; кляча’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 663]), сравнительного оборота *глуп как сивый мерин* ‘об очень глупом

человеке' [МАС, т. 2, с. 253] (сивый → седой → старый), идиомы *бред сивой кобылы* 'о глупых высказываниях' [СРФ, с. 59]. Таким образом, в русском языковом сознании особо отмечены коннотацией «глупый» образы старой изможденной лошади, молодого теленка и молодого пушного зверька.

Образ лошади/коня присутствует и в жаргоне, но там в нем важно совмещение сем 'большое сильное тело' и 'маленький слабый ум': *дура-лошадь* 'большой, но глупый человек' [СМА, с. 123], *конь* 'человек атлетического сложения, пренебрегающий развитием интеллекта' [Югановы, с. 89].

Для описания малого ума служит диал. *кошащий ум* 'детский ум' (*Коля, в тебе ум-то кошачий*) [СРНГ, вып. 15, с. 140], ср. укр. *дурний як кіт* [Ивченко, 1999, с. 17].

К образу кошки апеллирует жарг. *ловить мышей* 'быть расторопным, сообразительным' [БСЖ, с. 365], на основе которого реконструируется мотив «выполнять свои функции». Вообще операциональная метафора – один из самых активных способов языковой кодификации информации о мыслительном акте. Выражение *хватать (схватывать) на лету* 'быстро понимать, усваивать что-л.' [СРФ, с. 336] имплицативно содержит отсылку к образу собаки, хватающей брошенную ей кость или какой-то другой предмет. Мотив хватания активен в языковых репрезентациях мыслительного акта: *понять, уловить смысл, схватывать суть*, диал. *подхва́тчивый* 'догадливый, наблюдательный' [СРНГ, вып. 28, с. 236] и др.

Метафора диких животных. Для образной характеристики умного человека употребляются наименования змеи и тигра: *мудры[е] как змии и кротки[е] как голуби* 'о мудрых, проницательных и беззлобно-кротких людях' [СРФ, с. 214], жарг. *тигрица* 'умная, хитрая женщина, ведущая себя независимо' [СМА, с. 469]. В них, по-видимому, важна коннотация «опасный», что соответствует представлениям об опасности

знания, ср.: диал. *злой* ‘умный, хитрый’, ‘хорошо что-л. знающий, сведущий в чем-л.’, ‘умный, смысленый (о ребенке)’ [СРНГ, вып. 11, с. 290], *злой-догадливый* ‘умный, хитрый’ [Там же]. Любопытна, например, двухчастная структура выражения *мудры[e] как змии и кротки[e] как голуби*: носитель языка видит необходимость наряду с мудростью отметить кротость, поскольку это последнее качество не свойственно мудрой змее.

Дикие животные могут символизировать и глупость. Скажем, в отношении обезьяны носитель языка имеет особое предубеждение потому, что, по Дарвину, она есть предок человека, находящийся на более низкой ступени развития: жарг. *гамадрил* ‘очень глупый человек’ [АТЛ] и *горилла* ‘о грубом, невежественном, умственно неразвитом человеке’ [Там же].

Характерно обращение к названиям особей из класса полорогих (*олень, сохатый, сайгак*): жарг. *олень* ‘глупый, наивный, несообразительный человек’ [БСЖ, с. 397], *сайгак* ‘дурак’ [СМА, с. 417], *сохатый* ‘глупец, туподум’ [БСЖ, с. 557]. Это объясняется коннотациями, сопровождающими слово *рога*, вмещающееся на правах ассоциации и имеющее выход в лексико-семантические поля «Обман» и «Агрессия», ср. жарг. *наставить рога* ‘изменить мужу / жене’, *спрячь рога* ‘успокойся, утихомирься, не будь агрессивным, наглым’ и *рогатые дела* ‘ненадежные, темные дела’ [СМА, с. 406].

Появление жарг. *мустанг* ‘глупый человек’ обусловлено экспрессивностью, заложенной в звуковом облике слова, и спровоцировано наличием образа *лошади/коня* в лексико-семантической зоне «Глупость» (см. выше), ср. прямое значение слова – ‘одичавшая домашняя лошадь североамериканских прерий’ [Ожегов, с. 371], – обнажающее к тому же мотив «дикий».

Интерпретируя диал. *верблюд* ‘о простофиле, невежде’ [СРНГ, вып. 4, с. 121], жарг. *верблюд* ‘игрок, не отличающийся особым интел-

лектом и пригодный для исполнения примитивных ролей, не предполагающих вербального общения и самостоятельных действий' [БСЖ, с. 93], а также *верблюд* 'дурак, идиот' [СМА, с. 62], можно опереться на образ, складывающийся из нескольких семантических пропозиций: «животное, которое жуёт, и притом медленно», «животное, которое плюётся», «терпеливое животное, способное долго обходиться без воды». Медленное жевание, долготерпение и возмутительное плевание составляют необходимый фон для появления у слова переносных значений отрицательно-интеллектуальной сферы.

В основе жарг. *слон* и *слоняра* 'тугодум' [АТЛ] также лежит семантическое разноголосье, а именно сочетание сем 'медлительный, неповоротливый, неуклюжий' и 'толстокожий, нечувствительный', которые традиционно закрепились за этим образом. Ср., с одной стороны, *слон* 'большой, толстый человек' [СМА, с. 436], как *слону дробина* 'совершенно нечувствительно' [Ожегов, с. 732] и, с другой стороны, *слон в посудной лавке* 'о неуклюжих движениях человека', как *слон (кто)* 'неуклюж, громоздок, неповоротлив' [Там же], жарг. *слонить* 'делать что-л. грубо, размахисто, небрежно' [СМА, с. 436].

Жарг. *хобот* 'глупый человек, пытающийся хитрить' [БСЖ, с. 650], *бивень* 'глупый, несообразительный человек' [Там же, с. 61] и *рог* 'глупый человек' [Там же, с. 510] – результат метонимического переноса с животного на часть его тела. Ср. укр. *тупий як ослине копито*, *дурний як овеча п'ята*, *дурний як теляче вухо*, *тупий як свиняче рило*, *розумний як бараняча голова* [Ивченко, 1999, с. 19]. По этому же принципу образовано выражение *коровья нога* 'о недогадливом человеке' [СРНГ, вып. 14, с. 351] и существительное *копыто* 'глупый, несообразительный человек' [БСЖ, с. 278], в которых сказывается влияние оппозиции «верх – низ»: с помощью представлений о низе осмысляются разные негативные явления, ср. *низкий* 'плохой, неудовлетворительный в качественном отношении', 'подлый, бесчестный' [Ожегов, с. 417] и др.

В жарг. *доходит как до жирафа* ‘о недогадливом, медленно соображающем человеке’ [СМА, с. 137] и *жираф* ‘тугодум’ [Там же] выявляется восприятие жирафа как «животного с длинной шеей» и далее ассоциативно возникающий мотив затрудненности контакта в силу удаленности чего-либо.

Неповоротливость медведя отмечена в диал. *муравейник* ‘прозвище глупого и неуклюжего человека’ (от *муравейник* ‘небольшой медведь (который ест муравьев)’ [СРНГ, вып. 18, с. 348]).

Диалектная идиома *лягушечья голова* ‘о глупом человеке; глупая, дурная голова’ [Там же, вып. 17, с. 257] сходна по образной фактуре и воплощаемому мотиву с выражением *кошачий ум* (см. выше). Добавим, что лягушка традиционно наделяется глупостью в баснях.

Выражения, содержащие упоминание ежа, базируются, вероятно, на экспрессии, привносимой начальной гласной *ё*, и на абсурдности образа: жарг. *ежу ясно / понятно* ‘о чем-л. простом, ясном’ [СМА, с. 129], *дурнее пьяного ёжика* ‘о глупом и наивном человеке’ [БСЖ, с. 178].

Отметим также, что в русском языке не участвует в означивании интеллектуально неполноценного человека лексема *заяц*, в то время как в украинском и белорусском языках образ зайца присутствует в лексике поля «Интеллект человека»: «Слово *заяц* может выступать в роли символа глупости или сумасшествия, что, очевидно, может быть объяснено дальнейшим развитием представлений о зайце – воплощении нечистой силы и болезни: белорус. *Малы з халумінкай і дуракавінкай, з зайцам у галаве*» и др. [Коваль, 1998, с. 31]; укр. *з зайцем у голові* [Ивченко, 1999, с. 26].

«Рыбья» метафора. Язь, карась и налим – пресноводные рыбы, ведущие малоподвижный образ жизни, что стало причиной привлечения их обозначений к выражению отрицательной оценки умственных способностей человека: диал. *язёвый лоб* ‘дурак, тупица’ [ФСРГС, с. 106], *налимья голова* ‘о глупом человеке’ [СРНГ, вып. 20, с. 17], жарг. *карась*

‘глупый, недалекий человек’ [БСЖ, с. 244], ср. укр. *дурний як карась* [Ивченко, 1999, с. 21]. Медлительность этих видов рыб оборачивается легкостью их поимки, а ловля и захват добычи имеют устойчивую коннотацию ‘обмануть’, ср. жарг. *ловчила* ‘обманщик’ [СМА, с. 229], *попасться на удочку* ‘дать себя обмануть, перехитрить’ [Ожегов, с. 827]. Сочетание смыслов «малоподвижный» и «обманутый» создают хорошую потенциальную базу для возникновения значения ‘глупый’. Для интерпретации диал. *язёвый лоб* ‘дурак, тупица’ [ФСРГС, с. 106] может оказаться релевантной такая особенность этой рыбы, как крупная голова [СРНГ, вып. 6, с. 301]. Угол. *форель* ‘психически ненормальный человек’ [БСЖ, с. 630] имеет темную мотивацию.

К выражению положительно-интеллектуальной семантики привлечен образ щуки. Глаголы *щучить* ‘понимать, догадываться’ [СМА, с. 584], *ущучивать* ‘понимать, догадываться’ [Там же, с. 498] имеют

мотивировочный признак «хватать, зажимая зубами, как щука» (неслучайно *прищушить* значит наказать человека, поймав на чем-л.).

Как мы видим, названия животных с высокой степенью регулярности мотивируют обозначения интеллектуально неполноценного человека. «Тип переноса *животное* → *человек* является одним из самых многочисленных и экспрессивных средств, работающих на негативные наименования – характеристики человека по различным признакам, которые дискредитируют его. Зоолексемы, став антрополоксамами, приобретают обычно пейоративную окраску» [Дуличенко, 2000, с. 12].

Использование в ментальном пространстве зоологического кода базируется на приписывании представителям животного мира способности мыслить. С одной стороны, есть общее основание, по которому сопоставляются животное и человек; с другой стороны, человек ощущает себя в выигрышной позиции, поскольку осознает себя биологическим видом, находящимся на более высокой ступени развития, чем любой

представитель животного мира, будь то стоящий на низшей ступени организм (жарг. *одноклеточный* ‘о модно одетом, богатом, но примитивном, недалеком молодом человеке’ [БСЖ, с. 395]) или занимающий верхнюю ступеньку гамадрил.

Как показывает анализ языкового материала, зоологическая метафора неоднородна в мотивационном аспекте. Интерпретация обозначений этой группы требует учета индивидуальных черт каждого животного, а иногда и специфических черт разнополых особей одного вида (ср., например, несовпадающие черты образов быка и коровы).

При всей пестроте образов и смыслов, которые не составляют строгой системы в рамках зоологического кода, носитель современного русского языка отмечает сходство между столь разобщенными образами животных и без труда осознает общность подобных наименований интеллектуально неполноценного человека, на что ясно указывает выражение *зоологического типа (кто)* ‘грубый, неотесанный, необразованный (о человеке)’ [СМА, с. 173]. В молодежном жаргоне присутствует и родовое название всех рассмотренных выше живых организмов, отягченное, однако, дополнительной семой ‘грубый’: разг. *животное* ‘о грубом, неразвитом и неумном человеке’ [Ожегов, с. 194].

3.3. ПРИРОДНО-МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ КОД

Образы из сферы неживой природы (ветер, туман, мрак, мороз, пурга, болото, яма, холм, глушь) неизбежно возникают в сознании человека при попытке объяснить себе менее знакомые явления, в частности, интеллектуальные характеристики человека и собственно процесс мыслительной деятельности. В настоящем параграфе будут представлены ландшафтный и метеорологический коды, объединенные на основании того, что погодные условия и особенности рельефа составляют неживую природу.

Метафора негативного воздействия ветра на интеллект человека. Привлечение образа ветра к выражению отрицательно-интеллектуальной семантики может быть объяснено как реальными, так и мифологическими свойствами ветра, наделенного в народной традиции демонической силой: диал. *полувéтер* ‘о молодом, еще неопытном и легкомысленном человеке’ [СРНГ, вып. 29, с. 139], *ветрiна* ‘глупость, помешательство’ (*человéк с ветрiной*) [Там же, вып. 4, с. 202], *со сквознячкóм* ‘с придурью’ [Ивашко, 1981, с. 29], *на́ветер* и *навзвéй ветер* ‘легкомысленно, необдуманно, очертя голову’ [СРНГ, вып. 19, с. 163]. Можно предполагать, что ветер способен «надуть» нечто разрушительное для интеллекта человека. Однако более вероятен здесь мотив пустоты, реконструируемый на основании метафорической ситуации выдувания содержимого головы. Носитель жаргона также привлекает образ ветра, находя в нем потенциал для реализации мотива повреждения головы: *ветром крышу сдуло у кого* ‘о безрассудном, сумасшедшем человеке’ [АТЛ].

Метафора непогоды. Образ снежной бури, бушующей в голове глупого человека, нарисован в жарг. *пурга в голове* ‘о бестолковом или безрассудном человеке’ [Там же] и, возможно, в диал. *феврáль в головé у кого* ‘о слабоумном человеке’ [ПОС, вып. 7, с. 51], поскольку в нем

упоминается месяц с переменной погодой – от вьюг до оттепелей (о другой интерпретации лексемы *февраль* см. далее). Вообще же мотив кружения, хаотичного движения чего-либо в голове глупого человека нередко воплощается в лексике изучаемого поля: диал. *крутіть соображэние кому* ‘морочить голову’ [ФСРГС, с. 99], *вкруг пойти* ‘закружиться (о голове, помутненном рассудке)’ [СГРС, т. 2, с. 127], *голова́ закружівши* ‘о потере способности соображать’ [ПОС, вып. 7, с. 52], *в головé забунтовано* ‘о помешательстве’ [СРНГ, вып. 9, с. 282], жарг. *завих* и *завихрение у кого* ‘о человеке, переставшем соображать’ [АТЛ].

Метафора неполного месяца. С целью подчеркнуть «недохваток» (отсутствие чего-то нужного) в глупом человеке используется название неполного месяца, самого короткого в году: диал. *февра́ль в головé у кого* ‘о слабоумном человеке’ [ПОС, вып. 7, с. 51], жарг. угол. *февраль* и *февральский* ‘слабоумный, психически ненормальный человек’ [БСЖ, с. 623]. Мотив недостатка, нехватки чего-либо весьма продуктивен в лексико-семантическом поле «Интеллект человека», ср. *непо́лный* ‘глуповатый, глупый человек’ [СРНГ, вып. 21, с. 117], *полови́нный* ‘глупый’ [НОС, вып. 8, с. 89], *бесполде́нный* ‘бестолковый’ [СРНГ, вып. 2, с. 273], *не хватáет в головé у кого* ‘о глупом, несообразительном человеке’ [ПОС, вып. 7, с. 51], *не вовсе до конца, не со всем умом, недо́йм* ‘глупый человек’ [СРНГ, вып. 21, с. 21], *имéть недохвát* ‘быть не в своем уме’ [Там же, с. 35], *девяно́сто де́вять ча́ек, а одно́й ча́йки нет* ‘о глупом человеке’ [Ивашко, 1981, с. 31], *одногó не хватáет (у кого)* ‘о глупом, умственно неполноценном человеке’ (Она такая, знаешь, одного не хватает, девяносто девять процентов) [СПП, с. 58], *девя́того не хватáет* ‘об умственно недалеком человеке’ [НОС, вып. 12, с. 9], *до рубля́ семь гри́вен не хватáет* ‘психически ненормальный или очень ограниченный’ [ФСРГС, с. 209] и др.

Температурная метафора. В выражении отрицательно-интеллектуальной семантики участвуют слова *лёд* и *мороз*: диал. *обле-*

дево́нить ‘озадачить, поставить в тупик’ [СРНГ, вып. 22, с. 91], *морóзилка* и *морозíлка* ‘о человеке, сказавшем глупость’ [СРГСУ, вып. 2, с. 141], простореч. *сморозить* ‘сказать (какой-н. вздор, глупость)’ [Ожегов, с. 736], *как дурак с морозу* ‘о глупом человеке’ [АТЛ], *сидеть на морозе* ‘плохо соображать, быть в подавленном состоянии’ [Югановы, с. 165], *отмороженный* и *отморозок* ‘глупый, недалекий, неразвитый в эмоциональном и интеллектуальном плане’ [БСЖ, с. 406]. Замораживание, застывание – метафорический аналог приобретения неподвижности и твердости, ср. *застыть* ‘отвердеть от холода’ и ‘замереть’ [Ожегов, с. 221]. Обе семы активны в изучаемом поле; они призваны описывать нарушения восприятия или затухание / прекращение интеллектуальной деятельности.

Метафора плохой видимости из-за тумана. В качестве мотиватора лексем, обозначающих интеллектуальную неполноценность человека, может выступать слово *туман*: диал. *стумáниться* ‘рехнуться, помешаться, сойти с ума’ [Даль, т. 4, с. 348] и *отуманеть* [удар.?] ‘утратить ясность мысли, перестать соображать’ [СРНГ, вып. 24, с. 346], литер. *туман в голове* ‘о состоянии неясности, смешанности мыслей, представлений’ и *туманить голову* ‘лишать возможности соображать’ [Ожегов, с. 816] (ср. жарг. угол. *туман* ‘тупой, недогадливый человек’ [БСЖ, с. 602]). Непрозрачный воздух выступает здесь как преграда для зрения. Кроме того, диал. *очмуревáть* ‘терять соображение, обалдевать; сходить с ума’, *очмурéлый* ‘одуревший, потерявший соображение’, *очмурíть* ‘одурить, обморочить’ [СРНГ, вып. 25, с. 70] даются в «Словаре русских народных говоров» с пояснением: «от *чмур* ‘мрак, туман’» [Там же] и потому могут толковаться через мотив плохой видимости.

Метафора светлого и темного времени суток. Для носителя языка значимой является световая активность. Оппозиция «умный – глупый» накладывается на противопоставление светлого времени суток

(дня) и темного времени суток. Так, диал. *дённый*¹⁸ ‘рассудительный, толковый’ [СРНГ, вып. 7, с. 352] появилось, как можно предположить, на базе слова *день*, означающего в наивной картине мира светлое время суток. Обозначения темного времени суток – вечер или ночь – не упоминаются, однако используются производные от слов *темный* и *мрак*.

Нам привычны такие обозначения глупого, невежественного человека, как простореч. *тёмный* ‘невежественный, некультурный; неграмотный’ [ССРЛЯ, т. 15, с. 257], *темнота* ‘невежество, бескультурье; косность’ [Там же, с. 251], *темнота* ‘глупый человек, невежда’, а также выражение *светлый ум* ‘ясный, логичный ум’ [Там же, т. 13, с. 343], эксплицирующие представления об интеллектуальной неполноценности как темноте и, соответственно, об уме как светлом пространстве. Диалектный материал значительно расширяет круг подобных обозначений.

Так, диалектные факты *потёмистый* [СРНГ, вып. 30, с. 272], *потёмок* [Там же, с. 274], *потёма*, *потёмистый*, *потёмок* [СРГСУ, т. 4, с. 111], обозначающие глуповатого, необразованного человека, и существительные *темь*, *тьма* ‘невежество, неразвитость умственная, неученье’ [Даль, т. 4, с. 397] заключают в себе сему ‘недостаточная освещенность’ и потому, как можно предполагать, содержат презумпцию плохой видимости. Дополняют эту группу лексем выражения *у него в голове еще не прозвездило* ‘глуп’ [Даль, т. 3, с. 484], *тёмный лес* – *никакого просвета* ‘глупый, тупой’ [ФСРГС, с. 105].

В лексико-семантическом поле «Интеллект человека» наличествует также группа диалектных слов с корнями, восходящими к праслав. **mork-*, **myrk-*, **merk-*. Среди них, к примеру, *-морок-* (*морокун* ‘чело-

¹⁸ Лексема *дённый* формально может быть производна от *дно* с мотивировочным признаком «глубокий», ср. енис., перм., том. *денной* и *дённый* ‘донный, находящийся на дне’ [СРНГ, вып. 7, с. 352]. Однако наивно-языковые представления об уме как объекте, имеющем глубину, выявляются только на уровне синтагматики: *глубина мысли* [ССРЛЯ, т. 3, с. 143] и *глубокомысленный* ‘высказывающий глубокие мысли; вдумчивый, проникательный’ [Там же, с. 147], *глубокие размышления* [Там же, с. 146]; *глубокий мыслитель* и *глубокие знания, сведения* [Там же, с. 147].

век, сведущий в чем-л., знаток чего-л.; умный, сообразительный человек' [СРНГ, вып. 18, с. 274]), -мороч- (*морочиться* 'терять рассудок, ум' [Там же, с. 276]), -мерек- (*мерёканье* 'раздумывание, размышление' [Там же, с. 115]), -мрак- (*омра́к* 'помрачение рассудка' [Там же, вып. 23, с. 205]), -мрач- (*омрачиться* 'потерять рассудок, сойти с ума' [Там же]), -морк- (*на́морки напали* 'о невменяемости' [Там же, вып. 25, с. 185]), -мерк- (*обмерковать* 'обдумать, обсудить' [Там же, вып. 22, с. 125]), -мерёк- (*мерёкин* 'о долго думающем нерешительном человеке' [Там же, вып. 18, с. 115]), -мерег- (*мерёгать* 'думать, размышлять, понимать, соображать' [Там же, с. 113])¹⁹, -морох- (*мороховать* 'понимать' [Там же, с. 275]), -мрат- (*мра́тный* 'сумасшедший, безумный; со странностями, причудами' [Там же, с. 327]), -морот- (*обморóт* 'о глупом, бестолковом человеке' [Там же, вып. 22, с. 135]). Среди них представлены в основном глаголы и субстантивы, редко – прилагательные. «Слова, принадлежащие к этому этимологическому гнезду, обозначают темноту как неустойчивый признак» [ЭССЯ, вып. 19, с. 236] и потому тоже должны быть проинтерпретированы с учетом содержащейся в них имплицитно семы 'плохая видимость'.

В соответствии с выражаемой семантикой можно условно распределить эти языковые единицы на две приблизительно равные группы, представляющие противоположные полюсы исследуемого поля – «Ум» и «Глупость». Иначе говоря, производные этого корня мы встречаем в качестве обозначений как умственной деятельности, так и глупости.

Положительный полюс ментальной семантики объединяет следующие диалектные факты: *размерёкать(ся)* 'понять, усвоить' [СРГСУ, т. 5, с. 55]; *разморóковать* и *размороковать* 'объяснить, растолковать' [Там же, с. 56]; *на́морок* 'ум, рассудок' [СРНГ, вып. 25, с. 185]; *на́моро-*

¹⁹ В ходе исторического развития языка происходили фонетические изменения, например, экспрессивное озвончение конечного согласного корня и др.

ки ‘память; сознание; рассудок’ [Там же]; *пáморотки* ‘рассудок, ум, память’ [Там же, с. 186]; *обморокováть* ‘обсудить, обдумать’ [Там же, вып. 22, с. 134]; *морокováтой* и *морочнóй* ‘сообразительный, смышленный’ [Там же, вып. 18, с. 274–276]; *мёрковать* и *мерковáть* ‘обдумывать что-л.’ [Там же, с. 119]; *морокováть* ‘думать, соображать’ [Там же, с. 274]; *мерёгать* и *мерёкать* ‘думать, размышлять, понимать, соображать’ [СРГСУ, т. 2, с. 126]; *морокóсить* ‘понимать, разбираться (немного) в чем-л.; знать, уметь (немного) что-л.’ [СРНГ, вып. 18, с. 274]; *мерёкать* ‘долго, медленно думать над чем-л.; прикидывать, примеривать в уме’; ‘знать немного, кое-что; ‘бестолково объяснять’; ‘стремиться показать себя умным; умничать’ [Там же, с. 115]; *мерёковать* и *мерековáть* ‘понимать, разбираться в чем-л.’ [Там же]. Сразу отметим, что сема ‘думающий’ здесь более значима, чем сема ‘умный’.

Отрицательный полюс «интеллектуальной» семантики представляют следующие диалектные единицы: *морóка*, *мóрок* ‘помрачение ума, затмение сознания’ [СРНГ, вып. 18, с. 273]; *морóки* *ударяют в/на голову* ‘наступает помрачение рассудка, выключение сознания’ [Там же]; *пáморочи* ‘невменяемость’ и *пáморочи* *хватили* [Там же, вып. 25, с. 185]; *забить пáморочи* / *пáморки* / *пáморок* / *пáмороку* ‘лишить соображения, памяти, сознания’ [Там же]; *отбить пáмерки* / *пáморки* / *пáморочи* / *пáморотки* ‘лишить, лишиться памяти, способности соображать’ [Там же, вып. 24, с. 116]; *морóк* ‘несерьезный, легкомысленный человек; бестолковый человек, повеса’ [Там же, вып. 18, с. 273]; *помрачénье* ‘потеря рассудка, сумасшествие’ [Там же, вып. 29, с. 231].²⁰

²⁰ Здесь можно упомянуть также диал. лексемы, «сконструированные» на основе слова *меланхолия* и вторично приобретшие связь с корнем *-мрак-*: сиб. *мерикóлия* ‘меланхолия’ и ‘потеря рассудка, сумасшествие’ [СРНГ, вып. 18, с. 118], волог. *мерекóрия* ‘задумчивость, меланхолия; помешательство’ [Там же, с. 115], яросл., забайкал. *меркóрия* ‘потеря рассудка, сумасшествие’ [Там же, с. 120], орл. *меркóлий* ‘умственное затмение’ [Там же], камч. *мирикáйло* ‘безумие, забытье’

Перечисленные слова содержат характеристику световой активности, отрицательную (*óбмерк* ‘время между сумерками и потемками, поздние сумерки’ [Там же, вып. 22, с. 125]; *móрох* ‘мгла, туман’ [Там же, вып. 18, с. 275]; *mérкоть* ‘сумерки, полумрак, полусвет’ [Даль, т. 2, с. 321] и ‘ночь, тьма’ [СРНГ, вып. 18, с. 119] и т. п.) или положительную (*мерцать* ‘слабо сверкать, сиять бледным либо дрожащим светом; поблескивать, просвечивать, играть искорками, переливом, перемежком’ [Даль, т. 2, с. 321]). В «Этимологическом словаре славянских языков» находим ссылку на мнение В. Н. Топорова, который считает необходимым реконструировать единое индоевропейское гнездо **mer-* для четырех праславянских корней, два из которых имеют поляризованную семантику: ‘появление и нарастание световой энергии и соответственно усиление способностей зрительного восприятия’ и ‘уменьшение световой энергии вплоть до ее исчезновения и соответственно сокращение возможностей зрительного восприятия вплоть до полного его прекращения’ [ЭССЯ, вып. 21, с. 135].

Этимологические данные обнажают, таким образом, исходную близость представлений о глупом и думающем, сложившихся в результате соотнесения «интеллектуальных» значений со «световыми» значениями обсуждаемого гнезда с учетом их синкретической природы. Доминантный семантический признак «темнота» явился основой для развития полярных вторичных значений производных рассматриваемого корня. Необъяснимое на первый взгляд противоречие разрешается, если обратить внимание на преобладание в лексико-семантической зоне «Ум» глагольной лексики. Вспомним о том, что в языковой картине мира *думающий* (важен процессуальный характер значения) отличается от *умного*. Думающий – это «промежуточное звено» между глупым и ум-

[Там же, вып. 18, с. 171]. Симптоматично то, как носитель говора избавился от «чужести» заимствованного слова *меланхолия*, переосмыслив его через *мрак*. Безусловно, большое количество лексем с этим корнем и закрепившейся за ним «интеллектуальной» семантикой сыграло решающую роль.

ным. Интеллектуальная деятельность может представляться как пребывание в темном локусе, где глупый не видит, а думающий, находясь в темноте (как и глупец!), видит проблески света, некое мерцание, то есть он приобщен к двум световым полюсам, в то время как лексема *умный* имеет только коннотацию «светлый», вообще не касаясь локуса темноты. Уже формальный статус рассматриваемых единиц, каждая из которых репрезентирует способность видеть или ее отсутствие, позволяет прогнозировать разницу: прилагательные *умный* и *глупый* обозначают статичные по своей природе свойства, а причастие *думающий* сохраняет в семантике динамичность действия. Оно имеет отношение к тьме и к свету, предполагая переход из одной области в другую (просветление), не нарушая равновесия между глупым-темным и умным-светлым. Итак, умственная деятельность человека концептуализируется в сознании носителя русского языка в первую очередь как пребывание в недостаточно освещенном пространстве, а затем как попытка разглядеть что-то в темноте или ожидание неких «световых сигналов». Такова одна из моделей интеллектуального акта: «думать – видеть проблески света в темноте».²¹

Ландшафтная метафора. Наряду с уже упоминавшимся ранее образом лесной глуши (см. п. 3.1 разд. II), в метафорическом представлении интеллектуальной неполноценности участвуют такие элементы природного кода, как поле, болото, яма, омут и вообще глухое, нечистое место: диал. *полевóй* ‘дикий, ничего не понимающий’ [СДЛ, с. 124], *болóтина* ‘дурак, простофиля’ [СРНГ, вып. 3, с. 79], *болóтный* ‘глупый, бессмысленный’ [Там же], *дiко мéсто* ‘о плохо соображающем или помнящем что-л. человеку’ (волог.) [КСГРС], *мох и болото (наговорить)* ‘много глупостей, нелепостей (наговорить)’ [СРНГ, вып. 18,

²¹ Представителями обсуждаемой модели являются и такие слова, как *яснить* ‘объяснять, растолковывать’, *промелькнула / вспыхнула мысль*, *мысли прояснели, разъяснить*. Они имплицитно содержат смысл «плохая видимость» и опираются на мотив мерцания либо преодоления темноты.

с. 309], *дуракóво по́ле* ‘о глупом, бестолковом человеке, дураке’ [Там же, вып. 8, с. 264].

Некоторые лексемы образованы по одной модели и имеют приставку *за-*, дающую смысл «находящийся сзади, за чем-л.»²². Таково диал. *зати́яга* ‘ленивый, глупый человек’ (волог.) [КСГРС], вторичное по отношению к *зати́яга* ‘захолустье’ (волог.) [Там же]. Диал. *зауле́шица* ‘невежественный, отсталый человек’ (волог.) [Там же] производно от *заулеши́ца* ‘глухое безлюдное или малонаселенное место’ (волог.) [Там же] и имеет к тому же корневую морфему *-лес-*, а модель «глупый человек – житель леса» известна всем формам существования русского языка. Прозрачна идиома *быть в захолу́стье* ‘быть глупым, невежественным’ [СРГК, вып. 2, с. 233].

Диал. *подкоко́рник* ‘темный человек’ (волог.) [КСГРС] происходит от существительного *кokóра*, имеющего в вологодских говорах значения ‘пень, вывороченный с корнями’, ‘коряга’, ‘ствол дерева вместе с корнем’ [СРНГ, вып. 14, с. 93]. Внутренняя форма существительного *подкокорник* раскрывается как «(находящийся) под кокорой (то есть под корягой, в яме)», ср. арх. *подкокорник* ‘яма из-под вывороченного дерева’ (*Из подкокорника водички напился*) [КСГРС]. Кроме того, другие обозначения наполненных водой ям – слова *омут* и *лужа* – используются в диалекте как характеристики человека: диал. *о́мут* ‘бестолковый человек’ [СРНГ, вып. 23, с. 206], *лу́жа* ‘о добром, но недалеком человеке’ [СРГК, вып. 3, с. 155].

Таким образом, интеллектуальная неполноценность ассоциируется в народной культуре с диким, грязным, гиблым или нечистым²³ местом.

²² Целый ряд лексем, бытующих в говорах русского Севера, основывается на мотиве «находящийся за чем-л.»: волог. *зауго́лок* ‘дурак, болван’ [СРНГ, вып. 11, с. 126], волог. *захребéтчина* ‘неграмотные, темные люди’ [КСГРС], арх. *запе́ча* ‘о темном, забитом человеке, невежде’ [СРНГ, вып. 10, с. 314], имеющие внутренние формы «за углом», «за хребтом» и «за печью» соответственно.

²³ Ср. в этой связи фразеологизм *ба́нная ду́ра* ‘совсем глупая’ [СРНГ, вып. 2, с. 96], мотивирующей базой которого может быть представление о бане как о нега-

Метафора возвышенности. Проводимая носителем языка параллель между глупым человеком и бугорком, кочкой опирается, вероятно, на частный мотив «торчащий»: диал. *как кóчка в пóле* ‘о глупом человеке’ [СРНГ, вып. 29, с. 45]. Этот мотив является реализацией сквозного мотива «выделяющийся на общем фоне, не такой, как все» и мотивационной доминанты «чужой, иной (о человеке)». Согласно другим представлениям, орган мышления может оказаться дефектным, если в нем завелся «чужеродный элемент» – бугорок: диал. *с холмíной (кто) и холмíна в головé* ‘о слабоумном, придурковатом человеке’ [СПП, с. 79].

Итак, природный ландшафт, погодные условия, смена дня и ночи занимают немаловажное место в народной картине мира, поэтому элементы природно-метеорологического кода используются носителем языка в качестве объектов, с которыми производится ассоциирование номинируемого объекта интеллектуальной сферы. Носитель народной культуры находит причину ослабления умственных способностей человека, например, в воздействии ветра или в замерзании. Он уподобляет глупца торчащему холму, болоту или яме с мутной водой. Туман и темнота связываются в языковом сознании с интеллектуальной неполноценностью, а размышление кажется блужданием во мраке в поисках проблесков света.

тивно осмысленном локусе – месте обитания нечистой силы, месте гаданий и колдовства (о бане как культурно значимом элементе см. [Коваль, 1998, с. 58–61]).

3.4. ПРОСТРАНСТВЕННО-ДИНАМИЧЕСКИЙ КОД

В русской лексике, называющей мыслительные действия и характеристики человека по интеллекту, обращает на себя внимание группа слов и выражений, воссоздающих картину некоего пространства и содержащих информацию о передвижениях каких-либо объектов внутри этого пространства. Общеизвестен факт активного использования носителями всех вариантов русского языка глаголов движения и их дериватов для обозначения умственных действий и состояний, как положительных, так и отрицательных, ср. литер. *ход мысли*, *научный подход*, разг. *сойти с ума*, жарг. и диал. *догнать* 'понять' [СРНГ, вып. 8, с. 88; БСЖ, с. 160], мол. и угол. *въехать* 'понять' [БСЖ, с. 113] и др. При этом «среди глаголов движения наиболее продуктивными в порождении ментальных значений являются основы *идти* / *ходить* и *вести* / *водить*» [Зализняк, 1999, с. 316]. В каждом субъязыке этот фрагмент языковой картины мира имеет собственный колорит, организован по-своему, хотя многие элементы (модели, образы) универсальны. Лексика и фразеология запечатлели результаты пристального наблюдения носителя языка за тем, как протекает процесс мышления, какие он имеет этапы. Интересно, что даже идеальные объекты видятся наделенными двигательной активностью. Можно сконструировать несколько пространственных моделей представления интеллектуальных действий и характеристик.

Интеллектуальное благополучие как пребывание человека в собственном пространстве. Традиционно интеллектуальное «здоровье» мыслится как пребывание субъекта мыслительной деятельности в некоем замкнутом пространстве, которым могут являться *ум*, реже – *разум* и *рассудок*, иногда – *толк* и *память*. Любопытно, что, с одной стороны, эти пространственные объекты, в представлении носителя языка, находятся в человеке, поскольку *ум*, например, является квази-органом человека (отождествляется с головой) и локализован внутри субъекта

интеллектуальной деятельности: *уйти в себя* ‘погрузиться в размышления’. С другой стороны, группа языковых фактов репрезентирует ситуацию пребывания человека как субъекта интеллектуальной деятельности «на площадке» ума, символизирующую умственное здоровье: диал. *на уме* ‘в здравом рассудке’ (арх.) [КСГРС], *быть в рáзуме* ‘быть в нормальном психическом состоянии, понимать что-л.’ [СРНГ, вып. 34, с. 70], жарг. *на умняке быть* ‘соображать, мыслить здраво’ [БСЖ, с. 612]. Неслучайно это пространство обладает такой немаловажной характеристикой, как «принадлежащее индивидууму», т. е. «своё». Человек имеет «право собственности» на это пространство: диал. *в своем уме* ‘кто-л. вырос, стал взрослым и может самостоятельно принимать решения, здраво рассуждать’ [СРНГ, вып. 36, с. 316]. Нахождение за его пределами – свидетельство умственного неблагополучия: *не в себе, не в своем уме*, диал. *не в сво́их пáмятах* ‘не в своем уме’ [Там же, вып. 25, с. 191], *теряться* ‘быть не при себе; лишиться сознательного рассудка и соображения’ [Даль, т. 4, с. 402], *потеряться с толку* ‘утратить сообразительность’ [НОС, вып. 8, с. 153]. Ср. также представление о нарушении способности здраво рассуждать в состоянии аффекта (ужаса, отчаяния, возмущения, гнева): *выйти из себя*. Актуальность оппозиции «свое – чужое» поддерживается мотивом отчуждения в отрицательно-интеллектуальной лексической зоне: диал. *головá чужáя у кого* ‘об ощущении затруднений при соображении’ [ПОС, вып. 7, с. 52], *чужо́й* ‘плохо соображающий, не в себе’ (арх.: *Чужая стала, мне уж сотой годок идёт, дикая*) [КСГРС].

Глаголы *войти* / *дойти* / *взойти* и *выйти* / *отойти* / *выбыть* / *выбиться* рисуют возможные перемещения субъекта интеллектуальной деятельности извне в интеллектуальное пространство и оттуда вовне, называя изменения умственных способностей. Метафорическая ситуация вхождения в это пространство реконструируется на основе диал. *войти́ в ум* ‘поумнеть, образумиться’ [СРНГ, вып. 5, с. 34], *дойти́ до*

ро́зума ‘осознать что-л.’ [Там же, вып. 35, с. 166], *войти́ в па́мять* ‘собраться с мыслями, опомниться’ [Там же, вып. 25, с. 191], *взойти́ в ра́зум* ‘прийти в себя’ [Там же, вып. 34, с. 70]. Перемещение в это замкнутое пространство может совпадать с преодолением возрастной планки, а именно взрослением: диал. *прийти́ в ра́зум* ‘становиться умнее, взрослеть’ [Там же, вып. 31, с. 234]. Метафорическая ситуация выхода из пространства ума воссоздается по таким фактам, как диал. *вы́йти из то́лка* ‘потерять сообразительность’ [ФСРГС, с. 36], *отойти́ от па́мяти* ‘сойти с ума’ [СРНГ, вып. 25, с. 191], *вы́йти из ума́* ‘потерять рассудок’ [СГРС, т. 2, с. 226], *вы́быть из рассу́дку* ‘стать сумасшедшим’ [СРНГ, вып. 5, с. 251], *вы́биться из ума́* ‘потерять рассудок’ [ФСРГС, с. 34], *об исхо́де* ‘сходя с ума’ [СРНГ, вып. 21, с. 338], *с гру́нту сб́иться / столкну́ться* ‘сбиться с толку, выжить из ума’ [Там же, вып. 7, с. 169], *сгру́нтиться* ‘сбиться с толку’ [Даль, т. 4, с. 165], жарг. *соскочить с ума* ‘стать сумасшедшим, вести себя ненормально’ [АТЛ]. «Покинуть пространство ума» можно и в результате падения: диал. *с ума́ свали́ться* ‘потерять рассудок’ [СРНГ, вып. 36, с. 205], *ру́хнуться (с ума / умом)* ‘сойти с ума’ [Там же, вып. 35, с. 245], *попа́сть в прору́ху* ‘утратить способность понимать, соображать’ [СПП, с. 63]. Кроме того, на человека можно оказать такое воздействие, результатом которого может явиться удаление субъекта интеллектуальной деятельности из собственного интеллектуального пространства: диал. *вы́вести из ума́* ‘свести с ума, помутить разум’ [СРНГ, вып. 5, с. 256], *свести́ с ро́зума* ‘довести до потери рассудка’ [Там же, вып. 35, с. 166], *вы́вести с ра́зума* ‘то же’ [Там же, вып. 34, с. 70], *сбить с ума́* ‘свести с ума’ [ФСРГС, с. 172], *сбить с гру́нту* ‘свести с ума’ [СРНГ, вып. 36, с. 172]. Некоторые из приведенных идиом трудно разграничить с реализациями метафоры пути (см. далее), как, например, диалектные факты, апеллирующие к существительному *грунт*. Однако пск. диал. *грунт* имеет только два «пространственных» значения — ‘поверхность земли’ и ‘участок

земли, на котором находятся дом с хозяйственными постройками и огород; усадьба' [ПОС, вып. 8, с. 55], – ни в одном из которых не возникает образ дороги. Скорее, более существенным для диалектоносителя является употребление этого слова для обозначения «своего» пространства (своего участка земли).

Любопытно, что индивидуальное интеллектуальное пространство человека должно быть строго ограничено, и ум должен занимать свое место, не посягая на другие «участки» личного пространства человека: «засилье» разума, чреватое, по-видимому, отказом от эмоций, не одобряется носителем русского языка, ср. диал. *имѣть рáзум во всех сторона́х* 'быть излишне рассудочным, скучным' [СРНГ, вып. 34, с. 70].

Мыслительный процесс – пребывание в некотором локусе. Один из аспектов пространственного моделирования концепта «Интеллект» касается временного отрезка, когда человек мыслит. В этом случае можно наблюдать генерализацию семы 'состояние', поскольку размышление – это прежде всего состояние, «нецеленаправленное и статическое», связанное «с обдумыванием не энергичным, а скорее пассивно-созерцательным» [Голованивская, 1997, с. 177]. Именно поэтому раздумье представляется как временное пребывание человека в виртуальном мыслительном пространстве: диал. *быть на по́мысли* 'думать о чем-л.' [СРНГ, вып. 29, с. 237], литер. *находиться / пребывать в размышлении, навести на размышления*. Чаще же всего субъект интеллектуальной деятельности «погружается» в «водное пространство»: литер. *погруженный в мысли, углубиться в размышления, погрузиться в раздумье / в размышления, уйти с головой в размышления / в свои мысли, глубокие размышления*, диал. *почѣрпнуть* 'узнать' (арх.) [КСГРС]. На то, что знание ассоциируется с водой, водоемом, указывает М. К. Голованивская: *уровень знаний, глубина знаний, поверхностные знания, почерпнуть знания, углубить знания, впитывать знания* [Там же].

Инициирование умственной деятельности человека мыслью, вторгшейся в его интеллектуальное пространство. По данным русских народных говоров, человек или – чаще – его голова, ум могут быть подвержены насильственному вторжению идеальных сущностей, иницирующих посредством своего вмешательства мыслительную деятельность человека. Само состояние умственной активности способно захватить человека: диал. *вздумье нашло / берёт / взяло* [СРГСУ, т. 1, с. 78], *напахнул ум кому* ‘пришла в голову мысль, догадался кто-л.’ [СРНГ, вып. 20, с. 67]. Интеллектуальное начало, осуществляющее наступление, зачастую предстает безличным: *пришло в голову*, диал. *напало на ум* [ФСРГС, с. 119], *полёзло на ум* [СДЛ, с. 124], *взошло на ум* [ФСРГС, с. 26], *прибрело и прибрело на ум* [СРНГ, вып. 31, с. 122], *зашло на ум* [ФСРГС, с. 77], *встрелило* [СРНГ, вып. 5, с. 215] – с общим значением ‘пришло на ум / в голову, вздумалось’; ср. диал. *не пришло в разум* ‘не подумал, не сообразил, не вспомнил’ [Там же, вып. 31, с. 234].

Отдельную группу образуют безличные формы глаголов движения, имеющих приставку *до-*, указывающую на достижение цели некой идеальной субстанцией – мыслью, передаваемой от одного человека другому: жарг. *дошло* ‘стало понятным’ [АТЛ], *доехало* и *домчало* ‘стало ясным, понятным’ [БСЖ, с. 161, 164], *допёрло* ‘дошло до сознания’ [Там же, с. 164], *доходит как до жирафа* ‘о недогадливом, медленно соображающем человеке’ [АТЛ].

Иногда интеллектуальное начало конкретизируется в мысль: *пришла в голову мысль кому*, диал. *мысли берут* ‘находит раздумье’ [СРНГ, вып. 19, с. 61]. В ряде диалектных языковых фактов запечатлено представление о том, что умственная работа иницируется падением идеальных сущностей в интеллектуальное пространство индивидуума, ср. широко распространенную в русских народных говорах конструкцию *пасть в голову / мысль / память / догадку / разум / на ум кому* ‘прийти в голову, на ум, вспомниться’ [СРНГ, вып. 25, с. 124; КСГРС], а также

диал. *вспасть на ум* ‘прийти в голову’ [СРНГ, вып. 5, с. 208], *впасть на ум* ‘прийти в голову’ [ФСРГС, с. 31], *впасть в мысль кому* ‘пасть на ум’ [СРНГ, вып. 5, с. 170], *мысль / мы́сля пала кому* ‘пришла в голову, возникла мысль, догадка’ [Там же, вып. 19, с. 62], *пáлось кому* ‘показалось, подумалось кому что’ [Там же, вып. 25, с. 125]; ср. диал. *на ум не выпада́ть* ‘не приходить на ум, не вспоминаться’ [СРГСУ, т. 2, с. 190].

Наряду с захватом и падением, в языке отмечены и другие способы проникновения интеллектуальной материи, обладающей свойством вненаходимости по отношению к человеку, в его интеллектуальное пространство. К примеру, «воротами» для нее могут быть глаза и рот: диал. *приплы́ть к губáм* ‘прийти на ум, вспомниться’ [СРНГ, вып. 31, с. 349], *в рот не въ́ехало* ‘не догадался’ [НОС, вып. 1, с. 145], *в глаза́ взду́мало* ‘подумалось, пришло в голову’ [ФСРГС, с. 26].

Картина воздействия перечисленных идеальных сущностей («не-что не имеющее имени» / «вздумье» / «ум» / «мысли») на человека, картина совершаемого ими против его воли освоения интеллектуального пространства дополняется еще одним элементом – нежеланием покидать захваченную территорию: диал. *не иди́ть с ума́ / с головы́* ‘быть постоянно в мыслях, не выходить из головы’ [СРНГ, вып. 25, с. 77], *ду́ма кому-л. с ро́зуму не иде́т* ‘постоянно думает кто-л. о чем-л.’ [Там же, вып. 35, с. 166], жарг. *сидит в голове* ‘обычно о мысли: кто-л. постоянно думает о чем-л., не может не думать’ [АТЛ].

Закономерно возникающий вопрос о том, где существуют идеальные объекты «интеллектуального толка», которые, по-видимому, свободно передвигаются в пространстве, проникая в личное пространство человека (*пришло в голову*) и покидая его (*выскочило из головы*), остается открытым.

Мыслительная акция как движение идеальных сущностей в интеллектуальном пространстве человека. Интеллектуальное пространство человека видится как место, где происходит передвижение

различных объектов. При означивании мыслительных акций активно используются глаголы движения, соотносимые с названиями идеальных сущностей: *мысли проносились, роились, вертелись в голове, бродили, пролетали*. И. М. Кобозева определяет форму существования мысли как движение: *быстрая мысль, мысли неслись, мысль давно вертелась в голове* [Кобозева, 1993, с. 100]. Логика управления их движением состоит в упорядочении хаотично движущихся мыслей: *привести мысли в порядок*. Релевантна при этом развиваемая скорость движения мыслей: «Мысли в высокой степени характеризуются понятием скорости движения, что является следствием целенаправленности интеллектуальных усилий человека, ср.: *мысли его мчались (летели, неслись, бежали)*, например: *И в этот миг в мозгу прошли все мысли, единственные, нужные* (Блок). Более того, мысль может приниматься за эталон беспредельной, ничем не ограниченной в своем росте скорости (ср. *исчезнуть со скоростью мысли*)» [Арутюнова, 1999б, с. 364].

В диал. *на умé кру́тится* ‘вертится в голове’ [ФСРГС, с. 99] возникает картина хаотичного движения мысли, причем «самостоятельного», то есть происходящего без вмешательства человека. Здесь присутствует коннотация ‘неуловимая; такая, которую трудно поймать, схватить; ускользающая от человека’. Идеальная субстанция предстает как самодостаточная, независимая от человека и его интеллектуальных усилий в диал. *мы́сля заходи́ла* ‘подумалось, помечталось кому-л.’ [СРНГ, вып. 19, с. 62], *ум пошёл у кого* ‘начать размышлять, думать о чем-л.’ [Там же, вып. 28, с. 363]. В других фразеологизмах в поле зрения появляется субъект интеллектуальной деятельности как действующее лицо, которое осуществляет управление идеальными субстанциями, перемещая их, определяя направление движения идеальных сущностей согласно одному ему известной цели: диал. *води́ть в умé* ‘обдумывать, раздумывать, соображать’ [Там же, вып. 4, с. 338], *води́ть в ума́х* ‘предполагать, знать’ [СГРС, т. 2, с. 136], *мы́сли вестъ / весті́* ‘думать о чем-л.,

говорить что-л.’ [СРНГ, вып. 19, с. 62], *води́ть умом* ‘обдумывать, раздумывать, соображать’ [Там же, вып. 4, с. 338], *води́ть на ра́зуме* ‘думать о ком-л.’ [Там же], *гоня́ть ду́му* ‘часто, постоянно, долго думать, размышлять о чем-л.’ [СПП, с. 37], жарг. *прогоны* ‘мысли, размышления; чувства, ощущения’ (*Иду себе, у меня свои прогоны, вдруг смотрю – ты*) [СМА, с. 374], *гусей гонять* и *за своё гонять* ‘разговаривать с самим собой, проговаривать свои мысли вслух’ [БСЖ, с. 530], *гусей пасти* ‘погрузиться в себя, в свои мысли; глубоко задуматься’ [Базарго, с. 33].

Движение мыслей представлено в языке и как передвижение воды: *поток мыслей, поток сознания; течение мыслей; вытекает что из чего*.

Интересно, что ослабление умственных способностей видится как движение идеальной сущности назад, видимо, в противовес развитию как движению вперед: диал. *ум наза́д пойдёт* ‘теряется рассудок, память от старости’ [ФСРГС, с. 204].

Интеллектуальная неполноценность может быть описана также через невозможность совместить идеальные объекты или их части в интеллектуальном пространстве человека, через их смещение относительно друг друга: *ум за разум зашел*, диал. *моти́в на моти́в захо́дит у кого* ‘теряется способность трезво, разумно рассуждать, действовать; ум за разум заходит’ [ФСРГС, с. 114], *ум раскоря́чился* ‘ум за разум зашел’ [СРНГ, вып. 34, с. 133], *ум на раскоря́ку* ‘ума не приложу’ [Там же, с. 132], *то́лку не свести́* ‘утратить способность здраво рассуждать’ [ФСРГС, с. 173], *не собра́вши ра́зума (ра́зумом)* ‘не обдумав хорошенько, не рассудив как следует’ [СРНГ, вып. 34, с. 71]. Кроме аномального движения «внахлест», можно отметить метафору «ухода» ума из личного пространства человека, отступления путем расхождения в стороны и последующего исчезновения: *ум разошёлся у кого* ‘кто-л. не в состоянии понять что-л., сосредоточиться, догадаться о чем-л.’ [Там же, с. 51], *разумко́м расхо́женький* ‘о слабоумном человеке’ [Там же, с. 73], *ум рас-*

ступáется / расступíлся ‘кто-л. теряет рассудок’ [Там же, с. 234], *ум-разум расхóдит* ‘ум за разум заходит’ [Там же, с. 300].

Ум как место размещения интеллектуального багажа. Субъект интеллектуального действия может манипулировать идеальными сущностями. Например, он может по собственной инициативе «приобретать» их: диал. *брать мысль* ‘думать, намереваться что-л. сделать’ [СРНГ, вып. 3, с. 166].

Он может помещать интеллектуальный материал в «специализированное», предназначенное для этого пространство: диал. *в гóлову заложíть* ‘постоянно навязчиво думать о чем-л.’ [НОС, вып. 3, с. 43], *класть в рáзум / рáзуме* ‘думать, предполагать’ [СРНГ, вып. 13, с. 267], *класть на рáзум* ‘соображать, смекать; обсуждать, обдумывать’ [Там же], *прибрáть на мýсли* ‘узнать’ [ФСРГС, с. 51], *взять в ум* ‘подумать, надумать’ [СРНГ, вып. 4, с. 272], *брать в ум / рáзум* ‘понимать’ [Там же, вып. 3, с. 166].

Он может удерживать идеальные объекты в своем интеллектуальном пространстве: диал. *держáть в умáх* ‘думать, предполагать’ [Там же, вып. 8, с. 23], *держáть в рáзуме* ‘думать о чем-л.’ [Там же, вып. 34, с. 70], *держáть на рáзуме* ‘держат в голове, мыслях’ [Там же, вып. 8, с. 22]. Логично предположить, что затем он может их отпустить, позволить им покинуть свое интеллектуальное пространство.

Он может перемещать, перебирать имеющийся материал в поиске того, что необходимо: диал. *переворóчать* ‘перебрать (всё) мысленно’ [НОС, вып. 7, с. 117], *пошевélивать в голове* ‘думать, соображать’ [ПОС, вып. 7, с. 51].

Все перечисленные манипуляции с идеальными объектами – их захват и размещение в собственном интеллектуальном пространстве, удерживание там и использование по мере надобности – это метафоры, описывающие мыслительные операции.

Мыслительная акция как размещение «виртуального» предмета в пространстве. В русских народных говорах мыслительная деятельность и ее завершение могут быть описаны при помощи глаголов *класть* и *положить*. При помощи метафорической ситуации «субъект интеллектуальной деятельности определяет для чего-то место в пространстве» изображается завершение умственной работы принятием решения: диал. *положи́ть мысль / рáзум* ‘остановиться на каком-л. решении’ [СРНГ, вып. 29, с. 102]. Здесь помещение интеллектуального объекта в некую точку пространства означает остановку движения мысли, а потому чрезвычайно важна сема ‘придать неподвижность’. Высказывая свое мнение, предположение или убеждение, человек излагает свою позицию, то есть «определяет место» для собственной мысли: литер. *предполагать*, диал. *покла́дывать* ‘думать, считать’ [СРНГ, вып. 28, с. 380], *облагáть* ‘полагать, думать’, *класть* ‘думать, предполагать что-л.’ [НОС, вып. 4, с. 48].

Мысль выступает как точка или как неподвижный (остановленный) пространственный объект, что делает закономерным появление в литературном языке выражений *далек от мысли, остановиться на мысли, подводить/подталкивать к мысли, прийти к мысли, склоняться к мысли* и диал. *подводи́ть под мы́сли* ‘убеждать в чем-л.’ [СРНГ, вып. 19, с. 62]. Вопрос о том, что мысль/идея может представляться как пространственный ориентир, уже рассматривался в научной литературе [Кобозева, 1993, с. 101].

В некоторых фразеологических единицах актуализирована сема соединения, которая может получить различные интерпретации в зависимости от заместителей потенциальных валентностей глагола *соединять что с чем*.

С одной стороны, размещение идеальных объектов относительно друг друга в виртуальном пространстве ума запечатлено в глаголе *прикидывать* ‘думать’, а также в диал. *прикла́дывать* ‘думать, соображать,

прикидывать в уме' [СРГСУ, т. 4, с. 128] и жарг. вульг. *прикинуть хер к жопе / к носу* 'понять, разобраться в чем-л.; сообразить, рассудить' [БСЖ, с. 646]. В данном случае актуализируется аналитический характер мышления, заключающийся в «со-поставлении» двух и более идеальных объектов. Понимание толкуется как способность устанавливать связь между объектами.

С другой стороны, ряд фразеологизмов – разг. *ума не приложить* 'не знать, не быть в состоянии понять' и диал. *ума́ не приставитъ* 'не сообразить, не понять, ума не приложить' [СРНГ, вып. 31, с. 406], *головы не приложить* 'не в состоянии сообразить, понять что-либо, догадаться о чём-либо; ума не приложить' [ФСРГС, с. 151], *не приб́иться умом* 'ума не приложить, не догадаться, не сообразить' [СРНГ, вып. 31, с. 111], *ума́ не примиритъ* 'ума не приложить' (волог.) [КСГРС] – рисует ситуацию невозможности присоединить инструмент познания к познаваемому объекту, совместить их. Лишь один языковой факт запечатлел успешно протекающее мыслительное действие: *класть ум* 'думать, соображать' [СРНГ, вып. 13, с. 267]. Ум – это ключ к познанию, и ключ должен «подходить» к тому замку, который пытаются открыть.

Мыслительная акция как продвижение субъекта интеллектуального действия по дороге. Эта модель возникла как результат наблюдения человека за работой мысли, хотя чаще под его пристальным вниманием оказывается состояние ума, то есть умственные способности – свои или чужие. Динамический характер мыслительных операций налицо, и это уже отмечено в научной литературе: «Мыслительная деятельность представлена языком как процесс (ср. *процесс мышления, ход мысли*), т. е. изначально концептуализируется при помощи метафоры движения, заключенной в самом слове *процесс* – от лат. *pro-cedo* 'идти вперед'» [Зализняк, 1999, с. 312].

Интеллектуальные действия предстают как линейные и направленные передвижения человека в пространстве, на что указывают факты

литературного языка: *научный подход, исходить (из чего), вести (к чему), переходить (к чему), уходить в сторону, сделать отступление, вернуться к сказанному ранее, подводить (к чему), выводить (что), добираться до смысла* и др. В этом случае можно говорить о метафоре пути, применяемой в жаргоне и в диалекте преимущественно к описанию завершения мыслительного процесса. В языковом материале зафиксированы, в частности, два возможных финала.

Во-первых, для носителя диалекта характерно ассоциирование разрешения какого-либо вопроса с обнаружением следа или выбором дороги. Так, диал. *натрапíть* ‘найти верное решение, додуматься’ [СРНГ, вып. 20, с. 230] производно от диал. *натраплѣть* ‘внезапно находить, обнаруживать, нападать на след’ [Там же]. Диал. *пáдаться* ‘догадываться, соображать, вспоминать’ (*Пáдаюсь, пáдаюсь, никак не могу пáстися, чей ты, откуда*) [СРНГ, вып. 25, с. 125; КСГРС] производно от диал. *пáстись* ‘случайно наткнуться, неожиданно обнаружить, встретить что-л.’ [СРНГ, вып. 25, с. 125]. В диал. *взять в путь* ‘надумать, решить что-л.’ [ФСРГС, с. 26] и в жарг. *въезжать* ‘понимать что-л.’ [БСЖ, с. 112] налицо метафора завершения поисков дороги. Отсюда характеристики человека: жарг. *въезжучий* ‘понятливый, сообразительный’ [БСЖ, с. 113] и *невъезжучий* ‘непонятливый, несообразительный’ [Там же, с. 380]. Ситуация безуспешного поиска дороги, метафорически описывающая неуспех интеллектуальных разысканий, зафиксирована в диал. *тóру не найтí* ‘не найти пути к правильному решению какого-л. вопроса’ [СРНГ, вып. 19, с. 301]. Интеллектуально неполноценный человек представляется как потерявшийся, блуждающий: диал. *заблуждэнье* ‘состояние превратно мыслящего, ошибающегося’ [Там же, вып. 9, с. 260], в двух *сосна́х* заблудíться ‘не суметь разобраться в чем-нибудь простом’ [ФСРГС, с. 74], *заплутáть* ‘сбить с толку кого-л.’ [СРНГ, вып. 10, с. 331], *колобрóдный* ‘ненормальный, помешанный’ [Там же, вып. 14, с. 147], *бродя́чий* ‘дурак’ [СГРС, т. 1, с. 188].

Во-вторых, глагольная лексика вскрывает ассоциирование результативности размышлений с достижением цели пути, то есть приближением движущегося объекта к некоторой точке пространства: диал. *доходить до чего* ‘понимать’ [СРГСУ, т. 1, с. 138], *добраться* ‘догадаться, сообразить, понять’ (волог.) [КСГРС], *догнать что* ‘понять’ [СРНГ, т. 8, с. 88], *додуть* ‘догадаться’ [НОС, вып. 2, с. 89], *догонить* ‘понять, догадаться’ (арх.) [КСГРС], *достреmitься* ‘догадаться, смекнуть’ [СРНГ, вып. 8, с. 149], жарг. *доезжать* ‘понимать, догадываться, додумываться’ [СМА, с. 113], *допереть* ‘понять что-л., догадаться о чем-л.’ [БСЖ, с. 164]. Обозначения интеллектуально полноценного человека обнаруживают видение его как способного устремляться и продвигаться к цели: диал. *достремливы́й* и *достреми́чивый* ‘догадливый, смышленный, сметливый’ [СРНГ, вып. 8, с. 149], *дохóжий* ‘находчивый’ [НОС, вып. 2, с. 100], *домёпистый* ‘умный, сообразительный, опытный’ [СРНГ, вып. 8, с. 154], *досту́пный* ‘способный понять что-л., овладеть чем-л.’ [Там же, с. 150]. Глупый человек, напротив, видится как не обладающий такой способностью: диал. *непро́шловатый* и *непрошловáтый* ‘несообразительный’ (волог.) [КСГРС], *недо́шлица* ‘умственно отсталая, недоразвитая женщина’ [СРНГ, вып. 21, с. 37], *недо́шлый* ‘глупый; слабоумный’ (арх.) [КСГРС], жарг. *не догонять* ‘не быть в состоянии мыслить, понимать’ [АТЛ].

Даже наименования мыслительной способности и интеллектуального багажа апеллируют к образу результативного продвижения по дороге: диал. *до́шлость* ‘находчивость’ [СРНГ, вып. 8, с. 165], *достре́мка* ‘смышленность’ [Там же, с. 149], *дохóд* ‘знание, понимание, представление’ (волог.) [КСГРС].

Особо выделяется здесь метафора столкновения субъекта умственного действия с некоторым пространством или телом: *воткнуться* ‘понять что-л., разобраться в чем-л.’ [БСЖ, с. 108], *впереть* ‘понять, разобраться, ухватить суть дела’ [СМА, с. 73], *врубаться* ‘понимать’

[БСЖ, с. 110], *вишарахнуться* ‘понять что-л., разобраться в чем-л.’ [Там же, с. 112], *врубить кого во что* ‘объяснять кому-л. что-л.’ [Там же, с. 110]. Отсюда однокоренные наименования людей (*врубант* ‘человек, который быстро входит в курс дела, сообразительный, догадливый’ [СМА, с. 74], *врубель* ‘понятливый, сообразительный человек’ [БСЖ, с. 110]) и процессов (*вруб* и *врубон* ‘понимание, осмысление чего-л. [Там же]’). Оппозицию им составляют такие языковые факты, как *не врубать, не врубаться, не въезжать* ‘не понимать’ [АТЛ], *не врубакен, не врубинштейн, не врубишен* ‘кто-л. не понимает чего-л.’ [БСЖ, с. 110].

Ум как путь. Здесь дорога предстает не как траектория движения мысли или субъекта интеллектуального действия, находящегося в поисках ответа на какой-либо вопрос. Самостоятельной, как нам кажется, нужно считать метафору следования по жизненному пути, точнее, метафору «полезного существования». Так, некоторые обозначения умного человека прямо апеллируют к слову *путь*: диал. *пўтний* ‘умный, толковый, дельный’ [СРНГ, вып. 33, с. 159], *путьявый* ‘толковый, дельный, полезный’ [Там же, с. 263]. Между ними и приведенными ранее словами *дотёпистый, дохожий, доступный* заметна разница в значениях. Для слов последней группы релевантны значения ‘догадливый’, ‘находчивый’, ‘способный понять’, в то время как в толкованиях слов *путьний* и *путьявый* собственно интеллектуальные характеристики человека соседствуют с оценкой его деловых качеств, наличие которых означает серьезное отношение человека к работе, способность трезво рассуждать, деловую хватку. Эти качества свидетельствуют о практическом уме, они присущи толковому человеку. Обозначения такого человека образованы от существительного *путь*, встречающегося в русских народных говорах в связанных словосочетаниях, значения которых содержат сему ‘полезный’ или ‘бесполезный’: диал. *без путья* ‘без толку, зря, напрасно’, *в путь* ‘на пользу, на здоровье’, *идти́ / пойти́ в путь* ‘приносить пользу’ и др. [СРНГ, вып. 33, с. 157]. Ср. простореч. *путь*

‘толк, польза’ (*В этом парне пути не будет. В мальчишке будет путь*) [Ожегов, с. 634]. Иметь практический ум значит постоянно думать о пользе дела и предпринимать действия, выгодные во всех отношениях (диал. *в путь* ‘дельно, как следует’ [СРНГ, вып. 33, с. 157]).

Согласно русской языковой картине мира, ум должен приносить пользу, а отсутствие такого – полезного, то есть практического – ума приравнивается к глупости. Умение применить практический ум на деле определяет основную линию поведения человека в жизни: такой человек «живет по уму», словно «идет по дороге», и начать совершать необдуманные, бесполезные поступки означает свернуть с дороги. Тот, в ком нет толка (толк – та же польза, прок, см. [ССРЛЯ, т. 13, с. 540]), то есть бестолковый, видится как отлученный от пути, по которому следовало бы продвигаться: диал. *беспута* и *беспутник* ‘бестолковый человек’ [СГРС, т. 1, с. 109]; *беспутёвый* [НОС, вып. 1, с. 55], *беспутница* [СРГСУ, т. 1, с. 44] и *беспутявый* [СГРС, т. 1, с. 109] ‘бестолковый’; *непутёвый* ‘глупый, непонятливый’ [СРНГ, вып. 21, с. 136], *беспуть* ‘неопытный, несообразительный человек’ [Там же, вып. 2, с. 276], *без пути* ‘бестолковый (о человеке)’ [ФСРГС, с. 159].

С проторенной дороги, исхоженной множеством людей, сходит человек, теряющий здравый рассудок: диал. *сбродить с ума* [Там же, с. 172], *попятить с ума* [СРНГ, вып. 30, с. 27], *сбиться с ума* [ФСРГС, с. 171], *покатиться с ума* [СРНГ, вып. 28, с. 372], жарг. *съехать* [СМА, с. 460], *съехать с рельс* [АТЛ], *съехать с катушек* [Там же], *отъехать* [СМА, с. 309], *сползать* [БСЖ, с. 560], *сруливать* [Там же, с. 561] с общим для них значением ‘сходить / сойти с ума’. Ср. также жарг. *съехавший* ‘сумасшедший’ [АТЛ].

Возможно, к этой группе следует отнести диал. *с круга сбиться* ‘лишиться разума (о ярости)’ [СРНГ, вып. 36, с. 172]. В данном случае под кругом можно понимать не часть плоскости, ограниченную окружностью, а собственно окружность (символ дороги, замыкающейся в

кольцо) и видеть в нем знак привычного течения жизни, обычного существования человека, которому приписывается норма умственных способностей (ср. литер. *ходить по кругу* ‘о повторяющемся движении’ и *на круги своя возвращаться* ‘возвращаться к прежнему состоянию’, подчеркивающие ассоциирование круга с привычными или повторяющимися действиями). Кроме того, согласно наивным представлениям, существует противостояние разума и чувства, и переживание бурных эмоций – к примеру, ярости – оценивается как нечто из ряда вон выходящее и изображается языковыми средствами в виде отклонения от дороги.

Ситуация отклонения от пути тесно переплелась с двумя другими схожими метафорами, так что провести между ними четкую границу невозможно. Первая метафора – умственная неполноценность как выход субъекта интеллектуальной деятельности за пределы собственного интеллектуального пространства, которое имеет бытийные характеристики (протяженность), т. е. является местом пребывания обладателя здорового интеллекта. Но часть языкового материала позволяет реконструировать ситуацию, когда пространство имеет функциональные характеристики (направленность) и получает метафорическое сходство с дорогой. По сути, перед нами трудноразграничиваемые варианты одной модели, согласно которой ум есть некое пространство, а наступление интеллектуальной неполноценности – удаление из него (отклонение от линии-дороги либо уход с некой «площадки»). Есть языковые факты, которые вообще не представляется возможным однозначно квалифицировать и отнести к тому или иному варианту, и их большинство, к примеру, диал. *отставáть от ума́* ‘сходить с ума’ [СРНГ, вып. 24, с. 320], *отойти́ от ума́* ‘сойти с ума’ [Там же, с. 255] и др.

Модель «глупеть, сходить с ума – сбиваться с дороги» располагается в точке пересечения трех моделей: 1) «быть умным, толковым – идти по верному пути», 2) «мыслить – двигаться по дороге

в определенном направлении», 3) «быть умственно здоровым – находиться на территории ума». Трудно сказать, какая из них явилась базой для метафорического осмысления ситуации ослабления умственных способностей, но все три модели питают этот образ, обеспечивают его стабильное существование и являются залогом того, что этот образ станет «долгожителем», долго не утратит актуальность в наивной картине мира русского человека.

Вполне закономерно, на наш взгляд, что образованность тоже ассоциируется в русских народных говорах с дорогой, необразованность – с бездорожьем: ср. диал. *торёный* (*На чужой дальней стороне – Там уж люди учёные, там уж люди торёные*) [СРНГ, вып. 21, с. 177] и *не-торёный* ‘незнающий, неумелый’ [Там же]. Сделанный в приведенном контексте акцент на разделении социума на своих и чужих, живущих в разных местах и по-разному, подсказывает, что тут не обошлось без влияния метафоры «глупый, необразованный – дикий, живущий в глуши». Основной атрибут глухого места – лес, непролазные заросли (диал. *тёмный лес – никакого просвёта* ‘глупый, тупой’ [ФСРГС, с. 105]) – явная противоположность торным дорогам как олицетворению ума и образованности. Неслучайно диал. *заблуждённый* имеет значение ‘необразованный, отсталый, темный’ (арх.) [КСГРС].

Ум как багаж, приобретенный в результате «ходьбы», движения. Некоторые обозначения знающего человека производны от глагола *ходить*, но при этом не реализуют метафору пути, описанную выше. Имеются в виду диал. *проходíмец* ‘бывалый человек, много видевший, много знающий’ и *проходимка* ‘то же (о женщине)’ [СРГСУ, т. 5, с. 38; КСГРС], *проходíмой* и *проходнóй* ‘знающий, толковый, опытный, сметливый’ [СРНГ, вып. 33, с. 31; Там же, вып. 30, с. 41], *прохóдец* ‘умудренный жизнью человек’ [СРНГ, вып. 33, с. 303], *прошлéц* ‘человек, побывавший во многих местах и много видевший, знающий, бывалый’ (*От этого прошлеца многое я узнал... от прошлеца я вырос на голову*)

[Там же, с. 52]. Здесь хождение не является метафорой блуждания в поисках смысла; оно является базой для смысловой пропозиции «тот, кто через многое прошел», то есть обрел жизненный опыт, частью которого являются знания, житейская мудрость, практический ум.

Интеллектуальная активность, направленная на узнавание, приобретение знаний, ассоциируется с движением воды, способной просочиться даже в труднодоступные места. Надо полагать, диал. *мы́ра* ‘всезнайка’ [СРНГ, вып. 19, с. 57] – это дериват глагола **myriti*, семантика которого связана преимущественно с обозначением движения водной поверхности: рус. диал. *мы́рить* и *мы́рить* ‘кружиться в водовороте; рябить (о водной поверхности)’, ‘нарушать водную гладь, рябить гладкую поверхность воды’ [ЭССЯ, вып. 21, с. 42–43]. Возможно семантическое развитие ‘течь’ → ‘пронырливый’ → ‘всезнайка’.

Интеллектуальная неполноценность как участок пространства, куда попадает человек. Негативное изменение умственных способностей человека ассоциируется с попаданием его в некое пространство, находящееся за пределами личного пространства человека и являющееся «царством глупости или безумия»: диал. *в не́уме кто-л.* ‘о сумасшествии’ (*Годов уж пять как он в неуме*) [СРНГ, вып. 21, с. 193], *прийти́ в безу́мие* ‘обезуметь, лишиться ума’ [Там же, вып. 31, с. 233], *прийти́ в безу́мство* ‘сойти с ума’ [Там же, вып. 2, с. 202], *впасть в детство* ‘поглупеть, вести себя неразумно, несообразно возрасту’ [СОВРЯ, с. 174].

Глупость как субстанция, занимающая личное пространство человека. Наименования небольших пространств, имеющих относительно четкие границы, – *место, поле, гнездо* – могут приобретать значение ‘средоточие, место скопления чего-л.’ В трех диалектных фактах обнаруживается метафорическая ситуация, когда человек приравнивается к участку пространства и представляется как место, где располагалась или обитает глупость: диал. *ди́ко ме́сто* ‘о плохо соображаю-

щем или помнящем что-л. человеке' (волог.) [КСГРС], *дуракóво по́ле* 'о глупом, бестолковом человеке, дураке' [СРНГ, вып. 8, с. 264], *ду́рье гнездо́* 'о глупом, бестолковом человеке, дураке' [Там же, с. 266]. Аномалия, по-видимому, и заключается в том, что там, где должно быть средоточие ума, находится средоточие глупости.

Интеллектуальное бессилие как результат захвата интеллектуального пространства враждебными сущностями. Ослабление умственных способностей человека представлено в русской народной картине мира также как результат нашествия какого-либо захватчика на определенную территорию. «Захватнические намерения» выявляет глагольная лексика: *напасть / найти (на кого) / взять (кого) / хватить (кого) / ударить (в/на кого)*. «Захватчик» либо остается безликим (диал. *вступило в го́лову* 'об утрате способности соображать, понимать' [ФСРГС, с. 32]), либо в этой роли выступают *не́ум* и *неу́м*, *глум*, *па́морки* / *па́мороки*, *морóки*: диал. *не́ум / неу́м взял* 'о сумасшествии' [СРНГ, вып. 21, с. 193], *па́морки напáли* 'о невменяемости' [Там же, вып. 25, с. 185], *па́мороки хватили* 'о невменяемости' [Там же], *морóки ударя́ют в/на го́лову* 'наступает помрачение рассудка' [Там же, вып. 18, с. 273], *глум в го́лову заи́ёл / пои́ёл* 'о помрачении ума, расстройстве умственных способностей' [ПОС, вып. 6, с. 187]. Нередко происходит метонимический перенос с головы человека на него самого, ср. глагольное управление в диал. *глум наи́ёл на кого* 'о помрачении ума, расстройстве умственных способностей' [ПОС, вып. 6, с. 187].

«Военные действия», таким образом, идут на территории ума, который, в свою очередь, «сдает свои позиции»: диал. *ум отхо́дит* 'об ослаблении умственных способностей' [СРНГ, вып. 24, с. 354], *ум отсту́пится* 'о состоянии, при котором кто-л. не может понять, постичь что-л.' [СДЛ, с. 169].

Наконец, в диал. *бе́столочью обтяну́ло* 'поглупеть, начать плохо соображать' [СРГК, вып. 1, с. 71] присутствует образ, лишенный воин-

ственности и наступательной агрессии, но в нем человеческий ум предстает как пространственный объект, который как бы попадает в окружение, в паутину, в сети чего-то чужого, инородного.

Из представленного набора моделей нельзя составить целостную картину, так как иногда модели взаимоисключают друг друга. Например, интеллектуальное благополучие, равно как и интеллектуальное бессилие, представляются как «участки» личного пространства человека. *Ум* – это и пространство, по которому передвигается субъект мышления, и зона, куда проникают, где обитают и передвигаются идеальные объекты, и территория, которой пытается овладеть враждебная субстанция, и место хранения интеллектуального багажа, и дорога (линия), которой придерживается человек. *Субъект интеллектуальной деятельности* – основное действующее лицо:

- осуществляющее передвижения в личном интеллектуальном пространстве в поиске верного пути к решению интеллектуальной задачи;
- чаще всего способное управлять движением идеальных объектов в том случае, если они находятся в его личном пространстве, манипулировать ими;
- в то же время вынужденное претерпевать их несанкционированное вмешательство в свою деятельность, выражающееся в стремлении овладеть личным пространством человека.

А, к примеру, наделенные двигательной активностью *идеальные объекты* («невещественные предметы»), находясь в личном пространстве человека, то существуют и движутся независимо от субъекта мышления, то непосредственно управляются им; они то враждебны ему, то подчинены, послушны. Они обитают, по-видимому, также и за пределами личного пространства индивидуума. Все это доказывает принцип мозаичного построения языковой картины мира, а также протеизм, бес-

конечную многогранность пространственной метафоры, являющейся, пожалуй, самым гибким метафорическим инструментом.

Способности и состояния чаще всего получают статус пространственных объектов, а мыслительные операции закономерно осмысляются через передвижение различных объектов в пространстве. Именно по этой причине глаголы поля «Движение и местопребывание» широко используются для выражения развития мысли, динамики мыслительного процесса [Гак, 1993, с. 29].

Кроме того, ономаσιологический анализ лексики поля «Интеллект человека» показывает актуальность оппозиций, имеющих пространственное «звучание»:

- большой – маленький (диал. *большеу́мой* ‘много знающий, рассудительный, очень умный’ [СРГСУ, т. 1, с. 50], *маловня́тный* ‘непонятливый, бестолковый’ [СРНГ, вып. 17, с. 332], *малоду́мный* ‘легкомысленный, плохо, с трудом соображающий’ [Там же], *малоду́шный* ‘бестолковый’ [Там же, с. 333], *маломáльный* ‘бестолковый, бездарный, глуповатый’ [Там же, с. 335], *малоу́м* ‘глупец, дурак’ [Там же, с. 338] и др.);

- высокий – низкий (диал. *высокоу́м* ‘человек, много знающий, очень умный’ [НОС, вып. 1, с. 151]);

- длинный – короткий (пословица *Волос длинен, а ум короток* и жарг. *дл́нный* ‘умный’ [БСЖ, с. 160]);

- объемный, имеющий широкий охват – узкий, имеющий малый охват (*дальновидный*; *недалёкого ума (кто)*, *недалёкий*, *ограниченный*, *узкий кругозор*, *не видеть дальше собственного носа*, диал. *недальновидный* ‘недальновидный, непроницательный’ [СРНГ, вып. 21, с. 8], *окоё́мный* ‘глупец, дурак, болван’ [Там же, вып. 23, с. 133], *окоём* ‘глупец, дурак’ [Там же, с. 106], *на пёчке блудиться* ‘о нерасторопном, бестолковом, глуповатом человеке’ [ФСРГС, с. 13], *вся доро́га от пёчки до поро́га* ‘об узости жизненных интересов, ограниченности кого-либо’

[СРНГ, вып. 27, с. 7], *тёсный* ‘узкий, ограниченный, туповатый, одно-сторонний’ [Даль, т. 4, с. 450]; диал. *оха́пнуть* ‘постигнуть, охватить (разумом), понять’ [СРНГ, вып. 25, с. 26]); обратим внимание на то, что отрицательно маркировано движение по кругу и замкнутость²⁴: диал. *о́кружа́ть* ‘потерять память, сознание, утратить способность ясно воспринимать окружающее’, *о́круг* и *о́кру́г* ‘глупый человек’ [СРГСУ/Д, с. 368], *зациклиться* ‘потерять способность соображать’ [АТЛ];

- глубокий – мелкий: (*глубокий ум, глубокомысленный* ‘высказывающий глубокие мысли; вдумчивый, проницательный’ [ССРЛЯ, т. 3, с. 147], *углуби́ть во что-л. ум* ‘усиленно вдумываться’ [Даль, т. 4, с. 466], диал. *в три ко́лена зéмлю мёрзлую víдит* ‘о знающем, проницательном человеке’ [СГРС, т. 2, с. 204], *из воды дно достанет* ‘находчивый, сообразительный человек’ [ФСРГС, с. 64], *донный* ‘знающий, сообразительный, плутоватый’ (арх.: *Так-ту Дерябиным его зовут, а прозвище – Коля Донный, хитрой он, потому*) [КСГРС]; *мелкоу́менькой* и *мелкоу́мненькой* ‘слабоумный’ [СРГСУ, т. 2, с. 125]). Эти языковые факты запечатлели представления об уме как способном проникать вглубь и о глубине как мере ума.

Маленький, узкий, мелкий, короткий – это параметрические характеристики глупости. Соответственно, большой, широкий, глубокий, длинный, высокий – пространственные параметры, приписываемые в наивной языковой картине мира уму.

²⁴ «Небольшие, ограниченные пространства имеют тенденцию к негативной оценке в языковых картинах мира» [Сукаленко, 1991, с. 14].

Глава 4

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Вещные образы нередки в языковых репрезентациях интеллектуальной семантики, поскольку человек воспринимает мир органами чувств. В фокусе языка находятся как новые, актуальные для современности предметные области (техника), так и традиционно русские предметы обихода (домашняя утварь, одежда, обувь и др.), которые несут значительную аксиологическую нагрузку в русской картине мира. Особое место занимают материалы, обладающие различными свойствами, поскольку, согласно наивным представлениям, состав предмета многое объясняет в его свойствах и особенностях функционирования или использования.

4.1. ПРЕДМЕТНЫЙ КОД

Некоторые образы неодушевленных реалий окружающего мира обретают знаковые функции в наивно-языковой картине мира. «Вещная» лексика обнаруживает активность и в семантическом пространстве «Интеллект человека», находясь под прессом смысловых конфигураций данного поля, то есть подчиняясь мотивам, пронизывающим пласт соответствующей лексики. Многообразие предметного мира привносит заметную пестроту в представляемый код.

«Обувная» метафора. В лексико-семантическом поле «Интеллект человека», состоящем из двух относительно самостоятельных лексико-семантических зон, чрезвычайно важна семантическая оппозиция «верх – низ», поскольку первый элемент этого соотношения, как правило, объединяет позитивные оценки, а второй элемент оппозиции традиционно притягивает негативные коннотации: «Как принято в когнитивистских работах, ‘вверху’ на оценочной шкале означает ‘хорошо’, ‘внизу’,

напротив, ‘плохо’» [Jakubowicz, 2000, с. 127]. Ср.: *высокий* ‘почетный’ и ‘очень хороший’ [Ожегов, с. 119], *низкий* ‘плохой, неудовлетворительный в качественном отношении’ и ‘подлый, бесчестный’ [Там же, с. 417], *низкопробный* ‘низкий в моральном отношении’, *низость* ‘бесчестный поступок’ [Там же].

Пейоративные коннотации низа обеспечили в современном молодежном жаргоне использование слов тематической группы «Обувь» в качестве обозначений глупого человека: диал. *как сибі́рский ва́ленок* ‘глупый, неумный’ [НОС, вып. 4, с. 8], *ла́поть* ‘о глупом, несообразительном человеке’ [СРНГ, вып. 16, с. 266] и ‘простоватый, глуповатый человек’ (волог.) [КСГРС], жарг. *тапочек* ‘дурак, идиот, недотепа’ [СМА, с. 463], *туфля́* ‘дурак, тупица, растяпа’ [Там же, с. 483], *калоша* ‘растяпа, дурак’ [Там же, с. 184], *сапог* ‘дурак, тупица’ [Там же, с. 419], *стелька* ‘глупый человек’ [Там же, с. 451], *валенок* ‘неопытный, не разбирающийся в чем-л. человек, дилетант’ [БСЖ, с. 87], *баши́мак* ‘глупый, несообразительный человек’ [Там же, с. 55]. Поляризация верха и низа подкрепляется в данном случае противопоставлением интеллекта, локализованного «вверху, в голове», и обуви, манифестирующей «наибольшую удалённость от головы».

В языковой концептуализации представлений об интеллекте через посредство «обувной» метафоры участвует диалектная лексика, первоначально называвшая старую, изношенную или традиционно русскую «бедняцкую» обувь: диал. *у́пак* ‘неряшливый, несообразительный, бестолковый и ленивый человек’ (ср. *упак* ‘легкая обувь из сыромятной кожи, род сапога’, ‘валенок’, ‘плетеная обувь, род лаптя’, ‘любая некрасивая или пришедшая в негодность обувь’) (волог.) [КСГРС]; *чупа́к* ‘невежа, «темный» человек’ (от *чупак* ‘валенок’) (арх.) [Там же]; *ото́пок полевóй* ‘о темном, необразованном человеке’ (ср. *отопок* ‘старая изношенная обувь’, ‘лапоть’) [НОС, вып. 7, с. 54]; *лапоті́на* ‘недоразвитый человек’ (ср. *лапотина* ‘обувь’, ‘большой лапоть’) [Там же, вып. 5, с. 7];

щи ла́птем хлебáть ‘быть недоразвитым человеком’ [Там же, с. 8]; *как по́ришень (кто)* ‘несообразительный человек’ (ср. *поршни* ‘короткая легкая обувь’, ‘опорки; старая изношенная обувь’, ‘лапти из бересты или лыка’) [СРНГ, вып. 30, с. 118]. Производные с тем же корнем, что в диал. *опо́рина* ‘о недалеком, не очень развитом человеке’ [Там же, вып. 23, с. 280] и *опо́ря* ‘бестолковая женщина’ [Там же, с. 282], являются в русских говорах обозначениями разных видов изношенной обуви, одежды: *опо́рки, опо́рина, опо́рченки, опо́рышень, опо́рыши* [Там же, с. 280–282]. В диалектных обозначениях глупого человека присутствуют мотивы «негодный» (он обнаруживается на базе сем ‘старый’, ‘изношенный’) и «принадлежащий низкому сословию».

Метафора одежды. Элементы одежды обладают в народной традиции знаковой функцией: «Одежда – наиболее семиотизированная подсистема предметного кода культуры, наделенная широким кругом значений и функций, служащая маркером пола, возраста, семейного, социального, сословного, имущественного положения и др.» [Толстая, 2005, с. 42]. В языковых репрезентациях интеллектуальной неполноценности отмеченными оказались такие элементы одежды, как шапка, пояс (либо платок).

Ассоциирование глупого человека с шапкой-ушанкой является продолжением мотива вислоухости, лопоухости дурака: диал. *малаха́й-ник* ‘невежа, неуч’ [СРНГ, вып. 17, с. 319], *махала́й, махла́й* и *махла́к* ‘о глупом, неповоротливом человеке’ [Там же, вып. 18, с. 43–47] (ср. литер. *малахай* ‘род старинного крестьянского головного убора – большая шапка на меху с наушниками’ [Ожегов, с. 339], диал. *махалай, махлай, махлак* ‘шапка малахай’ [СРНГ, вып. 18, с. 43–48]); простореч. *тумак* ‘о глупом, малознающем, малосоображающем человеке’ [ССРЛЯ, т. 16, с. 1119], диал. *тума́к тумакóм* ‘об очень глупом человеке’ [ФСРГС, с. 199], жарг. угол. *тумак* ‘бестолковый человек’ [БСЖ, с. 602] (ср. обл.

тумак ‘ меховая шапка-ушанка ’ [ССРЛЯ, т. 16, с. 1118], *тумак* ‘ ушастая шапка, малахай, треух ’ [Даль, т. 4, с. 442]).

В народном языковом сознании немаловажной оказывается и эстетическая функция одежды; как отклонение от нормы оценивается небрежное повязывание пояса или платка: *крíво повязана* ‘ о необразованной деревенской женщине ’ [СПП, с. 47], *кóсо повязан* и *крíво повязан* ‘ о человеке глупом, слабого ума ’ [НОС, вып. 8, с. 11].

Метафора бытовой емкости. Уподобление человеческой головы сосуду традиционно для разных культур и для разных подсистем общенародного языка: литер. *котелок* ‘ голова ’ [Ожегов, с. 301], жарг. *жбан-дель* ‘ голова ’ [БСЖ, с. 180] (от *жбан* с экспрессивным аффиксным расширителем), *ведро* ‘ голова (обычно о пустом, глупом человеке) ’ [Там же, с. 91], *чан* ‘ голова ’ [Там же, с. 664]. Существительное *калган*, используемое в русских говорах в значении ‘ голова ’ (перм., том., краснояр., пенз., куйбыш., ср.-урал., свердл.), является также обозначением различных сосудов: ‘ деревянная миска, чашка, блюдо ’ (тамб., ворон., влад., ряз., калин., дон. и др.), ‘ самодельный ковшик ’ (твер., самар., влад.), ‘ горшок с высоким горлом (особенно недобитый, ветхий) ’ (моск., твер., олон.) [СРНГ, вып. 12, с. 341]. Диал. *бук* ‘ глупая голова ’ производно от *бук* ‘ деревянный чан для кипячения и отбеливания белья и пряжи ’ [СГРС, т. 1, с. 205]. Диал. *шабалá* ‘ голова, башка ’ (арх., волог.) [КСГРС] вторично по отношению либо к *шабала* ‘ миска, чашка, сделанная из твердого нароста на стволе дерева ’ [Там же], либо к *шабала* ‘ кувалда, колотушка ’ [Там же]. Оба переноса вполне правомерны, второй вариант регулярно воспроизводится именно в говорах: смол. *балдавя* ‘ 1) трость с большим набалдашником, палка с утолщением на конце; 2) голова; 3) бестолковый, глуповатый человек ’ [ССГ, т. 1, с. 111] и др. Однако при употреблении слова *шабала* в сочетании с *не варит* значение ‘ сосуд ’, возможно, становится релевантным. Отметим, что *калган*, *шабала* и *бук* – обозначения сосудов, изготовленных из де-

рева, поэтому на уровне коннотаций возможно влияние «деревянной метафоры».

Перечисленные обозначения головы либо называют именно глупую голову, поскольку важен мотив «пустой», либо являются структурным элементом фразеологизмов: диал. *котелок не сработал* ‘не сообразил, не понял’ [ФСРГС, с. 97], жарг. *из кастрюли пар не идет* ‘не соображает кто’ [АТЛ], *чан течет у кого* ‘кто-л. плохо соображает, поступает странно, ведет себя подобно сумасшедшему’ [БСЖ, с. 664], *котелок дырявый* и *котёл прохудился* ‘о плохо соображающем человеке’ [АТЛ]. Многочисленные номинации являются результатом метонимического переноса: диал. *калган* ‘глупец, дурак’ [СРНГ, вып. 12, с. 342], *шабалá* ‘о бестолковом, долго соображающем человеке’ (волог.) [КСГРС], жарг. *чайник* ‘дурак, идиот, тупица’ [СМА, с. 540], *горшок* ‘глупый, недалекий человек’ [БСЖ, с. 136], *пустая кастрюля* ‘дурак, пустой человек’ [СМА, с. 189] и др. При использовании образа сосуда может актуализироваться мотив неподвижности: диал. *сидеть как албан* ‘о ничего не понимающем, глупом человеке’ (от *албан* ‘деревянный долбленный сосуд’) [СПП, с. 85].

Среди емкостей особо выделяются плетеные корзины, диалектные обозначения которых развивают переносное значение ‘глупый человек’: диал. *лукно́* ‘простофиля’ (ср. значения ‘лукошко, корзинка из прутьев, лыка’, ‘решето для просеивания муки’) [НОС, вып. 5, с. 51], *бестёрь* ‘глупый, ленивый человек’ (‘большая корзина для переноски травы, сена, мякины’, ‘заплечный короб из бересты или сосновой дранки’) [СГРС, т. 1, с. 110], *пéстерь* ‘тугодум’ (от *пестерь* ‘большая заплечная корзина из бересты, лыка или дранки’) (арх.) [КСГРС], диал. *пестеришко* [удар.?] ‘о глупом человеке’ [СРНГ, вып. 26, с. 310], *пестерюшка* и *пестерюга* ‘о бесхитростном, простоватом человеке’ [Там же, с. 313]. Все это первоначально названия изделий из бересты или лыка – материалов, обозначения которых обнаруживают связь с интеллектуальной

неразвитостью в выражениях *лыком шит* ‘невоспитанный, необразованный’ [СРФ, с. 355], *чумán берестяной* ‘глупый, непонятливый человек’ (от *чумán* ‘посуда из бересты’) [СРГСУ, т. 7, с. 35].

Метафора огородного пугала. «Чучельная» метафора выявляется в следующих языковых фактах: *чучело гороховое* ‘о том, кто выставляет себя в смешном или глупом виде’ [Ожегов, с. 890], диал. *маяк* ‘о бестолковом, ни на что не годном человеке’ [СРГНО, с. 294] и ‘человек, молчащий и ничего не понимающий’ [СРНГ, вып. 18, с. 61] (от диал. *маяк* ‘пугало, чучело, которое ставят в огороде для отпугивания птиц’) [СРГНО, с. 294], *полóхало* и *полóхало горóховое* ‘чудак, сумасброд, дурак’ [СРНГ, вып. 29, с. 129], *полóхало* и *полохáло* ‘глупый человек’ (от диал. *полохало* ‘огородное пугало’) (волог.) [КСГРС]. Зафиксированный контекст обнаруживает актуальность для носителя говора семы ‘заполошный, взбалмошный, психически неуравновешенный’, на что указывает использованный информантом образ *ружья* (результат аттракции слов *полохало* – *полыхать* – *заполошный*): *Полохало не дурак, а говорят – вроде Володи, похоже на ружьё* (волог.) [Там же]. Чучело может быть и символом «безучастной неподвижности», на что указывает контекст к существительному *маяк*: *Ему говоришь, а он, как маяк, молчит, стоит, как маяк* [СРГНО, с. 294]. Наконец, в диал. *пришивная голова* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [ПОС, вып. 7, с. 53] тоже видится «чучельная» голова, набитая соломой или хламом. В данном случае запечатлена метафора содержимого, активная в языковой концептуализации умственных способностей человека.

«Мусорная» метафора. Уже упоминавшаяся ранее в связи с образом изношенной обуви метафора хлама еще более явственно обозначилась в модели «дурак – хлам»: диал. *опáрыш* ‘глуповатый человек’ (от *опарыш* ‘пришедший в негодность банный веник’) [СРГСУ, т. 3, с. 58]; *пáсмо* и *пáсмо дíкое* ‘о глупом и неряшливом человеке’ [СРНГ, вып. 25, с. 259], *дíкая пáсма* ‘глупый человек’ [ФСРСГ, с. 132] (ср.: *дикая пасма*

‘нерасчесанный, скомканный лен’ [СРНГ, вып. 8, с. 57]); *дудора* ‘дурак, дура’ (от *дудора* ‘что-л. плохое, непригодное; хлам, мусор, дрянь, рухлядь’) [Там же, с. 250]; *шума* ‘тот, у кого недостаточно развиты умственные способности’ (от *шума* ‘мусор; мякина, отходы при молочении зерна’ [НОС, вып. 12, с. 109]); *кострик* ‘о глупом человеке’ (ср. *кострить* ‘отделять жесткую кору льна, костру путем трепания’, *кострига*, *кострика*, *кострык* и др. ‘жесткая кора льна и конопли, остающаяся после их трепания и чесания; костра’ [СРНГ, вып. 15, с. 79–80]); *парх* / *пархатик* / *пархатый* ‘очень молодой, неопытный или глупый человек’ (от *парх* ‘сыпь со струпьями; парша; перхоть’) [Там же, вып. 25, с. 247–248]; *отрёпный выбиток* ‘невежда, неуч’ (от *отрёпный выбиток* ‘грубые остатки льна, отрепки’) [Там же, вып. 24, с. 294]; *захломоть* ‘неразвитый, не все понимающий’ (ср. *захломотать* ‘захлупить, засорить’) [НОС, вып. 3, с. 86]; *осмёт* ‘о глупом человеке’ (ср. *осмётка* ‘старая тряпка’; *осмётки*₁ ‘изношенные лапти’ и ‘лохмотья; сильно поношенная одежда; тряпье’; *осмётки*₂ ‘сор, мусор; грязь’) [СРНГ, вып. 24, с. 29].

Мотивацию «не очищенный от примесей, захламленный» [Там же, вып. 21, с. 114] имеют диал. *неподсеванный дурак* ‘об очень глупом человеке’ [Там же] и *неопиханный* ‘глупый, придурковатый’ (волог.) [КСГРС] с контекстом: *Раньше-то у нас овёс да ячмень в ступе опихивали, чтоб чистый был; неопиханный – значит не хватает ума, тупой.*

Диалектный лексический материал, составляющий эту группу обозначений интеллектуально неполноценного человека, выражает мотив «негодный, никчемный (человек)», ср. также жарг.: *Тебя что, в помойке нашли?* ‘о глупом человеке’ [АТЛ], *вётошь* ‘простак’ [БСЖ, с. 96], *ветошный* ‘излишне доверчивый, простоватый человек’ [Там же, с. 95].

Самостоятельную ветвь «мусорной» метафоры образуют языковые факты, рисующие глупого человека как имеющего голову, наполненную

хламом: *толокóнный лоб* ‘о глупом, бестолковом человеке, дураке’ [СРФ, с. 345], диал. *в головé пелёва у кого* ‘о глупом, бестолковом, несообразительном человеке’ [СРНГ, вып. 25, с. 322], *голова соломой набита*, *головá пелáми набíтая* ‘о глупом, бестолковом человеке’ (от *пелы* ‘мякина, отходы при обработке зерна, льна’) [СПП, с. 28], *головá пелóвая* ‘о глупом, бестолковом человеке’ [ПОС, вып. 7, с. 53], *мякíнная головá* ‘глупый, дурной человек’ [ФСРГС, с. 45], *в головé потрёпки* ‘о глупом, несообразительном человеке’ [СПП, с. 28], жарг. *в голове солома* ‘о глупце’ [АТЛ] и др. Эти идиомы опираются уже не на мотив «никчемный (о человеке)», а на мотив «имеющий неполноценный орган мышления».

Метафора деревообработки. Образ «деревянного человека» той своей стороной, которая касается обработки древесины, имеет выход в концепт культуры поведения и образованности человека: диал. *болвáн* ‘глупый, непослушный, упрямый человек’ [СРНГ, вып. 3, с. 71] (от *болван* ‘грубо отесанный обрубок дерева, баклуша’ [ССРЛЯ, т. 1, с. 548]), *колчу́шка* ‘неопрятный и глупый человек; болван’ (от *колчушка* ‘обрубок дерева, деревяшка’) [СРНГ, вып. 14, с. 203], *балабáн* (от *балабан* ‘болванка, кусок дерева, из которого делают топорище’ [НОС, вып. 1, с. 26], *неотёсок* ‘некультурный, необразованный человек’ [СРНГ, вып. 21, с. 104], *нестрóганы́й* ‘невоспитанный, необразованный’ [Там же, с. 166], жарг. *недоструганный*, *полено недоструганное* и *буратино недоструганный* ‘глупый, неразвитый’ [СМА, с. 277].

Ровно противоположный образ возникает в диал. *полирóванный* ‘образованный, умеющий обращаться с людьми’ [СРНГ, вып. 29, с. 74]; ср. *полировка* ‘о внешнем лоске, внешних признаках культуры; об умении обращаться с людьми’ [ССРЛЯ, т. 10, с. 993], диал. *полировать* ‘обучать, воспитывать, приучать к хорошим манерам’ [СРНГ, вып. 29, с. 74]) и диал. *обаклáниться* ‘стать более культурным, воспитанным’ [Там же, вып. 21, с. 344]. Последнее производно от *баклан* ‘обрубок де-

рева, бревна; чурбан' [Там же, вып. 2, с. 60] и актуализирует предназначенность деревянной заготовки к обработке.

Отмечая тот факт, что «слова *болван, бревно, дубина, пень, полено, чурбан, чурка* и т. п. в прямом значении обозначают необработанные куски дерева или деревянные изделия, имеющие очень простую, примитивную форму», В. В. Глушкова выдвигает предположение о том, что для появления переносных наименований глупого человека имеет значение именно тупая, незаостренная форма деревянных предметов [Глушкова, 1999, с. 238] (ср. аналогичные названия *тупой, тупица* и т. п.). Думается, однако, что необработанность деревянного изделия не дает коннотации «незаостренный» для переносных значений, в отличие, например, от жарг. *карандаш неподточенный* 'о плохо соображающем человеке' [АТЛ]. В случае упоминания деревянной заготовки более важной кажется коннотация «плохо изготовленный (о человеке)», которая выводит на образ дурака как неудавшегося творения, недочеловека (см. метафору неудавшейся выпечки, а также диал. *недохóжий до людей* 'со странностями, придурковатый' [СРНГ, вып. 21, с. 36], *безлю́дые* 'плохой или глупый человек' [Там же, вып. 2, с. 192], *нелюдско́й* и *нелю́дь* 'глупый, неумелый; неотесанный' [Там же, вып. 21, с. 76]).

Метафора торчащего пня, бревна. Данная модель уже привлекала внимание лингвистов: «Для обозначения глупого, бестолкового человека употребляются... названия частей дерева, и прежде всего наименование нижней части ствола дерева – существительное *пень*» [Бахвалова, 1993, с. 55]. Семантический перенос «пень → глупый человек» обладает высокой продуктивностью. Русским говорам известны следующие обозначения глупого человека: *калбе́к, калбе́ка, калбе́шечка, калбе́шка, калба́к* 'о глупом, бестолковом, некультурном человеке' [СРНГ, вып. 12, с. 340]; *не́шка* 'о глупом, несообразительном человеке' [Там же, вып. 27, с. 14]; *осмо́лок* 'о глупом человеке' [Там же, вып. 24, с. 30]; *кобё́л* 'о глупом, бестолковом человеке' [Там же, вып. 13, с. 356]; *коблѝ́ха*

‘некультурная, невежественная женщина’ [Там же, вып. 14, с. 15], *коко́ра* ‘о глупом человеке; дурак, дура’ [Там же, с. 94]; *кочёра* ‘глупец, упрямец’ [Там же, вып. 15, с. 126]; *остоло́п* ‘дурак, болван’ [МАС, т. 2, с. 656] и *остоло́б* ‘дурак, негодяй’ [СРНГ, вып. 24, с. 72]. Ср. соответственно: диал. *калбека* ‘пень’ [Там же, вып. 25, с. 340], *колбан* ‘обрубок дерева, доски’ [Там же, вып. 14, с. 112], *пешка* и *пешко* ‘пень, пенёк’ [Там же, вып. 27, с. 13], *осмолук* ‘пень, полено’ [Там же, вып. 24, с. 30], *кобёл* ‘пень, пенёк’ [Там же, вып. 13, с. 355] и *кобля́* ‘пень’ [Там же, вып. 14, с. 15], *кокорá* ‘пень, вывороченный с корнями’ [Там же, с. 93], *кочёра* ‘обрубок суковатого дерева; пень с кривыми корнями, коряга’ [Там же, вып. 15, с. 126], *остолон* ‘столб’, ‘высокий пень от сваленного дерева’ [Там же, вып. 24, с. 73].

Существительное *пень* ‘о глупом или бесчувственном человеке’ [МАС, т. 3, с. 40], его производные (*пенек* ‘о глупом, невежественном, неотесанном или неразвитом человеке’ [СРНГ, вып. 25, с. 338]) и построенные с его участием фразеологизмы воплощают мотив ‘безучастно стоящий’, который открыто заявляет о себе в разг. *как пень стоит кто* ‘неподвижно, бессмысленно’ [Ожегов, с. 498], диал. *как пень в поле* ‘о глупом человеке’ [ФСРГС, с. 133] (ср. диал. *как кочка в поле* ‘о глупом человеке’ [СРНГ, вып. 29, с. 45]). Часто определения к слову *пень* несут функцию интенсификатора экспрессии: диал. *пень пня́стый* ‘осел, болван’ [Там же, вып. 27, с. 178], *пень в два обхва́та* ‘глупый, тупой человек’ [ФСРГС, с. 133], *пень горелый* ‘о глупом человеке’ [Там же]. Нередко носитель языка совмещает в одной идиоме две метафоры. Например, диал. *пень божий* ‘о тупом, ограниченном человеке’ [СРНГ, вып. 25, с. 346] апеллирует к мотиву божественного промысла и – далее – чужести, инаковости, избранности дурака; ср. укр. *дурний як божий баран* [Ивченко, 1999, с. 18]. Выбор определения *березовый (пень)* обусловлен фоновыми знаниями о трухлявости таких пней, чем притягива-

ется мотив «негодный (о человеке)» (ср. *пень дырявый* ‘очень глупый человек, тупица’ [СРФ, с. 436]).

Метафора дубины (палки с утолщением на конце). Пест, молот, колотушка, топор – предметы, которые носитель языка посчитал пригодными для ассоциирования с интеллектуально неполноценным человеком. Называющие дурака лексемы *дубина* [МАС, т. 4, с. 269], *орячина* [СРНГ, вып. 23, с. 349], *калда́й* [Там же, вып. 12, с. 345], *осло́п*, *осло́пина* и *ослопи́на* [Там же, вып. 24, с. 25], *балдо́вина* [Там же, вып. 2, с. 80], *цы́ба* ‘глупый, бестолковый человек; балбес’ (волог.) [КСГРС], *долбе́шка* и *долбня́* [Там же, вып. 8, с. 104] производны от слов *дубина* ‘толстая, тяжелая палка’ [МАС, т. 1, с. 450], *орячина* ‘большая дубина, палка’ [СРНГ, вып. 23, с. 349], *калдай* ‘палка с утолщением на одном конце; дубина; било цепа’ [Там же, вып. 12, с. 345], *ослоп* ‘большая палка, дубина; палица’ [Там же, вып. 24, с. 25], *балдовина* ‘палица, дубина’ [Там же, вып. 2, с. 80], *цыба* ‘палка, используемая в игре типа кеглей или городков’ [КСГРС], *долбешка* ‘деревянный молоток, колотушка’ [СРНГ, вып. 8, с. 104], *долбня* ‘дубина, палка’ [Там же].

С большой долей вероятности можно говорить о том, что перенос здесь осуществляется опосредованно через значение ‘голова’ на основе сходства такого рода деревянных предметов (по форме) с головой человека. К примеру, значения лексемы *долбня* позволяют выстроить ряд ‘дубина, палка’ (смол., новг., орл.) → ‘о голове’ (курск.) → ‘о тупом, непонятливом человеке’ (курск., орл., калуж., костром.) [Там же]. Аналогична ситуация с существительным *долбешка* в орловских говорах, где тоже зафиксировано первичное значение ‘пастушья палка с утолщением на конце; дубинка, колотушка для колки дров’, а также вторичные значения ‘голова’ → ‘глупый человек’ [Бахвалова, 1993, с. 38]. А поскольку все это – предметы, изготовленные из дерева, то при посредничестве образа «деревянная голова» проясняется мотив «твердый (о голове)».

Обозначения различных орудий труда, схожих с дубиной, также становятся названием глупого человека: *пест* ‘невежда’ и ‘глупый, тупой человек’ [СРНГ, вып. 26, с. 308], *колото́вка* ‘глупая, упрямая женщина’ [Там же, вып. 14, с. 182], *колоту́шка* ‘глупая, несообразительная женщина’ [Там же, с. 185], *толка́ч* ‘дурак’ [Даль, т. 4, с. 411], *обух* [удар.?] ‘о непонятливом, тупом человеке’ [СРНГ, вып. 22, с. 256], *обу́шник* ‘о тупом, глупом человеке’ [Там же, с. 258]. Ср. соответственно: диал. *пест* ‘палка с утолщением на конце; мутовка для замешивания теста’ [Там же, вып. 26, с. 308], *колотовка* ‘небольшой пестик, толкушка; валик’ [Там же, вып. 14, с. 182], *колотушка* ‘молот, молоток; валёк; пестик, мутовка, палка для сбивания чего-л.’ [Там же, с. 185], *толкач* ‘большой деревянный пест’ [Даль, т. 4, с. 411], *обух* ‘палка’ [СРНГ, вып. 22, с. 256] и ‘утолщенная тупая часть острого орудия, обычно топора; деревянная колотушка’ [ССРЛЯ, т. 8, с. 486], *обушник* ‘обух топора; топорище’ [СРНГ, вып. 22, с. 258]. Этот же перенос выявляется и в выражении *глуп как ступа*, поскольку его следует толковать с учетом устаревшего ныне значения существительного – *ступа* ‘тяжелая колотушка («здесь ступа принимает значение песта»)’ [Даль, т. 4, с. 349]. Т. В. Бахвалова в своей монографии приводит идиому *с вальком родиться* ‘о глуповатом человеке, человеке, проявляющем дурь, блажь’ [Бахвалова, 1993, с. 62]. В перечисленных языковых фактах представлена та же метафора, поскольку упоминаются деревянные предметы с утолщением на конце.

Несколько особняком стоит группа арготизмов: *кувалда* ‘дурак, идиот, неуч, тупица’ (от *кувалда* ‘большой молот’ [Ожегов, с. 312]), *долото* ‘глупец, недотепа’ (от *долото* ‘инструмент для обработки древесины долблением’ [Там же, с. 173]), *зубило* ‘глупец, тупица’ (от *зубило* ‘клиновидный инструмент, по которому ударяют, рубя металл, обрабатывая камень’ [Там же, с. 234]). Подобные языковые единицы не укладываются в «деревянный код». Причиной их появления, надо полагать,

является инерционная сила модели «глупый человек ← дубина, пест», имеющей солидный возраст. Важность материала постепенно перестала осознаваться носителем языка, сема 'деревянный' утратила свою актуальность; не осознается и сходство предметов такого рода с головой человека.

Тот факт, что в качестве источника метафоризации выступают наименования орудий труда и их частей, уже был отмечен лингвистами (ср.: [Бахвалова, 1993, с. 26; Кругликова, 2000, с. 98]), которые пришли к выводу о том, что в попытке оживить ставшую непонятной связь между прямым и переносным значением, подкрепить ее смысловыми ассоциациями носитель языка проводит параллель между многократно повторяющимся действием и бессмысленностью интеллектуальных усилий глупого человека. Т. В. Бахвалова, описывая эту модель, подчеркивает характер совершаемого действия (микродействия + повтор) и его безрезультатность [Бахвалова, 1993, с. 48]. Кроме того, определенный вспомогательный фон дает наличие в рассматриваемом лексико-семантическом поле дериватов глагола *долбить*.

Метафора деревянного изваяния. В свете того, что лексема *болван* имела, наряду со значением 'обрубок дерева, чурбан', также значение 'изваяние языческого божества, идол' [СРЯ (XI–XVII), т. 1, с. 277], можно принять другую версию возникновения значения 'глупый человек': «Оба указанных прямых номинативных значения у слова *болван* известны с XII века, причем более широко эта лексема употреблялась в значении 'изваяние языческого божества, идол'. Поэтому не исключено, что перенос мог осуществляться и с этого наименования, поскольку неподвижность и невозмутимость лица идола могли внушать мысль о том, что он не понимает того, что от него хотят» [Кругликова, 2000, с. 103–104]. Ср. также диал. *остатуй деревянный* 'бестолковый человек, остолоп' [СРНГ, вып. 24, с. 61], образованное от *остатуй* 'статуя' [Там же].

Метафора «земельного» человека. Мотивировочные элементы «глина», «песок», «пыль» участвуют в образовании наименований дурака: диал. *глиняная голова* ‘глупый человек, недоумок’ (арх.) [КСГРС]), *высыпáть из себя гл́ину* ‘притворяться простоватым, недалеким человеком’ [СРНГ, вып. 6, с. 36], *в головé песку́ накла́дено* ‘о неразумном человеке’ [Там же, вып. 19, с. 325], *пыль да ко́потъ в́ыйдет* ‘образумится, поумнеет’ [ФСРГС, с. 159], *пыльнóй* ‘неумный, придурковатый’ [СРНГ, вып. 33, с. 203]. С фольклорным мотивом сотворения человека из земли эти факты связаны лишь опосредованно – через негативные коннотации, сопровождающие в языковом сознании тело, плоть: «Семантическая модель “глиняный человек” (человек из глины, из земли, праха) прямо восходит к ветхозаветному мотиву творения человека из земли. Она отражена в старославянском и церковнославянском выражении “бренное тело”, отсылающем к христианскому мотиву греховности, низменности, “нечистоты” и тленности плоти в противоположность чистоте и возвышенности бесплотной и бессмертной души» [Толстая, 2000а, с. 1191].

Метафора шитого, тканого человека. Образ «сшитого человека» (человек Божий – обшит кожей) можно обнаружить в изучаемом поле в трех фразеологизмах: *шита шляпа* ‘простофиля’ [ФСРГС, с. 221], *лыком шит* ‘невоспитанный, необразованный’ [СРФ, с. 355] и *не лыком шит* ‘понимает, умеет не хуже других’ [Ожегов, с. 335]. Глупый человек отождествляется с плохо сшитой вещью, в частности, изготовленной с использованием низкокачественных материалов (лыка). Тот же мотив брака в изделии реконструируется из диал. *разноплетённый* ‘глуповатый, придурковатый’ [СРНГ, вып. 34, с. 41]. Закономерно для выражения противоположной положительно-интеллектуальной семантики использован образ обработанной кожи: диал. шутол. *продублённый* ‘ученый, «пропитанный ученьем»’ [Там же, вып. 32, с. 126].

Метафора твердого материала (металла, камня, дерева). Определяющим для слов этой группы является мотив «твердый», поскольку в языковом сознании глупость «диагностируется» через неспособность человека принимать информацию, поддаваться интеллектуальному воздействию, так же, как твердые материалы с трудом поддаются воздействию физическому: *медный лоб*²⁵ ‘об упрямом, тупом, ограниченном человеке’ [СРФ, с. 335], диал. *чугунная голова* ‘глупый человек’ [СРНГ, вып. 2, с. 78], *еловый* ‘глупый (о человеке)’ (арх.: *А еловый человек ни чёрта не понимает* [информант стучит по дереву], *дурак ты еловый*) [КСГРС], жарг. *каменный* ‘глупый, тупой’ [СМА, с. 185], *тугоплавкий* ‘тупой, глупый’ [Там же, с. 480], *чугун* ‘дурак’ [Там же, с. 554], *чугунный* ‘глупый’ [Там же], *Вова алюминиевый* ‘глупый, несообразительный человек, дурак’ [БСЖ, с. 102], *броня* ‘плохо соображающий человек’ [Базарго, с. 18].

Итак, предметный код объединяет разнородные элементы, интересные в этнолингвистическом отношении, в частности, богатейшую метафору материала. В лексике славянских языков обнаруживаются разные ответы на вопрос, из чего, из какого материала и каким способом «изготовлен» человек (не без влияния фольклорных мотивов сотворения человека). С. М. Толстая называет следующие семантические модели: «деревянный человек», «глиняный человек», «человек из теста», «сшитый (скроенный) человек», «вытесанный (вырубленный) человек», «кованный человек» [Толстая, 2000а]. Они, наряду с новыми вариациями на тему «человек изготовленный», нашли отражение в лексико-семантическом поле «Интеллект человека».

²⁵ О происхождении и развитии значения фразеологизма *медный лоб* см.: Кругликова Л. Е. Синонимический ряд «глупый человек» в истории русского языка [Текст] / Л. Е. Кругликова // Слово во времени и пространстве: К 60-летию проф. В. М. Мокиенко: сб. ст. СПб., 2000. С. 96–113.

4.2. КУЛИНАРНО-ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ КОД

Лексика поля «Интеллект человека» содержит группу слов, позволяющих выявить пропозициональную ситуацию приготовления и поглощения пищи как один из фрагментов концепта интеллектуальной деятельности. Эта особенность концептуализации представлений о мыслительных операциях была отмечена А. К. Байбуриным [Байбурин, 1998], В. Г. Гаком: «Даже “кулинарные” глаголы втягиваются в орбиту мысли: *это трудно переварить; ему надо все разжевывать*» [Гак, 1993, с. 29]. Несмотря на то, что в этом коде сосуществуют обозначения физических действий (*печь, варить*) и физиологических актов (*глотать, переваривать*), а также предметная сфера (*масло, каша, соль*), разделять их представляется нецелесообразным в силу тесной связи между ними и во избежание нарушения целостности образа.

Метафора первичной механической обработки пищи. Процесс понимания и приобретения знаний часто номинируется при помощи глаголов, обозначающих в своем основном значении измельчение, дробление, перетирание, растворение употребляемого в пищу продукта. В частности, отмеченными оказались следующие операции: *жевать, грызть, сосать* и – фигурально – *чмокать*, ср. диал. *разжева́ть* ‘догадаться, сообразить’ [НОС, вып. 9, с. 90]; популярный публицистический штамп *грызть гранит науки* ‘упорно овладевать знаниями’, жарг. *грызть кочерыжку науки* ‘учиться в школе; изучать что-л.’, *сосать* ‘понимать, разбираться в чем’ [СМА, с. 442], *рассосать что* ‘вникнуть во что-л., разобраться в чем-л.’ [Там же, с. 400], *прочмокать* ‘понять что-л., разобраться в чем-л.’ [БСЖ, с. 487]. Несколько особняком стоит простореч. *разжевать* ‘объяснить’ [АТЛ], метафорически воссоздающее ситуацию содействия в усвоении знаний. В нем подразумевается подмена субъекта интеллектуальной активности, но сохраняется та же мо-

тивировка – разложение, дробление пищи в целях ее дальнейшего усвоения.

Сведущий как много пережевавший. Диал. *приѣсть зѹбы / гѹбы* ‘стать сведущим, опытным в каком-л. деле’ [СРНГ, вып. 31, с. 203] имеет внутреннюю форму «стереть зубы / губы из-за длительного жевания».

Наличие представлений о глупом как неспособном производить первичную механическую обработку пищи нельзя подтвердить лексическим материалом, но вполне логично предположить, что вполне допустимы конструкции *не рассосал / не прочмокал кто-л. что-л.* как обозначения интеллектуальной неполноценности человека.

Глупый как жующий. В лексико-семантическом пространстве «Глупость» есть несколько диалектных фактов, мотивировки которых связаны с жеванием: диал. *жѣвля* ‘глупый, слабый человек’ [Там же, вып. 9, с. 97], *(будто) рукав жевать* ‘ничего не понимать, не соображать’ [СПП, с. 67], *жувѣкать* ‘с трудом понимать’ [СРНГ, вып. 9, с. 220]. Их появление обусловлено, по-видимому, тем, что глагол *жевать* и его производные нередко имеют коннотации «медлительный», «недостаточно активный», ср. диал. *жевя́лка* ‘медленно говорящий человек’ [КСГРС], *жвака* [удар.?] ‘нерасторопный человек, разиня, мямля’ [СРНГ, вып. 9, с. 89], *жѣва* ‘о том, кто медленно, лениво ест’ [Там же, с. 95], *жѣванный* ‘неповоротливый, нерасторопный, медлительный в движениях’ [Там же, с. 96]. Поэтому в обозначениях интеллектуально неполноценного человека, образованных от глагола *жевать*, присутствует мотив «неэнергичный» и «нерезультативный».

Метафора поглощения и переваривания пищи и напитков. Знания и мысли предстают в языковом сознании человека в качестве готовой к употреблению пищи (книж. *пи́ща для ума / для размышлений* ‘материал для мыслительной деятельности’), что уже было замечено лингвистами: «Ассоциирование *мысли* с *пищей*, которой питается ум,

представляется развитием восприятия мысли как внешнего, усваиваемого и дающего энергию продукта... Образ пищи... развивает метафору *мысли-продукта-порождения человеческого ума*, усваиваемого другим умом» [Голованивская, 1997, с. 174].

Метафора проглатывания чего-либо имеет «культурные» предпосылки: «В традиционной культуре знание представлялось, во-первых, чем-то внешним и, во-вторых, вещественным, конкретным. <...> Обретение знания – физиологический процесс, ближайшим аналогом которого является потребление пищи и напитков» [Байбурин, 1998, с. 494]. Поэтому симптоматично, что именно лексема *рот* входит в состав устойчивых выражений, номинирующих интеллектуальное взаимодействие двух субъектов или интеллектуальную неполноценность: диал. *как в рот положит* ‘подробно, понятно рассказать, передать’ [СРНГ, вып. 29, с. 103], *в рот не въехало* ‘не догадался’ [НОС, вып. 1, с. 145], *мимо рота суётся* ‘забыл кто-л. что-л.’ [КСГРС] и др.

Элементы образного осмысления познания как поглощения пищи присутствуют в книжной традиции (*вкушать от древа познания добра и зла* ‘приобретать знания, постигать смысл разнообразных явлений’, *глотать книгу за книгой* ‘быстро читать’), в русских говорах (диал. *подкармливать* ‘подглядывать, заглядывать в книгу, отвечая на уроке’ [СРНГ, вып. 28, с. 27], *поперхнуться умом* ‘сойти с ума’ [ФСРГС, с. 146]) и в жаргоне (*хавать что* ‘понимать что-л., хорошо разбираться в чем-л.’ [БСЖ, с. 637]).

Метафора пищеварения представлена в диал. *голова не переваривает* ‘о том, кто туп, глуповат’ [СРНГ, вып. 26, с. 43], жарг. *переваривать* ‘обдумывать’ [АТЛ], *несварение головы у кого* ‘кто-л. недоумевают, не понимает чего-л.’ [БСЖ, с. 382].

Имеющие высокую стилистическую окраску сочетания *жажда знаний*, *утолить жажду знаний* содержат метафору «знание – напиток», которая неоднократно попадала в поле зрения лингвистов (см.:

[Голованивская, 1997, с. 168]). «Особая роль воды и шире – жидкости в ритуале обретения знания может быть связана с индоевропейскими представлениями о разуме как о жидкой субстанции (ср. *мед поэзии, напиток мудрости...*)» [Байбурин, 1998, с. 495]. Л. О. Чернейко уточняет, что это «жидкость, но не всякая, а пригодная для питья и обеспечивающая человеку возможность жить... Имя *жажда* высвечивает в сущности, стоящей за именем *знания*, ее жизненную необходимость» [Чернейко, 1997, с. 203].

Обратим внимание на то, что поглощение пищи – метафора преимущественно приобретения знания, в то время как измельчение и переваривание пищи – метафора понимания.

Метафора приготовления пищи. Основной массив наименований этой группы составляют конструкции, образованные по схеме «*голова, ум или сосуд + не варит*» ‘не соображает *кто*’, одинаково популярные в русских говорах (*калгáн не вáрит / не вывáривает у кого* ‘плохо соображает *кто*’ [ФСРГС, с. 90; КСГРС], *максíм не вáрит у кого* ‘не соображает *кто-л.*’ [ФСРГС, с. 109], *акýл не вáрит у кого* ‘о плохо соображающем человеке’ [СРНГ, вып. 1, с. 228], *балбéшка не варит у кого* ‘не соображает *кто*’ [Там же, вып. 2, с. 78], *максíмка / максíмко / шалá не вáрит* ‘голова не соображает’ (арх.) [КСГРС], *лазбáнка не варе* ‘голова не соображает’ [СРНГ, вып. 16, с. 242], *глуздý не варя́т* ‘об утрате способности понимать, соображать’ [ПОС, вып. 6, с. 187]) и в жаргоне (*из кастрюли пар не идёт* ‘голова не соображает’ [АТЛ], *кастрюля не варит* ‘голова плохо работает’ [СМА, с. 189], *жбандель не варит у кого* ‘плохо соображает *кто-л.*’ [БСЖ, с. 180], *котелок не варит* ‘кто-л. несообразителен, недогадлив’ [СРФ, с. 310]). Семантика успешно протекающей мыслительной деятельности выражена диал. *головá / калгáн / котелóк вáрит у кого* ‘об умном, сообразительном человеке’ [ПОС, вып. 3, с. 34], *шалабáн вáрит* [СРГСУ, т. 7, с. 41], *талáнт вáрит* ‘соображает *кто*’ [ФСРГС, с. 195], жарг. *горшок варит* ‘голова думает’

[СМА, с. 97], *чан варит* ‘голова соображает’ [Там же, с. 541]. Несколько иное в структурном отношении диал. *в голове не заварило* ‘кто-л. не подумал, не рассудил здраво’ [ПОС, вып. 11, с. 58].

Носитель диалекта соотносит со словом *варить* прилагательное *варовый* ‘сообразительный’²⁶ (волог. *Варовый сообража́ет хорошо́, голова́-то ва́рит*) [СГРС, т. 2, с. 28]. Связь с этим глаголом можно предполагать и для диал. *неварёная голова* ‘глупый человек, тупица’ (арх.) [КСГРС], *неварёный* ‘тугодум’ и ‘человек со странностями, неловкий, несообразительный’ (волог.) [Там же], *неваровый* ‘несообразительный’ (новг., арх.) [НОС, вып. 6, с. 32; КСГРС].

Большое формально-семантическое сходство с конструкциями «голова варит / не варит» имеют выражения: жарг. *бурлить решалкой* ‘интенсивно думать над чем-л.’ [БСЖ, с. 509] и диал. *глузду́ не сварить* ‘об утрате способности понимать, соображать’ [СРНГ, вып. 6, с. 187]. Можно наблюдать упрощение структурно-языковой традиции обозначения умственных способностей человека, которое состоит в отказе от компонента «голова»: диал. *недоваривать* ‘плохо соображать’ [СРГСУ, т. 1, с. 84], *недопéкаться* (от *печь*) ‘не сообразить, обнаружить недогад-

²⁶ В пользу другой интерпретации слов *варовый*, *неваровый* говорит наличие следующих языковых фактов: арх. и волог. *неворовый* ‘несообразительный, глуповатый’ [КСГРС], костром. *вор* ‘ловкий, хитрый, догадливый человек’ [СРНГ, вып. 5, с. 97], тул. *вороватый* ‘догадливый’ [Там же, с. 106], волог. *проворный* ‘понятливый’ [КСГРС], арх. и волог. *проворый* ‘сообразительный, смекалистый, умелый, деловой’ [Там же]. Общим для них может быть этимон «вертеть». В этом случае в основе обозначений сообразительного человека лежит мотив «быстрый», а в основе обозначений тугодума – мотив «медлительный», что отразилось в спектре значений новг. *неваровый* ‘неловкий; нерасторопный’, ‘неумелый’, ‘неуклюжий’, ‘вялый’, ‘медлительный’, ‘тихий, смирный’, ‘робкий, несмелый’, ‘ленивый’, ‘легкомысленный’ [НОС, вып. 6, с. 32]. Затем в сознании носителя диалекта стала возможна «подмена» одного смысла другим в случаях, когда корневая гласная, находясь в безударной позиции, совпадала в произносительном варианте [а]. Рефлексируя, информант, как видно из контекста, прочитывает внутреннюю форму слова *варовый* с опорой на имеющийся у него языковой опыт, который ясно свидетельствует о существовании формально-семантической модели *голова не варит* ‘о глупом’. Таким образом, произошла контаминация *-вар-* ‘варить’ и *-вор-* ‘вертеться, быть проворным’.

ливость' [СРНГ, вып. 21, с. 28], жарг. *варить* 'думать' [БСЖ, с. 89] и *не варить* 'не соображать' [АТЛ]. Ту же связь с глаголом *варить* можно обнаружить в брян. *ро́зварка* 'понятие, знание, понимание чего-л.' [СРНГ, вып. 35, с. 159]; приставки *раз-* / *роз-* обладают высокой популярностью в поле «Ум», ср. *ро́змысл* 'ум, рассудок' и 'размышление' [СРНГ, вып. 35, с. 162], *ро́звязь* 'память, рассудок' [Там же, с. 160], *ро́знять* и *розня́ть* 'понять' (арх.) [КСГРС] и др. Во всех этих номинациях представлена операциональная метафора: мыслительная деятельность ассоциативно связывается носителем языка с тепловой обработкой продукта.

Метафора неудавшейся выпечки. Сюжет изготовления человека из теста, как известно, находит отражение в легендах, объясняющих происхождение человека, а также отражается в лексике и фразеологии русского языка. Исследование этого вопроса представлено в работе С. М. Толстой: «Модель “человек из теста” представлена русскими выражениями *из того же теста*, *из одного теста*, *из другого теста* (*сделан, испечен*), употребляемыми для обозначения сходства или несходства людей между собой, причем речь идет, как правило, не о физическом сходстве, а о сходстве взглядов на жизнь, характеров, норм поведения, происхождения, положения в обществе. <...> Реже встречается качественная характеристика, или, так сказать, оценка этого “теста”: например, *Мересьев был выпечен из хорошего теста. Он умел добиваться своего*» [Толстая, 2000а, с. 1195]. Поэтому неслучайно образ плохо приготовленного хлеба, неудавшейся выпечки реконструируется в лексико-семантической зоне «Глупость»: диал. *непромёс* 'ненаходчивый, недогадливый человек, мямля' (← *непромёс* 'хлеб из плохо промешанного теста') [СРНГ, вып. 21, с. 131], *кулемёс*²⁷ 'неловкий, глупо-

²⁷ Существительное *кулемес*, так же как и приведенное ниже диал. *кулебака*, можно интерпретировать иначе, эксплицируя мотивировочный признак «неумелый», поскольку в их словообразовательных гнездах наряду с семантической пропозицией «плохо печь» активна пропозиция «плохо делать что-л.»: диал. *наку-*

ватый человек, растяпа' (ср. диал. *кулемеса* 'неудачно приготовленное кушанье') [Там же, вып. 16, с. 57], *бардаду́й* 'глупый или прикидывающийся дурачком человек' (ср. *бардаду́й* 'плохой квас, хлеб и т. п.') [Там же, вып. 2, с. 112], *олелю́ха* 'разиня, болван' (ср. *олелю́шка* 'пирог, сочень, испеченный на скорую руку, плохо пропеченный, невыходившийся, без начинки' и 'пирог из жидко замешанной ячменной муки') [Там же, вып. 23, с. 184]), *кля́кыш* 'о недоразвитом человеке' (ср. *клякыш* 'недопеченный хлеб', *клякнуть* 'плохо пропекаться, вариться') [Там же, вып. 13, с. 329], *кулёма* и *кулемёня* 'глупый, дурак' (ср. *кулёма* 'неудачно испеченный хлеб') [КСГРС]. Для свердл. *кулебя́ка* 'тяжкодум' [СРГ-СУ, т. 2, с. 72] можно предположить в качестве возможного семантического источника значение 'неудачная выпечка' [Там же]; ср. вариант волог. *кулеба́ка* 'глупый, дурак' и 'неудачно испеченный хлеб' [КСГРС].

Метафора не доведенного до готовности блюда. Образ неготового – недопеченного или недоваренного – блюда выявляется на материале диалектных лексем, производных от глаголов *варить*, *печь*: диал. *недоварёный* 'глупый, бестолковый' [НОС, вып. 6, с. 37], *невы́печенный* 'необразованный, неотесанный' [СРНГ, вып. 20, с. 366], *недопéкий* 'нерасторопный, несообразительный' [Там же, вып. 21, с. 28], *недопечён-ный* 'не в уме' (волог.) [КСГРС], *недопечёный* 'глуповатый' [НОС, вып. 6, с. 40], *недопéчка* 'о слабом, плохо соображающем человеке' [СРНГ, вып. 21, с. 28], *недопёкиш* 'недоразвитый человек' (волог.) [КСГРС], *непропёка* 'простофиля, олух' [СРНГ, вып. 21, с. 132], *непропечённый* 'глупый, бестолковый' (волог.) [КСГРС] и широко распространенное в русских говорах существительное *недопёка* 'неумелый,

лебачить 'делать что-л. неправильно, не так' [КСГРС], *кулебена* 'неумелый, неуклюжий человек' [Там же]), *кулемесить* 'неумело или небрежно делать что-л.' [СРНГ, вып. 16, с. 57], *искулемесить* 'перемешать, перевернуть, привести в беспорядок' [КСГРС], *накулебесить* (контаминация с *бес*) 'сделать что-л. неправильно, наломать дров' [Там же].

нерасторопный и несообразительный в работе человек' [СРНГ, вып. 21, с. 28], 'глуповатый человек, простофиля' [СРГСУ, т. 2, с. 196], 'глуповатый, несообразительный человек' [НОС, вып. 6, с. 39], (волог.) 'недоумок' [КСГРС]. Обратим внимание на то, что метафора представлена исключительно в диалекте и участвует только в концептуализации понимания, но не приобретения знаний.

Метафора вещества полужидкой консистенции. Часто лексемы, обозначающие полужидкие, вязкие, желеобразные составы (*кисель, студень, жидкое тесто, квашня, закваска, опара, каша*), приобретают вторичные значения, имеющие негативную окраску и указывающие на недостаток активности, слабование, податливость, нерасторопность, неумелость, медлительность и недостаток умственной активности. Ср. *квашня* 'о вялом и толстом, неповоротливом человеке' [Ожегов, с. 272] и др. Переносные значения отрицательно-интеллектуальной сферы сформировались у слов *квашня, опара, кисель, студень* на основе мотивов «бесформенный, растекающийся» (поскольку это названия полужидких составов) и «простой, примитивный» (поскольку подразумеваемые кулинарные полуфабрикаты и блюда просты в приготовлении). Эту группу составляют следующие номинации: диал. *квашня́* 'простак; несообразительный человек' (ср. *квашня* 'тесто, опара') [СРНГ, вып. 13, с. 164], *опара́* 'о неповоротливом, глуповатом человеке' (ср. *опара* 'кислое тесто', 'жидкое тесто для блинов', 'закваска для теста из отрубей, картофеля', 'густой квас', 'закваска для кваса') [Там же, вып. 23, с. 235], *киселя́й* 'вялый, неумелый, бестолковый человек' [Там же, вып. 13, с. 228], а также жарг. *студень* 'глупый, несообразительный человек'. Несколько особняком стоит жарг. *кисель в коробке у кого* 'о глупом человеке' [БСЖ, с. 256], поскольку оно актуализирует метафору не соответствующего норме – недостаточно густого – содержимого головы, хотя коннотации, свойственные лексеме *кисель*, создают фон, определив-

ший участие этого элемента в данной формально-семантической конструкции.

Слово *каша*, а также названия видов каш могут использоваться в качестве мотивировочного элемента для номинаций из лексико-семантической зоны «Глупость». Разг. *каша в голове* ‘путаница в мыслях’ [МАС, т. 2, с. 42] имеет в своей основе мотивировочный признак ‘перемешанный’ и отражает метафору содержания. В диал. *полубелый с кашей* ‘дурак’ (арх.) [КСГРС] второй элемент тоже в какой-то мере отсылает нас к метафоре содержания; однако продуктивность конструкции приводит к нивелированию значений слов, присоединяемых к прилагательному при помощи предлога *с*, и сведению их к смыслу ‘с добавкой, с лишком’.

Несколько номинаций обнаруживают имеющуюся в народном наивно-языковом сознании ассоциативную связь между образами глупого человека и каши: диал. *ка́ша* и *ма́нная ка́ша* ‘простак, простофиля’ [СРНГ, вып. 13, с. 148], *розва́ра* ‘рассеянный, забывчивый, несообразительный человек’ [КСГРС] (ср. *разва́ра*, *разваришка*, *разварка*, *разваруша* ‘каша’ [СРНГ, вып. 35, с. 281]), *комко́вка* ‘глупая женщина’ (арх.) (ср. *комковка* ‘каша (обычно ячневая)’ [КСГРС]). Все приведенные языковые факты выражают мотивы «медлительный», «неумелый», наличествующие в коннотативном спектре лексемы *каша* и реализующиеся в переносных значениях слов: диал. *розва́ра* ‘неумелая, неповоротливая женщина; плохая хозяйка’ (арх.) [Там же], разг. *размазня* ‘вялый, нерешительный человек’ [Ожегов, с. 648].

Метафора начиненного кулинарного изделия. Этот образ является частным случаем метафоры содержимого, которая лежит в основе многих характеристик человека по интеллекту. Знающий, умный человек представляется в языке как начиненный чем-л.: диал. *умом накрёпанный* ‘умный, знающий’ [Ивашко, 1981, с. 33] (от *крепáть* ‘начинять пирог’), жарг. *нашпиго́ванный* ‘человек с высшим образованием’ [БСЖ,

с. 379] (от *шпиговать* ‘начинять шпиком’). Применительно к интеллектуально неполноценному человеку используется образ пирога без начинки (диал. *ни с чем пирóг* ‘о простоватом, глупом человеке’ [СРНГ, вып. 21, с. 215]) и образ фаршированного изделия, в котором запечатлена метафора смешанного содержимого (жарг. *фаршированная голова* ‘дурак’ [СМА, с. 502], *ливер* ‘простак’ [БСЖ, с. 315] и ‘растяпа, глупец’ [СМА, с. 227]). При выборе носителем языка лексемы *ливер* в качестве обозначения глупого человека, возможно, сыграли роль коннотации «дешевый» и «низкокачественный».

«Солевая» метафора. Обратимся к особенностям выбора лексики из «донорской» для поля «Интеллект» семантической группы «Продукты». Соль, которую принято добавлять почти во всякое блюдо, является в народной картине мира ценным продуктом. Поэтому закономерно появление диал. *солёный* ‘расторопный, находчивый’ (арх.) [КСГРС], *бес-сóлый* ‘недогадливый, бестолковый, глупый’ [СРНГ, вып. 2, с. 277], *не-солёный* ‘глупый, неумелый, бестолковый’ (арх.) [КСГРС], *недоварёный* ‘глупый, бестолковый’ [НОС, вып. 6, с. 37], *недоварёный рассól* ‘о глупом, бестолковом человеке’ (арх.) [СРНГ, вып. 21, с. 16]²⁸.

«Жировая» метафора²⁹. С лексемой *масло* в языковом сознании связаны смыслы «густой, имеющий высокую степень концентрации жи-

²⁸ В русских народных говорах имеются прилагательные *посолонный* и *посолённый* ‘глупый, неумелый, бестолковый’, в которых можно было бы подозревать след «солевой метафоры». Однако эти слова, скорее всего, вторичны по отношению к *посолонный* ‘имеющий древесину, завивающуюся справа налево, по солнцу (о дереве)’, хотя формальное сходство способно обмануть языковое чутье носителя русского языка. Примером установления информантом-диалектоносителем ложных связей с производными от *соль* является следующее контекстное употребление: *Ума-то не хватает, недотёпа, так вот бессолой, посолонной такой* [КСГРС].

²⁹ Об участии жировой и – шире – пищевой лексики в языковой концептуализации представлений о других объектах действительности см.: Пьянкова К. В. Семантические связи пищевой лексики в русском языке: этнолингвистический аспект [Текст]: диплом. работа / К. В. Пьянкова; Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2005. 244 с.

ра» и «полезный, ценный», которые делают возможным ассоциирование масла с умственным потенциалом человека: диал. *мáсла нет в голове* ‘о глупом, неразумном человеке’ [ПОС, вып. 7, с. 51], арх. *не до днá мáсленый / мáслен / мáсляный* ‘об ограниченном человеке’ [СРНГ, вып. 18, с. 13]. О наличии в ряде славянских языков соответствий выражению *масла нет в голове* см. [Ивашко, 1981, с. 28]. Исходя из внутренней формы лексем, можно сделать вывод о том, что голова умственно здорового человека представляется имеющей ценное содержимое – масло³⁰. Мотивы «концентрированный» и «полезный», воплощенные в формуле «масло в голове»³¹, противоположны мотиву «пустой», активно участвующему в метафоризации глупости.

В диал. *замаслóванный* ‘сообразительный, хитрый’ [СРНГ, вып. 10, с. 234] обращает на себя внимание производная основа. Предположив в качестве производящей глагольную основу *замаслить* или *замасловать* и проведя структурную параллель с глаголами *захламить* ‘наполнить хламом’, *застеклить* ‘вставить стекла’, можно «читать» внутреннюю форму этого диалектного слова как «наполненный маслом»³². Думается, некоторый «интеллектуальный фон» для обсуждаемо-

³⁰ К числу слов, обнаруживших в своей внутренней форме связь с маслом как пищевым продуктом, мы не отнесли жарг. *масло* ‘сообразительность’ [БСЖ, с. 338] и *масло в чайнике (у кого)* ‘об очень умном человеке’ [Там же], поскольку не совсем ясно, продолжают ли они традицию, заложенную в диалектной лексике, или в них подразумевается машинное масло, и тогда они должны рассматриваться в рамках хорошо развитой в современном жаргоне технической метафоры, описывающей работу интеллекта человека.

³¹ Образ масла в голове как символ ума рассматривается в статье К. В. Пьянковой, выдвинувшей версию о том, что выражение *иметь масло на (в) голове* (рус.) и его славянские аналоги исторически связаны с обрядом елеопомазания: Пьянкова К. В. Масло в голове [Текст] / К. В. Пьянкова // Рус. речь. 2003. № 3. С. 118–120.

³² Лексему *замаслованный* можно толковать через мотивировочный признак «замасленный, затертый», на что косвенно указывают значения некоторых слов этого гнезда: диал. *замаслóванный* ‘привыкший к обращению с людьми’ [СРНГ, вып. 10, с. 234], *замаслáться* ‘привыкнуть к обращению с людьми’ [Там же], *обмаслáться* ‘замаслиться, залосниться от частого употребления’, ‘привыкнуть к че-

го слова может создавать прилагательное *замысловатый* и вообще производные от *мысль*.

Мотивировочный элемент *масло* содержат два диалектных факта отрицательно-интеллектуальной сферы: диал. *полубѣлый с мѣслищем* (волог.) и *полубѣлый с мѣслом* ‘дурак’ (арх., волог.) [КСГРС]. Вероятно, весь коннотативный и семантический спектр, свойственный лексеме *масло*, подвергся десемантизации. Доминирующую позицию заняла структура, форма, так как конструкции такого типа очень продуктивны в качестве обозначений дурака: *с пыльчинкой, с дурцой, с метликой (кто)* и др. Оказать влияние на выбор мотивировочного элемента «масло» могла лишь коннотация ‘избыток, излишек’, свойственная «жировым» лексемам (ср. *сально* ‘слишком хорошо, много, чересчур’ [СРНГ, вып. 36, с. 70], *масло масляное* ‘о ничего не объясняющей тавтологии’ [ССРЛЯ, т. 6, с. 666]) и пришедшаяся кстати для усиления экспрессии.

Любопытно сопоставить культурную семантику, обнаруженную на русском языковом материале, с данными украинского языка, представленными в работе А. О. Ивченко: *дурний як сало, дурний як сало без хліба, дурний як масла грудка, розумний як сало* ‘о глупом человеке’ [Ивченко, 1999, с. 19]. Жировой продукт ассоциативно связывается в наиво-языковом сознании носителей украинского языка не с умом, как в русском языке, а, напротив, с глупостью. Причиной является, вероятно, то, что семе ‘жирный, скоромный’ сопутствуют негативные коннотации.

Несколько обозначений человека по интеллекту имеют смысловой компонент «смазанный маслом и потому скользкий». Внутреннюю

му-л., освоиться где-л.’ [Ожегов, с. 261] и ‘приобрести опыт, навыки’ [СРНГ, вып. 22, с. 120]. Ассоциативная связь между смыслами «замасленный, затертый» и «опытный» хорошо знакома языковому сознанию: *тёртый калач* ‘об опытном, выдавшем виды человеке’ [Ожегов, с. 261] и *тёртый* ‘бывалый, выдавший виды’ [Там же, с. 798]. Опыт и ум, в свою очередь, также тесно сплетены в языковой картине мира: диал. *развитной* ‘умелый, знающий, опытный’ (арх.) [КСГРС], угол. *сгнить* ‘поумнеть, набраться опыта’ [БСЖ, с. 530].

форму диал. *с маслом разыскана* ‘глупая, дурочка’ [НОС, вып. 8, с. 96] следует интерпретировать в виде «трудно найти такую, разве что при помощи масла, которое поможет проникнуть везде». При выборе образного основания для этого обозначения глупого человека номинатор опирался на свойство всех жиров (*масла, сала*): они обеспечивают хорошее скольжение, а потому могут составлять основу метафоры движения и результативности действия (ср. *дела идут как по маслу* ‘о хорошо идущих, удачных делах’ [СПП, с. 104], *идти как по маслу* ‘о хорошо работающем инструменте’ [Там же]). Возможность экспликации мотива «редкий, уникальный» подтверждается разговорными выражениями *редкий дурак, редкая дура*.

Второй языковой факт, в котором актуализирована способность жиров служить смазкой, принадлежит зоне «Ум». Шутливое выражение *без сала влезет [в ж...]* ‘о хитром, сообразительном человеке’ [СПП, с. 68] косвенно содержит указание на то, что ум и хитрость, как и сало, обеспечивают «беспрепятственное скольжение», то есть пронырливость.

Метафора кипения жидкости в сосуде. Представление о том, что интеллектуальная неполноценность может быть следствием умственного перенапряжения, зафиксировано при помощи метафоры закипающей воды. Это относительно молодая модель, поскольку реконструируется только в молодежном жаргоне: *котёл закипел у кого* ‘кто-л. помешался, сошёл с ума’ [СМА, с. 211], *котёл кипит* ‘кто-л. не в состоянии понимать, соображать’ [АТЛ], *чайник кипит / закипает* ‘о состоянии переутомления при умственной работе’ [Там же], *мозги закипели / кипят* ‘об утрате способности соображать’ [Там же]. Чрезмерно активная умственная деятельность (жарг. *бурлить решалкой* ‘интенсивно думать над чем-л.’ [БСЖ, с. 509]) смыкается в наивно-языковой картине мира с интеллектуальным бессилием, минуя ступени постепенного ослабления мыслительной способности. Находясь на пике интеллектуальной дея-

тельности, человек оказывается как нельзя более близко к умственной неполноценности.

Итак, кулинарно-гастрономический код представлен во всех подсистемах русского языка, особенно та его часть, которая названа гастрономической. Однако другая его половина – кулинарный код – особенно активно используется носителями русских говоров. Большое количество диалектного материала, выявляющего константы традиционной народной культуры, свидетельствует о солидном возрасте этого фрагмента кода. Для современного носителя литературного языка или жаргона элементы кулинарного кода (такие, как масло, соль, неудавшаяся выпечка) утратили свою знаковость, поэтому лексемы, в которых воплощены соответствующие метафоры, используются ими по традиции.

4.3. ТЕХНИЧЕСКИЙ КОД

Один из самых популярных способов интерпретации интеллектуальной семантики на современном этапе развития русского языка – обращение к образам из предметной сферы «Техника». Напомним, что Дж. Лакоффом был предпринят опыт описания реконструированного на материале английского языка фрейма «разум – это машина» [Лакофф, 2004]. Русскоязычная же лексика и фразеология позволила обнаружить следующие модели.

Метафора остановки и аномалий движения. В жаргоне нарушение мыслительного процесса описывается через ситуацию остановки или замедления работы машины. Синонимичные глаголы *тормозить* и *стопорить* ‘замедлять, останавливать движение’ и их дериваты оказались пригодными для обозначения нарушений умственной деятельности: жарг. *тормозить* ‘плохо соображать, не понимать чего-л., быть невнимательным, несосредоточенным на чем-л.’ [БСЖ, с. 592], *тормознуть* ‘не сообразить, не среагировать на что-л. должным образом’ [Там же], *тормозиться* ‘не понимать, не догадываться; отупевать, обалдевать’ [СМА, с. 473], *тормозило* ‘тугодум’ [АТЛ], *тормоз* ‘несообразительный человек’ [БСЖ, с. 592], *тормозной* ‘глупый’ [СМА, с. 473], *тормозок* ‘плохо соображающий человек’ [Базарго, с. 73], *тормознутый* ‘несообразительный, глупый’ [АТЛ], *притормаживать* ‘туго соображать’ [Югановы, с. 151], *затормозить* и *затормозиться* ‘начать плохо соображать’ [БСЖ, с. 214], *стопорить* и *стопориться* ‘не понимать’ [СМА, с. 453], *стопор* ‘глупый человек’ [БСЖ, с. 568], *ступор* ‘тугодум’ [АТЛ].

Обыгрывается и жаргонное обозначение ручного тормоза: *быть на ручнике* ‘не соображать’ (от *ручник* ‘ручной тормоз в автомобиле или велосипеде’) [СМА, с. 412]. Несколько экзотично в словообразовательном отношении жарг. *полумотóрный* ‘глупый’ [Югановы, с. 143], явля-

ющееся адъективным образованием от *мотор* ‘двигатель’; присоединение приставки *полу-* обусловлено наличием продуктивной в данном лексико-семантическом поле модели (ср. *полуду́рок* ‘глуповатый, придурковатый человек’ [НОС, вып. 8, с. 97], *полуи́мок* ‘глуповатый человек’ [СРНГ, вып. 29, с. 149], *полуглу́пка* ‘глупый, придурковатый человек’ [СРГСУ, т. 4, с. 84], *полуша́лок* ‘об умственно отсталом человеке’ [СРНГ, вып. 29, с. 171] и др.). Механизмы языковой игры обеспечивают привлечение возможностей технической терминологии: *с поздним за-жиганием (кто)* ‘о тугодуме’ [АТЛ], *тормозная колодка* ‘дурак’ [СМА, с. 473]. Жарг. *буксовать* ‘не понимать’ вторично по отношению к *буксовать* ‘вращаться, скользить и не двигаясь с места (о колесах)’ [Ожегов, с. 62]. Жарг. *стоп-кран* ‘тугодум’ производно от *стоп-кран* ‘тормозной кран в вагоне для экстренной остановки поезда’ [Там же, с. 770].

Мотив преграды является базовым для появления вторичных отрицательно-интеллектуальных значений у лексем, называющих любое устройство, способное регулировать движение, в частности, препятствовать ему, будь это *тормоз*, *рычаг* или *клапан*: жарг. *клапан* ‘дурак’ [СМА, с. 197], *рычаг* ‘несообразительный человек’ [БСЖ, с. 519].

Выразителем мотива смещения явилась метафора отклонения от дороги: жарг. *съехать с рельс* ‘сойти с ума, перестать соображать’ [АТЛ], *сруливать* ‘сходить с ума’ [БСЖ, с. 561].

На положительном полюсе изучаемого поля мы видим только слабое зеркальное отражение этой модели: жарг. *сняться / спилить с ручника* ‘понять, догадаться, прийти в себя’ [СМА, с. 412].

Метафора работы или поломки механизма, машины. Лексическими и фразеологическими средствами языка фиксируется представление об интеллекте как работающем механизме: диал. и жарг. *шуру́пить* ‘соображать’ [НОС, вып. 12, с. 110; БСЖ, с. 706], жарг. *шевелить колесами* ‘думать, размышлять о чем-л.’ [БСЖ, с. 270], *винтики крутятся* ‘идет мыслительный процесс’ [Там же, с. 99], *винтить* ‘понимать, со-

ображать, разбираться в чем' [СМА, с. 66], *дошурупить* 'осмыслить, понять' [БСЖ, с. 165], *фурыкать* и *фурычить* 'понимать, разбираться в чем-л.' [Там же, с. 634], *шевелить шариками* 'соображать' [СМА, с. 565]. Само за себя говорит обозначение головы и мозга словом *калькулятор* [Там же, с. 185].

В свою очередь, нарушения умственной деятельности ассоциируются в сознании носителя языка с разного рода техническими неполадками.

Неисправность, поломка механизма запечатлена в диал. *поломаться* 'сойти с ума' [СРНГ, вып. 29, с. 110], *не пошурूपило (кому)* 'не пришло в голову' [Там же, вып. 31, с. 40], *котелок не сработал* 'не сообразил, не понял' [ФСРГС, с. 97, СДЛ, с. 71], *шарики не крутят у кого* 'не соображает' [МАС, т. 1, с. 176], *клёпка слаба́* 'о слабовольном глупом человеке' [СРНГ, вып. 13, с. 281], *винток не дов́инчен* 'не совсем умный' [НОС, вып. 1, с. 127], *винтики не работают у кого* 'о несообразительном человеке' [ПОС, вып. 4, с. 21], *б́ибики не работают у кого* 'об отсутствии сообразительности, смекалки' [Там же, вып. 1, с. 198]; жарг. *соображалка заржавела / закупорилась / застопорилась / затормозилась / не работает* 'голова не работает' [АТЛ], *болт выпал / раскрутился* 'не соображает кто-л.' [Там же], *ремонт* 'глупый человек' [БСЖ, с. 508], *засор в голове (у кого)* 'не соображает кто-л.' [АТЛ], *засорение мозгов* 'ухудшение работы мозга' [СМА, с. 164], *винтики / болтики / шурупчик подкрути* 'обращение к глупому человеку' [АТЛ]; *не шурупить* и *не шурупать* 'не понимать' [СМА, с. 581]; *не фурычить* 'не понимать' [Там же, с. 513], *чик-чик* и *чика поехала* [АТЛ] 'об утрате способности соображать'; *крякнуть* 'сойти с ума' [Там же] (от *крякнуть* 'сломаться (о технике)'). Вероятно, часовой механизм имеется в виду в жарг. *кукушка поехала / слетела* 'об утрате способности соображать' [БСЖ, с. 300].

Вариацией на ту же тему является метафора поломки механизма в результате смещения деталей: диал. *шарики за ролики закатились* ‘ум за разум зашел’ [ФСРГС, с. 220]; жарг. *шарики за ролики зашли / заехали / заскочили* ‘о сумасшествии’ [СМА, с. 562], *сдвиг по фазе* ‘о сумасшествии’ [АТЛ], *съехать / сойти с катушек* ‘сойти с ума’ [Там же], *сдвинуться с колёс* ‘сойти с ума’ [Югановы, с. 164]. В чистом виде (без образных «примесей») идея смещения отмечена во внутренней форме глагола *задвигаться* ‘сходить с ума’ [БСЖ, с. 195] и его производных *задвиг, задвижка, задвигон, задвинутый*, а также в выражении *ум за разум зашёл* ‘о потере способности соображать’ [АТЛ].

Метафорическая ситуация отсутствия деталей нарисована в диал. *не все шарики дома у кого* ‘о сумасшедшем, слабоумном, глуповатом человеке’ [СПП, с. 81], *не хватáет девятого винтá у кого* ‘о недогадливом или слабоумном человеке’ [СРНГ, вып. 21, с. 36], разг. *шариков / болтиков / винта / винтиков / клепок / одной клепки не хватает / недостаёт / нет* ‘не соображает кто’ [АТЛ], *без винта* ‘о глупом человеке’ [Там же] и др.

Образ электрического замыкания выявляется в жарг. *пробки выбило* ‘о дураке’ [СМА, с. 372], *замкнуло (у кого)* ‘об утрате способности соображать’ [АТЛ], *закороты* ‘странности поведения’ [БСЖ, с. 200].

Нарушения в работе средств связи также пригодны для ассоциирования с интеллектуальной неполноценностью: жарг. *помехи на линии* ‘не понимает кто-л. что-л.’ [АТЛ], *не алло* ‘о непонимании чего-л.’ [БСЖ, с. 34], *линия обрезана* ‘о непонимании’ [АТЛ].

Сбои в работе компьютера как объект, с которым проводится ассоциирование, упоминаются в жарг. *файлы не сошлись у кого* ‘не понимает кто’ [БСЖ, с. 618], *инвалид юзер* ‘несообразительный пользователь компьютера’ [Там же, с. 232].

«Транспортная» метафора. Результатом контаминации образных сфер «Техника» и «Движение» стало привлечение элементов поля

«Транспорт» в качестве инструмента интерпретации представлений о глупом человеке. Возможно, в основе ассоциирования глупца с видом транспорта лежит мотив прямолинейности, однонаправленного, негибкого движения. Это касается, прежде всего, транспортных средств, передвигающихся по рельсам: *троллейбус, электровоз, трамвай, тепловоз* и *паровоз* ‘тупица’ [АТЛ], *дурнее паровоза (кто)* ‘очень глупый человек’ [СМА, с. 317]. Механизмы языковой игры вовлекают в этот ряд еще одно обозначение автотранспорта, который передвигается не по рельсам: *автобус* ‘тупица’ [АТЛ]. Кроме того, в основе жаргонного выражения *дурнее / глупее пылесоса (кто)* ‘о глупом человеке’ [СМА, с. 388] лежит представление о пылесосе как примитивном механизме. Группа наименований вскрывает сравнение дурака с мощной машиной, предназначенной для выполнения тяжелой работы: *экскаватор, каток, бульдозер* ‘тупица’ [АТЛ]. Все представленные языковые факты реализуют, в сущности, один мотив: движение по прямой – примитивное движение, пылесос – хорошо освоенный, простой в применении предмет современного быта, мощный механизм, предназначенный для выполнения простой, но тяжелой работы. Носитель русского жаргона представляет эти механизмы примитивными.

Представленность технического кода как набора пригодных для выражения интеллектуальной семантики средств почти исключительно в жаргоне позволяет сделать вывод о том, что техника – одна из приоритетных сфер для носителя жаргона, то есть одна из самых знакомых и необходимых ему, одна из наиболее освоенных им областей действительности.

Раздел III

ЛЕКСИКА ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА» И НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА

Глава 1

МОТИВАЦИОННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА» В ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ³³

Лексико-семантическое поле «Интеллект человека» в русском языке объединяет множество вторичных (образных) номинаций, обнаруживающих круг значимых для номинатора (в данное время в данном пространстве и в данном социуме) реалий и явлений, отражающихся в метафорах. Этнокультурный потенциал единиц обсуждаемого поля, скрытый в мотивационных моделях, формирующих обозначения интеллектуальной сферы, нельзя недооценивать, несмотря на то, что оценка объекта номинации (ума и глупости как феноменов человеческого сознания, а также их носителей) гораздо меньше зависит от каких-либо «культурных обстоятельств», чем представления о прочих характеристиках человека «духовного» и «социального». К примеру, особенности оценки таких человеческих проявлений, как жадность, нелюдимость, неряшливость, высокомерие, избалованность, имеют более явную этнокультурную обусловленность, нежели оценка интеллектуальных способностей (исключение составляет разве что феномен юродства).

Рассматриваемый пласт лексики претендует едва ли не на номинативную универсальность: целый ряд базовых метафор (кодов, сфер отождествления) встречается в разных языковых культурах и в разные

³³ Текст данной главы представляет собой значительно переработанную статью, написанную в соавторстве с Е. Л. Березович: *Березович Е. Л. Языковой образ дурака: этнолингвистический аспект [Текст] / Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьева // Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996): сб. ст. / отв. ред. С. М. Толстая. М., 2004. С. 368–384.*

эпохи. Подобный универсализм не может не создавать трудностей для этнолингвистического анализа, нацеленного не на общее, но на специфичное.

Рассмотрим возможности этнолингвистического анализа, используя в качестве материала лексику и фразеологию разных форм существования русского языка, составляющую поле «Интеллект человека». Различия в социокультурных «привязках» лексики создают контрастивный эффект, немаловажный для исследований этого типа.

Традиционным и неизменно актуальным жанром этнолингвистического анализа является *реконструкция культурного фона*, сопутствовавшего появлению отдельных слов и выражений. Особенно важна такая реконструкция в том случае, если в роли культурного фона выступает некоторый мифологический субстрат (связанный с верованиями, обрядовой практикой и т. п.), который «выветривается» в сознании носителей языка, уступая место новой «бытийной» мотивировке. К примеру, в рязанском фразеологизме *сидеть, как Никита в конопях* 'о глупом, бестолковом человеке' можно увидеть два мотивирующих момента. Наиболее «близкое» и, несомненно, верное объяснение – то, которое связывает этот фразеологизм с представлениями об одурманивающих свойствах конопли³⁴. Однако причины сидения Никиты в конопле могут быть связаны вовсе не с намерением героя испытать ее наркотическое воздействие: у восточных славян известен обычай сажать ребенка на конопляное поле с разными целями – например, для того, чтоб он начал ходить (если конопля взойдет, ребе-

³⁴ Как показал А. О. Ивченко, в славянских языках широко представлена фразеоглосса, построенная по модели «выскочить + как + живое существо + из каких-либо растений» = «совершить неразумный поступок» (ср. укр. *вирвався як Пилип з конопель*, блр. *выскачыў як Піліп з канпель* и т. п.). В таких фразеологизмах чаще всего фигурируют конопля и мак, реже паслен, кукуруза, просо, крапива, гречка, жито. По мнению исследователя, такой подбор названий растений объясняется именно наличием у последних наркотических свойств [Ивченко, 1999, с. 194–197].

нок в то же лето станет ходить, если нет – останется в «сидунах») [СД, т. 2, с. 586–587]. Вероятность второго объяснения (дополняющего первое) подтверждается наличием костромского выражения *засесть, как младен в коноплѣ* ‘о том, кто слишком увлекся каким-либо занятием, уделяет ему много времени’ [ЛК КО].

Помимо таких реконструкций, которые релевантны для небольшого числа языковых единиц, традиционным видом этнолингвистического или лингвокультурологического анализа является изучение *диапазона варьирования образного основания лексических единиц* в какой-либо этнической или социальной среде. К примеру, носители диалекта нередко используют при номинации глупца образы этнических или территориальных соседей – в каждом случае свои. Варьирование образов в жаргоне указывает на закономерности «осовременивания» номинативного материала, представленного в системе литературного языка или диалекта: зоологическая метафора расширяется в жаргоне за счет привлечения образов экзотических животных, «синонимичных» традиционным мерину, барану или оленю (*мустанг, муфлон, сайгак* ‘глупый человек, дурак’), растительная – за счет образов ярких, необычных или редких растений (*баобаб* ‘глупый человек, тупица’, *эдельвейс* ‘психически ненормальный человек’), физиологическая – за счет включения генетической метафоры (*мутант* ‘дурак’) и т. п. Наблюдения такого плана столь показательны, столь и предсказуемы (и в определенном смысле поверхностны).

Варьирование образной фактуры слов в пределах одной модели свойственно жаргону. Весьма равномерное и интенсивное производство языковых фактов, движимых экспрессией, чревато также опасностью номинативного «заражения», когда новые единицы не проходят заново ступени мыслительной отработки образного содержания, а играют с уже найденным образом, вхолостую варьируя его (ср. игровое поле, эксплу-

атирующее в современном русском жаргоне образ «поехавшей крыши»).

Признавая необходимость и ценность двух описанных выше видов анализа, мы должны тем не менее дополнить их поиском глубинных «этнокультурных сигналов», которые скрываются, надо думать, в самих **закономерностях организации мотивационной структуры** данного лексико-семантического поля.

Такие закономерности прослеживаются на двух уровнях, которые можно условно назвать уровнем внешней мотивации и уровнем внутренней мотивации. Первый из них определяет ассортимент тех сфер отождествления, кодов, предметно-тематических «языков», к которым обращается номинатор в поисках эталона для сравнения. Второй уровень является собственно «причинным», поскольку предполагает выделение мотива номинации, который может вариативно выражаться средствами разных кодов.

Уровень внешней мотивации

Здесь важна прежде всего сама **иерархия кодов, их сравнительная продуктивность**, которая имеет социальную, пространственную и временную детерминированность. Так, несмотря на то что все коды представлены и в диалектах, и в жаргоне, их продуктивность существенно разнится: диалект очень активен в использовании мифологического, природно-метеорологического, речевого, физиологосоматического кодов, в то время как жаргон – технического, социального. Универсальными для разных форм существования русского языка являются антропонимический, зоологический, растительный, пространственный, предметный, кулинарно-гастрономический коды. Набор кодов, специфичный для одного из вариантов русского языка, способен дать самую общую информацию о языковой картине мира его носителя. Так, очевидно, что мышление диалектоносителя – в большей степени, чем мышление горожанина – опирается на некоторый мифологический

«субстрат». Внимание же носителя современного жаргона в большой степени центрировано на различных социальных явлениях и технических достижениях.

В ходе анализа лексики поля «Интеллект человека» вырисовываются **ключевые образы** русской традиционной культуры: дом, дорога, труд, продукты и приготовление пищи, в особенности стряпня, выпечка; большую аксиологическую нагрузку несет речь человека.

Значимость образа дома (причем дома не движущегося, а статичного) — знак оседлости народа-номинатора; показательно, что в лексемах, описывающих интеллектуальную неполноценность человека, запечатлены ситуации отсутствия дома и разрухи в доме. В русских говорах большое внимание уделяется образу отворенной калитки (*калитка отворёна* ‘о придурковатом человеке’, *как плохой плетень* ‘о нерасторопном, бестолковом человеке’), о чем говорит наличие специфической семемы ‘тот, кто не закрывает вовремя двери, ворота’ — *дыропашник* [ЛК КО], *полодырай*, *полоротица* [СРГСУ/Д, с. 435–436]. Для носителя диалекта распахнутая калитка — это значимое и особо выделенное проявление рассеянности; открытая калитка может привести к таким серьезным последствиям, как потеря урожая, который будет вытопан зашедшей в огород или на поле скотиной. Характерно, что в концепт дома включается и семья (*совсем маму потерял*; *бабушка на фронте*; *никого нет дома* ‘о глупом человеке’). В ситуации отсутствия родственников, используемой для описания интеллектуальной неполноценности человека, в первую очередь отмечается утрата родственников по женской линии, а дурак рисуется ребенком, который зависит от родителей и без них беспомощен, несамостоятелен.

Концепт дороги в традиционной культуре тоже обнаруживает специфичность; точнее было бы назвать его концептом «опасного бездорожья». Дороги и дураки связаны частными мотивами смещения (отклонение от дороги: *спятить*), беспорядка (блуждание по кругу, плута-

ние: *в трех соснах заблудиться*), дикости, бескультурия (непроходимые места, глушь, бездорожье: *болотный, подкорник*). Присмотревшись к ним, можно предположить их тесную взаимосвязь с мифологическими представлениями об опасностях, которые таит лес со своими многочисленными тропами – место обитания нечистой силы, способной «водить» человека, сбивая его с дороги.

Безусловной ценностью в традиционной культуре является труд. Праздность, нежелание работать и неумение организовывать свой труд оцениваются отрицательно и приписываются глупому человеку, в то время как расторопность, предприимчивость и умение извлекать выгоду свидетельствуют об уме.

«Образцовыми» нарушениями для носителей русских говоров являются неудачи в готовке пищи, в замешивании теста, в выпекании пирогов, хлеба, абсолютно неактуальные для носителя жаргона. Умение печь хлеб как свидетельство в пользу того, что женщина является хорошей хозяйкой, входило в систему ценностей. Вегетативная метафора мыслительной деятельности, сохранившаяся только в русском литературном языке, – свидетельство земледельческих занятий народа, которому хорошо знаком цикл развития растений.

«Эталонными» дефектами для диалектоносителей являются также врожденные дефекты речи (немота, косноязычие), а носитель молодежного жаргона видит проявление антинормы в нарушениях качеств речи (несвязность, неуместность высказываний), хотя между русскими говорами и жаргоном обнаруживается преемственность в негативном отношении к чрезмерно быстрому темпу речи, несдержанности, экстравертированности, проявляющейся в болтливости.

Кроме того, для этнолингвистического анализа на уровне внешней мотивации значима *логика взаимодействия кодов друг с другом*. Активность и мощность номинативных процессов в изучаемой лексической группе приводит к тому, что отдельные коды притягиваются друг к

другу, обмениваются номинативным материалом, «перенимают» его – и закономерности притяжений и эстафет имеют определенную этнокультурную обусловленность.

Такое взаимодействие проявляется, например, в группе диалектных слов, реализующих «обувную» метафору (см. п. 4.1 разд. II). Показательно, что в диалектных обозначениях дурака обувь нередко выступает не «сама по себе», а с определенным наращением – задействуются названия старой поношенной обуви, обувногохлама: таким образом, модель «глупый человек ← обувь» обнаруживает явственное взаимодействие с моделью «дурак ← хлам, мусор». «Мусорная» метафора подключается к «обувной» не только в целях усиления экспрессии; притяжение метафор обусловлено и общим прагматизмом традиционной картины мира, для которой плохое может концептуализироваться как негодное в хозяйстве. Показательно, что жаргон, где обувная метафора тоже встречается, не дает случаев взаимодействия ее с «мусорной» (жарг. *ботинок, башмак, калоша, туфля, сапог* ‘дурак, тупица’ и др.). Более того, «мусорные» образы в жаргоне вообще очень редки и почти не вовлекаются в сферу обозначений человека по интеллекту.

Уровень внутренней мотивации

Данный уровень анализа мотивационных отношений предполагает ***анализ соотношения мотивационных доминант, сквозных и частных мотивов номинации***. Понятно, что этнокультурный «вес» мотива обратно пропорционален степени его обобщенности: мотивационные доминанты имеют минимальную этнокультурную значимость, частные – выраженную более ярко.

Например, мотивационной доминантой лексико-семантической зоны «Глупость» следует считать идею антинормы. Данная идея конкретизируется в изучаемом поле сквозными мотивами беспорядка, смещения, бездеятельности, недостатка и др. Так, сквозной мотив смеще-

ния реализуется с помощью следующих мотивационных признаков (частных мотивов):

- «утрата опоры» – *сбить с грунту* ‘свести с ума’, *потерять иштативчик* ‘сойти с ума’;
- «шатание» – *ошатеть, ошатунеть* ‘одуреть, обезуметь’;
- «кривизна, наклон» – *косо /криво повязан* ‘о человеке глупом, слабого ума’, *окос* ‘дурак, глупец’; ср. также пословицу *Кривую стрелу Бог правит* ‘о толковом рассуждении или поступке человека глупого и недалекого’; простореч. *мозги набекрень*;
- «нарушение траектории движения» – литер. *сойти с ума, сумасшедший, сумасброд*; жарг. *съехать с рельс, шарики за ролики зашли*;
- «поворот, обратное (“неправильное”) движение» – *заворачиваться* ‘вести себя странно, сходить с ума’, *закрут* ‘умопомешательство, сумасшествие’, литер. *задним умом крепок*, простореч. *спятить*, диал. *ум петит* ‘о помрачении ума’, *ум назад пойдет* ‘теряется рассудок, память от старости’, *опрокидень* ‘сумасшедший’. Сюда же следует отнести образ посолонного дерева (*посолонное дерево* ‘дурак’) – такого, у которого древесина закручена *посолонь*, по ходу движения солнца.

Логическое развитие этих мотивационных линий – появление мотива движения вообще, точнее, начала движения, рассматриваемого как аномалия, поскольку нормативна в данном случае статика, закреплённость в пространстве. Этот мотив находит «картинную» разработку в образе отправившейся в путь крыши и ассоциативно с ней связанных шифера, башни, балки, чердака. Поехать может не только верхняя часть дома, но и он сам (жарг. *дом едет / домик поехал* ‘о чём-л. странном, глупом поведении’). Мотив смещения, выводящий нас к фрейму разрушенного дома, выливается в сценарий путешествия без дороги (диал. *бродячий* ‘дурак’, разг. *не в ту степь* ‘об ошибочных мыслительных действиях’), куда вынужден пускаться дурак, не имеющий полноценного дома и близких родственников. Эти странствования странного чело-

века неминуемо воспринимаются оседлым народом как антинорма. Обстоятельства, лишаящие дурака места на земле, с другой стороны, определяют его отрешенность от земного и обращенность к Богу.

Данный пример показывает, что этнокультурная маркировка становится заметной именно при пошаговом прохождении «лестницы» мотивов: если идея антинормы имеет минимальную степень маркированности, то один из конкретизирующих ее мотивов – мотив движения – дает определенную этнокультурную информацию, которая прочитывается в свете общих установок, выработанных образом жизни народа – в данном случае народа «домашнего».

«Родственные» мотиву движения мотивы – в частности, кривизны и движения вспять – также обладают этнокультурной значимостью [Толстая, 1998; Якушкина, 2002] и могут дать характерные конкретизации. Так, показательна идиома *косо (криво) повязан (повязана)*, которая приписывает глупость человеку с криво повязанным поясом: для носителя традиционной культуры пояс является исключительно «нагруженной» деталью одежды, его отсутствие (собственно «распоясанность») или неправильное подпоясывание имеют далеко идущие последствия, которые могут указывать в том числе и на связь человека с нечистой силой [Байбурин, 1992; СМ, с. 386–388].

Интересны изменения, происходящие на уровне мотивов, то есть *логика отношений и взаимодействий мотивов, продуцируемых одним элементом кода* (иначе – одним образом).

Модель «глупый человек – тот, у кого в голове насекомое» (диал. *мухи в голове, калган с букашками, с бзыком*) первоначально сигнализировала о постороннем вмешательстве нечистой силы (демонов), негативно воздействующей на интеллект человека (см. п. 3.2 разд. II). Затем в ходе постепенного стирания мифологической основы образа понадобилось его вторичное освоение. Эта модель не «умерла», и на это было две причины. Одна из них сугубо языковая: модель «глупый человек –

имеющий нечто в голове» (хлам, туман и т.п.) не имеет себе равных по продуктивности в поле «Интеллект человека». Вторая причина состоит в том, что для носителя русского языка вполне объясним «механизм попадания» насекомого внутрь человека, поскольку типичной чертой внешности дурака является открытый рот. Отмеченность в языковых единицах патологических черт внешности, без сомнения, обладает зарядом экспрессии и потому остается популярной в языковых репрезентациях глупости.

Соответственно, нашелся повод к реанимации модели. Она осуществлялась в направлении обытовления образа насекомого с опорой на разнообразие видов насекомых. Издаваемые насекомыми звуки (гудение, жужжание) стали осознаваться как помеха мыслительному процессу (укр. *жуки гудуть у голові*); по данному основанию осуществилось притяжение птичьей метафоры (*в голове петуны поют*). Другая модуляция образа – проникновение насекомых, причиняющих механическое повреждение голове: *моль трепанула, молью почиканный* ‘о дураке’ [АТЛ]. Комментируя содержательную и формальную трансформацию рассматриваемой энтомосемической модели, необходимо отметить постепенное утрачивание характерного свернутого сюжета, обычно свидетельствующего о мифологической «подоплеке», иначе говоря, «забывается» сама ситуация проникновения насекомых в голову человека: первоначально это были летающие насекомые. Теперь на месте прежних оводов и мух появляются «домашние» насекомые-паразиты. Рассматриваемая модель вобрала в себя мотив «негодный» (простореч. *тараканы в голове, тараканы завелись у кого*), который в дальнейшем претерпел генерализацию, спровоцировавшую полную утрату первоначального семантического «толчка» и переоформление модели в «глупый человек – насекомое, гад» (диал. *некарь, гаведь*, жарг. *таракан*). Следовательно, развитие образа насекомого, привлекаемого к номинации интеллектуально неполноценного человека, прошло такие ступени: воздействие на

человека нечистой силы → лишенное мифологизации негативное воздействие летающего насекомого («звуковые» помехи мыслительному процессу, механическое повреждение головы, осуществляемое проникающими внутрь человека насекомыми и ведущее к приобретению признака «пустой») → проникновение внутрь человека паразитов, негодных ползающих тварей → уподобление человека паразитам. Произошло упрощение мотива от первоначально актуального (и, по-видимому, достаточно долго сохранявшего актуальность) мотива «каузированный (претерпевающий негативное воздействие)» до мотива «негодный».

Подводя итог исследованию мотивационной структуры поля «Интеллект человека», укажем, что оно базируется на шести мотивационных доминантах: «норма» и «антинорма», «примитивность» и «чуждость», «интенсивность проявления признака или действия» и «каузированность».

Первые две доминанты составляют пару, симметрично отраженную в двух лексико-семантических зонах изучаемого поля. Идея антинормы, лежащая в основе подавляющего большинства языковых фактов с отрицательно-интеллектуальной семантикой, проявляет себя в следующих сквозных мотивах: «отклоняющийся, смещающийся», «неспособный выполнять свои функции», «неэнергичный», «лишенный чего-л.», «смешанный, хаотичный», «негодный», «деградирующий». Мотивационная доминанта «норма», наличествующая в лексико-семантической зоне «Ум», реализована в сквозных мотивах «устойчивый», «способный выполнять свои функции», «энергичный», «имеющий что-л. в достатке», «упорядоченный», «хороший», «эволюционирующий». Как можно заметить, симметрия наблюдается и между сквозными мотивами, реализующими идею нормы и антинормы: «устойчивый – смещающийся», «хороший – негодный» и т.д.

Две другие мотивационные доминанты – «примитивный» и «чужой» – участвуют в организации лексико-семантической зоны «Глу-

пость». Потенциально возможные контрастные им доминанты «сложный» и «свой», должны присутствовать в лексико-семантической зоне «Ум», практически не запечатлены в лексических и фразеологических единицах русского языка.

Наконец, мотивационные доминанты «каузированность» и «интенсивность проявления признака или действия» являются общими для обеих лексико-семантических зон. Например, качественное изменение (отрицательное или положительное) интеллектуальных способностей человека происходит в результате поедания чего-л., удара, проникновения чего-л. в голову. Ср., с одной стороны, диал. *облопаться* 'сойти с ума', *объестся белены / бесюки* 'обезуметь', *пехнутой* 'ненормальный', *мухи в голове* 'о глупом человеке' и, с другой стороны, диал. [*как*] *вороньи (сорочьи) яйца (ягоды) есть* 'о человеке, способном предугадывать что-либо; проницательном, дальновидном', *толнуть в голову* 'прийти в голову (о мысли)', *встрелило* 'пришло на ум'. Высокая степень проявления признака *глупый* описана при помощи диал. *глупый всем ростом* 'очень глупый' [СМА, с. 409], *дубовый по самые гланды* 'глупый, недалекий человек' [Базарго, с. 27], *круглый дурак* 'об абсолютно глупом человеке' [СРФ, с. 172], *квадрат в квадрате* 'о крайне тупом, безнадежно глупом человеке' [БСЖ, с. 249] и др. Интенсивность мыслительных действий запечатлена в диал. *лютый* 'смышленный, догадливый' [СРНГ, вып. 17, с. 249], *ломанина* 'умственная работа' [Там же, с. 116].

Мотивы, как и предметно-тематические коды, имеют различную **продуктивность**. Первые две мотивационные доминанты, симметрично отраженные в поле «Интеллект человека», несопоставимы с прочими по своей продуктивности. Например, идея антинормы захватывает бóльшую часть поля, воплощаясь в длинном ряде сквозных и частных мотивов и метафор, реализуясь через описание отклонений во внешности («патологические» черты), отклонений в речи и в поведении (крики

и беспокойство животных, неожиданные поступки юродивых), отклонений в восприятии органами чувств (слепота, глухота), медлительности в физических и интеллектуальных действиях, нежелания работать или неспособности выполнять работу, отклонений от «образцового движения», нарушений в работе механизма, нарушения целостности предмета, нарушения здоровья (физическое уродство, генетические мутации), разрушения постройки и др. Для сравнения приведем мотивационную доминанту с более низкой продуктивностью: чуждость дурака отмечена при помощи элементов мифологического (*божий человек, преподобный, райка, черта в зеркале увидеть*), социального (*житель соседней области, чужеземец, носитель чужого языка*), природно-метеорологического (*торчащая кочка*) кодов.

Так же обстоит дело с продуктивностью сквозных и частных мотивов. Например, в положительно-интеллектуальном пространстве изучаемого поля сквозной мотив «способный выполнять свои функции» охватывает несоизмеримо большее количество лексики, чем, скажем, сквозной мотив «устойчивый». А наряду с высоко продуктивными частными мотивами движения (диал. *пошевеливать в голове* и *ворочать варганкою* ‘думать’), достижения цели (*достремиться* ‘догадаться, смекнуть’, *дохожий* ‘находчивый’), адекватного восприятия и реагирования (диал. *чувствовать* ‘помнить, знать, понимать’) и т. п., эксплицируются и малопродуктивные частные мотивы. Например, опасность ума и знаний отражена только в мифологическом коде (*ён, сатана*) и в зоологическом (жарг. *тигрица*).

Метафоры и мотивы реализуются в языковых фактах в неразрывном единстве. С. Г. Воркачев отмечает, что анализ образной компоненты концепта должен проводиться по следующим критериям: с одной стороны, по степени специфичности / универсальности конкретных способов метафоризации; по их частотности; по типу «вспомогательного субъекта»; с другой стороны, по основанию уподобления – признаку,

задающему область сходства субъектов метафоры [Воркачев, 2001, с. 55]. На примере лексико-семантического поля «Интеллект человека» актуальность рассмотрения материала через две призмы, под двумя разными углами зрения становится еще заметнее.

Глава 2

К ВОПРОСУ ОБ УТОЧНЕНИИ ГРАНИЦ ЛЕКСИКО- СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ НА ОСНОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ МОТИВАЦИОННОГО АНАЛИЗА ЛЕКСИКИ

Семантическое пространство поля «Интеллект», при всей своей неоднородности, получает единое концептуальное оформление в аспекте мотивации составляющих его лексем. Выявленные в ходе исследования когнитивные структуры позволяют уточнить границы лексико-семантического поля и решить вопрос о том, встроены ли понятия «память», «образованность», «хитрость», «уверенность», «сомнение» в когнитивные структуры поля «Интеллект» или они обладают своеобразностью, мешающей им составлять единство с интеллектуальной лексикой, хотя все эти понятия, без сомнения, относятся к сфере ментальной лексики.

Е. В. Падучева ставит в один ряд слова *память, ум, сознание, интуиция, воображение* на основе общей для них родовой категории «способность». Анализ их сочетаемости в современном литературном языке показывает, что их объединяет единое образное воплощение: «Только метафорический концепт ОРГАН оправдывает такие употребления слова *память*, как: *напрягать память; развивать память; память воскресила; изменила, отказала; отшибло память* (как палец), *потерял память* (как *потерял почку*). *Память слабеет* – значит, что орган памяти функционирует хуже» [Падучева, 2000, с. 245]. С другой стороны, *память* метафоризируется и как вместилище, поскольку, по мысли автора, всякий орган «представляется как имеющий границы» [Там же].

Действительно, память и ум концептуализируются как вместилище: ср. диал. *в уме (на уме) поддержа́ть* ‘запомнить, сохранить в памяти’ [СРНГ, вып. 28, с. 4]. Причина этого, думается, состоит в том, что

наполненность неким содержанием является частью дефиниции слова *память* (*память* ‘способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта’ [Ожегов, с. 490]) и коннотацией для слова *ум* (но не частью значения, судя по словарным дефинициям [Там же, с. 832]). На основе этой коннотации появляется хорошо развитая сеть представлений о содержании ума-вместилища.

Ум «нормального» человека представляется наполненным необходимым содержимым: *набрáться умóм* ‘смекнуть, сообразить, собраться с мыслями’ [СРНГ, вып. 19, с. 117]; *умóм накрёпанный* ‘умный, знающий’ – от *крепáть* ‘начинять пирог’ [Ивашко, 1981, с. 33]. Кроме того, содержимое это хорошо «уложено» и постоянно «приводится в порядок»: *ложíть* ‘думать, предполагать’ [СРНГ, вып. 17, с. 109], *покладáть* ‘думать, считать’ [Там же, вып. 28, с. 380]; *оплановáть*, *оплантовáть* ‘обдумать; спланировать’ [Там же, вып. 23, с. 260], *облагáть* ‘полагать, думать’ (ср.: *облагáть* ‘закладывать, основывать (строение)’ [Там же, вып. 22, с. 80]), *обосновáть* ‘продумать’ [Там же, с. 183].

Ум глупого человека видится неглубоким узким сосудом: *котелóк не сработал*, *калган не варит у кого*; *мелкоу́менький*, *мелкоу́мненький*; *узколóбый*, *узкомóзглый*. В лексике актуальны мотивы отсутствия содержания, неполноты содержания, плохого содержимого головы, плохой добавки сверх необходимого, смешанного содержимого:

1) пустота: *пустовéрхий*, *пустоколпáчник*, *пустокóль*, *пустолóбоватый*, *пустолóбый*, *пустомóзглый* [Даль, т. 3, с. 541]; *безмозгáтый*, *безмозгóвица*, *безумовáтый*, *безумóчный*, *безу́мыща*;

2) малый ресурс: не хватать, недоставать: *бесполдённый* [СРНГ, вып. 2, с. 273], *безгóдок* [Там же, с. 185], *феврáль в головé* («неполный» месяц) [ПОС, вып. 7, с. 51], *девянóсто дéвять чáек*, *а однóй чáйки нет* [Ивашко, 1981, с. 31]; *с редькой дéсять* [Там же]; *до рубля семь грíвен не хватáет* [ФСРГС, с. 209]; половина: *половíна дурака* [Там же,

с. 144], *полови́нный дурак* [Ивашко, 1981, с. 28], *полуу́мок* [СРНГ, вып. 29, с. 168], *полуду́роватый* [Там же, с. 147], *полуглу́пка* [Там же, с. 140]; недо-: *с недохв́атком* [Ивашко, 1981, с. 31]; *недоу́м, недоуме́ц* [СРНГ, вып. 21, с. 34], *иметь недохв́ат* [Там же, с. 35], мало-: *малоу́м, малоу́мненький, малоу́мок* [Там же, вып. 17, с. 338]; отсутствие кого-либо: *не все дома* [Ивашко, 1981, с. 30]; *в башке Ванька дома, Васьки нет* [Там же, с. 31]; легкость: *легкоу́м, легкоу́мненький, легкоу́мный, легкоу́мок, легкоу́мый* [СРНГ, вып. 16, с. 313]; *лёгонький умо́м* [Там же, с. 314];

3) хлам: *опо́рина; ду́дора; мяки́нная голова* и др.; плохой, некачественный: *худоу́мый, худоу́мный, худоу́мок* [Даль, т. 4, с. 569];

4) примесь: *с дури́ной, с глупи́ной, с максиму́цем* [Ивашко, 1981, с. 29]; *с метли́кой, с метли́чкой* [СРНГ, вып. 18, с. 140]; *с бусорью* [ФСРГС, с. 18];

5) смесь, смешение: *закружи́лось в голове* [СРНГ, вып. 8, с. 271], *в голове забунто́вано* [Там же, вып. 9, с. 282], *позатрево́жено в голове* [Там же, вып. 28, с. 320]; мутный: *помутне́ние в голове* [Там же, вып. 29, с. 233]; беспорядок: *не́складень* [Там же, вып. 21, с. 151]; *нескра́ю* ‘по глупости, не сообразив в чем дело, сдуру’ (ср.: *нескра́йно* ‘не по порядку’) [Там же, с. 154], *безукла́дный* [Там же, вып. 2, с. 201].

Возвращаясь к концепту «память», следует указать, что в нем присутствует представление о совмещении пространств памяти и ума: появление в пространстве ума означает одновременно исполнение функций *памяти*. Например, *в ум пойти* ‘вспомнить’ [СРНГ, вып. 28, с. 361], *наднау́мить* ‘напомнить’ [Там же, вып. 19, с. 239], *навести на разум* ‘напомнить’ [Там же, с. 172], *надоу́мить* ‘напомнить’ [Там же, с. 247], *надоу́мок* ‘человек, напоминающий кому-л. что-н.’ [Там же], *надоу́мчивый* ‘памятливый’ [Там же], *надоу́мье* ‘напоминание’ [Там же], *надразу́мить* ‘напомнить’ [Там же, с. 248], *наду́мать* ‘припомнить, вспомнить’ [Там же, с. 255], *надуми́ть* ‘надоумить; напомнить’ [Там

же]. С другой стороны, умен тот, кто обладает хорошей памятью: *па́мятной, памятли́вой* ‘смышленный, догадливый’ [СДЛ, с. 111].

Интеллект, как и память, ассоциируется с органом: *здравый рассудок, сила разума, развивать / тренировать интеллект, упражнения для развития интеллекта, коэффициент интеллекта, напрячь интеллект, напрячь ум*, – но эта метафора не характерна для диалекта.

Одинаково ценны крепкая память и крепкий ум: *оловя́нная память* ‘очень хорошая, крепкая память’ [СРНГ, вып. 23, с. 189], *кре́пкий* ‘разумный, здравомыслящий, рассудительный’ [Там же, вып. 15, с. 217], *не с кре́пкого разума* ‘о поступках слабоумного, глуповатого человека’ [Там же], *не тверд в уме* [Даль, т. 4, с. 394].

Если коснуться сопоставления понятий «ум» и «образованность», то надо отметить, что трудно четко отграничить представления, связанные со значением ‘неграмотный, необразованный’, от представлений, закрепленных за значениями ‘неумный, несообразительный’. Этому сопротивляются общие для них коннотации: «темнота» (см. п. 1.1 разд. II) и «твердость» (см. п. 4.1 разд. II).

Все это говорит о сходстве концептуальных представлений об уме, памяти и образованности, что заставляет исследователя считать названные концепты элементами поля «Интеллект».

Обратимся к понятию «хитрость». В пользу того, что его нужно рассматривать в рамках поля «Интеллект», как можно предположить, говорят следующие факты. Сема ‘достигнуть цель’ реализуется при оформлении концепта «хитрость», в противоположность представлению о глупом человеке как неспособном продвигаться к цели и достигнуть ее: *не догна́ть* ‘не понять’ [СРНГ, вып. 8, с. 88], *непрома́шный, непромашь, непромет, непромёт* ‘о человеке ловком и хитром, не дающем промаха в делах’ [Там же, вып. 21, с. 131]. Это означает, пожалуй, что хитрец не глуп, а значит, умен. Лексемы *подъезжа́ть* ‘стараться перехитрить’ [Там же, вып. 28, с. 13], *подха́дчивый* ‘хитрый; обходительный’

[Там же, с. 233], *обла́зливый, обла́зчивый* ‘хитрый, лстивый, пронырливый’ [Там же, вып. 22, с. 82] обнаруживают метафору поиска пути, столь характерную для описания процесса интеллектуальной деятельности. Как известно, дурак не в состоянии отыскивать вход, дорогу: *то-ру не найти* [Там же, вып. 19, с. 301], *подходу не имеет (кто)* [ФСРГС, с. 88]. Он не обладает свойствами, необходимыми для прокладывания дороги: *невóстрый* [СРНГ, вып. 20, с. 358], *тупо́ум* [Даль, вып. 4, с. 443], *невковы́рый* [СРНГ, вып. 20, с. 345]; зато умный человек ими обладает – *вковырчивый, вникáтельной* [СДЛ, с. 18]. Думается, однако, что «генезис» интересующей нас метафоры неоднороден: если в одном случае она является производной от представления об интеллектуальной деятельности как движении к цели в процессе решения мыслительной задачи, то хитреца она рисует как ищущего «подход к человеку» или «тропку» в обход человека (который, собственно, является препятствием на пути хитреца).

Своеобразие концепта «хитрость» доказывают эталонные представления о лисе и цыгане как обладателях этого качества: *лисѝть* ‘ласкаться с целью уговорить; хитрить’ [СРНГ, вып. 17, с. 61]; *лисли́вый* ‘хитрый, лукавый, лстивый’ [Там же, с. 62]; *обцыгáнивать* ‘обманывать, прибегая к хитрости’ [Там же, вып. 22, с. 263] и др. Своеобычен мотив верчения хитрого человека, способного вертеться и вертеть другими: *крутѝль* ‘лживый, хитрый человек; обманщик’ [Там же, вып. 15, с. 324]. Требуют признания индивидуальности обсуждаемого понятия такие его коннотации, как «проскальзывающий, скользкий» (*с мы́льцем* ‘с хитрецей’ [Там же, вып. 19, с. 57]; *мазѝха* ‘хитрая, ловкая женщина’ [СРНГ, вып. 17, с. 296]) и «корыстный, ищущий выгоды сверх возможного» (*уха с мя́сом* ‘о хитром человеке’ [Там же, вып. 19, с. 89]).

Близок к предыдущему понятию концепт обмана. Здесь вновь возникает образ обходной дороги или изгиба – *огибѝнивать* ‘дурачить, обманывать; обводить вокруг пальца’ (*Не огибѝнивай ты меня* [Там же,

вып. 22, с. 314]), *объехать на кривых оглоблях* ‘обмануть, надуть’ [Там же, с. 277], *обью́лить* ‘обмануть, провести’ [Там же, с. 278]. Своеобычен для понятия «обман» и мотив плетения: *оплетáть* ‘одурачивать, надувать; обирать’ (*Плут олухов оплетает*) [Там же, вып. 23, с. 263]); *оплетáться* ‘обманиваться, ошибаться’ [Там же, с. 264]; *оботкáть* ‘обмануть’ [Там же, вып. 22, с. 184]. Актуализация собственно контакта умного и глупца в ситуации обмана происходит лишь в наименованиях типа *омрача́ть* ‘вводить в заблуждение, обманивать, морочить’ [Там же, вып. 23, с. 204], поскольку они соотносимы с представлением о глупце как о том, кто не видит, блуждает в темноте. Хотя подразумевается, что обманутый глуп, а обманувший умен, носитель языка все же ощущает суть обмана несколько иначе, чем просто взаимодействие умного и недогадливого.

Следует заключить, что этот и предыдущий концепты – «обман» и «хитрость» – обладают собственной яркой индивидуальностью и, очевидно, своей инерцией в развитии, а потому могут исключаться из круга внимания исследователя поля «Интеллект человека». Лексика, обслуживающая эти понятия, составляет самостоятельные лексико-семантические поля.

Глава 3

ДВУНАПРАВЛЕННЫЕ МОТИВАЦИОННЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ПОЛЕМ «ИНТЕЛЛЕКТ» И ДРУГИМИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИМИ ПОЛЯМИ

При исследовании мотивации все чаще внимание лингвистов привлекает вопрос о регулярно повторяющихся взаимоотношениях между лексико-семантическими полями. С. М. Толстая справедливо говорит о необходимости двустороннего изучения каждого семантического поля. Как каждое слово может быть мотивированным (включая нулевую мотивацию) и мотивирующим, так и каждое семантическое поле может быть описано с двух сторон. С одной стороны, оно характеризуется «воплощенными в его лексике мотивационными моделями», с другой стороны, «мотивационными моделями, в которых составляющие его слова участвуют в качестве мотивирующих по отношению к лексике других семантических полей» [Толстая, 2002, с. 113]. В. Г. Гак увидел этот тип полевых отношений на примере ментальной лексики: «Взаимодействие ментального поля с другими идет в двух направлениях: слова ментального поля приобретают значения, свойственные другим полям, и слова иных полей приобретают ментальные значения» [Гак, 1993, с. 23]. Рассмотрим это явление на примере взаимодействия поля «Интеллект человека» с другими семантическими полями.

Представляется, что каждый частный случай мотивации слова укладывается в какую-либо мотивационную модель, связывающую два семантических поля. К примеру, в модели «глупый ← торчащий» одно звено, исходное (*торчащий*), условно лежит в семантическом поле «Параметрические характеристики: положение в пространстве, рост, размер». Другое звено, вторичное (*глупый*), занимает свое место в поле «Интеллект человека». Модель представлена наименованиями глупого человека: диал. *как пень в поле, как кочка в поле* [СРНГ, вып. 29, с. 45],

стоёнь [Даль, т. 4, с. 334], *приторчень* [Там же, т. 3, с. 453] и др. Слово *вегловязь* как обозначение бестолкового человека обнаруживает связь с такими значениями этого слова, как '1) стояк на мельнице; основной стоячий вал; 2) высокий, неуклюжий человек; верзила' [СРНГ, вып. 4, с. 90]. Лексема *челпан* 'глупая голова' [СРГСУ, т. 7, с. 21], возможно, связана с *челпáнчик* 'бугорок' [Там же] и *чалпáн* 'небольшая возвышенность, поросшая лесом (*Бугор среди ровна поля – чалпан*)' [Там же, с. 16]. Таким образом, мотивационная модель позволяет достоверно обнаружить канал связи между двумя семантическими полями: частные мотивировочные признаки «торчащий», «стоящий», «высокий», «возвышающийся» сводятся к сквозному мотиву «выделяющийся на общем фоне», реализующем мотивационную доминанту «иной, чужой».

В свою очередь, при отборе материала по критерию общности или близости лексического значения слов, образующих лексико-семантическое поле, обращают на себя внимание полисемичные лексемы, имеющие значение 'характеристика человека по интеллекту' в качестве основного (прямого). Арсенал их вторичных (переносных) значений симптоматичен: они – согласно мотивации – имеют выход в другие лексико-семантические поля, круг которых достаточно узок. Так, например, лексему *вы́дурить* 'чрезмерно вырасти, вытянуться' [СРГСУ, т. 1, с. 101] по значению можно отнести к лексико-семантическому полю «Параметрические характеристики: рост, размер и др.».

Как мы видим, лексика поля «Интеллект человека» явилась в данном случае семантическим источником для переносных наименований другой группы, которая, как уже упоминалось, предоставляет свой номинативный арсенал для образования вторичных обозначений глупого человека. Для каждого поля есть, по-видимому, модели входящие и модели исходящие.

В связи с отмеченным явлением возникает два вопроса. Можно ли считать это явление концептуально обусловленным? Насколько закономерен возврат к донорскому полю при попытке проследить «выход» исследуемого поля в другие поля посредством исходящих моделей? Первый вопрос, очевидно, предполагает положительный ответ. Второй требует рассмотрения.

В ходе исследования входящей и исходящей мотивации удалось обнаружить несколько двусторонних каналов связи поля «Интеллект» с другими лексико-семантическими полями.

Утилитарные мотивы в лексике обсуждаемого поля обусловили связь концептов «глупость» и «праздность». Она особенно отчетливо восстанавливается на уровне внутренних форм слов (*неудѣльный* [СРНГ, вып. 21, с. 188] – от ‘не у дела’, *безделяжный* [Там же, вып. 2, с. 187] – от ‘без дела’, *досу́жий* [Там же, вып. 8, с. 150] – от ‘имеющий досуг’). Явление семантического переноса также свидетельствует о связи рассматриваемых концептов. Семантические регистры ‘глупый’ и ‘ленивый, праздный’ часто соседствуют внутри многозначных слов и, вероятно, являются источниками друг для друга. Переход возможен в обоих направлениях: 1) от наименований ленивого человека производны названия глупца; 2) обозначения глупого человека становятся именами ленивого. Диал. *костáрь* ‘искусный игрок в бабки’ приобретает вторичное значение ‘психически больной человек’ [Там же, вып. 15, с. 70] в результате того, что игра в бабки считалась бесполезным занятием, развлечением, доступным и интеллектуально неполноценному человеку. С другой стороны, сопоставление внутренней формы и значения диал. *дурно́й* ‘легко доставшийся (о деньгах, о золоте)’ [СРГСУ, т. 1, с. 148] также косвенно проясняет образ праздного человека – того, кому удалось избежать работы. В этих языковых фактах отражена взаимосвязь между интеллектуальной неполноценностью и праздностью.

Образ умного человека, в целом положительный, содержит, однако, коннотацию неодобрения много думающего, а значит, замкнутого человека: *думник* ‘задумчивый, молчаливый, угрюмый человек’ [СРНГ, вып. 8, с. 256], *самознай* ‘тот, кто много знает, но никому ничего не рассказывает’ [ССХЧ, с. 24]. Но особенно ярко эта коннотация проявила себя в диалектных вторичных наименованиях, которые составляют внешнюю по отношению к обсуждаемому полю, исходящую мотивационную модель «думающий → злой»: *думовá*, *думовéц*, *думóвушка* ‘неразговорчивый, злой человек, человеконенавистник’ [СРНГ, вып. 8, с. 257]. В народной культуре замкнутость получает негативную оценку, поскольку она нарушает принципы традиционного общежития, «народности», «людимости».

Итак, лексика поля «Интеллект человека» послужила исходным материалом для вторичных обозначений. Мы заметили, что в тех случаях, когда единицы этого поля становятся донорами, способствующими пополнению других семантических полей, эти внешние мотивационные модели часто дают информацию о производящем слове, а не о производном. Например, корни *-ум-*, *-дур-*, *-глуп-* можно обнаружить в диалектных лексемах, базовыми семами для которых являются следующие: **«чрезмерная интенсивность проявления признака»** (диал. *без ума* ‘о высшей степени проявления чего-л.’ [СГРС, т. 1, с. 88], ср. обозначение крика, шума, суеты при помощи образований с корнем *-дур-*: диал. *надурíть* ‘накричать’ [КСГРС], *на дурну́шку* ‘очень громко’ [ФСРГС, с. 65], *на всю дуря́гу* ‘очень громко’ [НОС, вып. 2, с. 110], *дурíть* ‘очень громко кричать, «орать»’ [КСГРС], *дуровáть* ‘кричать, громко плакать’ [СРНГ, вып. 8, с. 271], *дурóвый* ‘нервный, раздражительный, несдержанный, крикливый’ [Там же]); **«недостаток силы»** (*глу́пый* ‘неспособный к действию, слабый, бессильный (о руках, ногах и т. п.)’ [Там же, вып. 6, с. 213]); **«молодость»** (диал. *дурь* ‘недоспевшая морошка’ [КСГРС]; *глу́пый*, *глу́пенький* ‘не вполне созревший, незрелый (о пло-

дах)’ [СРНГ, вып. 6, с. 212]; *глупёц, глупы́ш* ‘о молодом, еще ничего не понимающем животном’ [Там же], *глупята́* ‘младенцы’ [НОС, вып. 2, с. 16]); «**чужой**» (*дурной* ‘необыкновенный, непривычный; не свой’ [СРНГ, вып. 8, с. 270]); «**негодный**» (см. также диал. *ду́рность* ‘гной’ [СРГСУ, вып. 1, с. 148], *надури́ться* ‘вздуться, нарвать (о нарыве)’ [КСГРС], *дурь* ‘гной’ [НОС, вып. 2, с. 110]); «**маленький, ничтожный**» (диал. *глу́пость, глу́пство* ‘незначительное, небольшое количество чего-л.; пустяк, безделица’ [СРНГ, вып. 6, с. 212–213] и *ду́рочка* ‘небольшая кастрюлька’ [КСГРС]). Умственное здоровье же, как выясняется, получает двойную оценку в сознании русского человека – негативную (о неодобрении задумчивости см. выше) и позитивную, которая косвенно обнаружила себя в диал. *с лица не глупый* ‘красивый, привлекательный’ [СРНГ, вып. 6, с. 213]. Как можно убедиться, анализ экспансии лексики изучаемого поля за его пределы тоже пригоден для экспликации когнитивной информации об объекте исследования. Отметим только характерную для поля «Интеллект человека» асимметрию «левой» и «правой» мотивации: лексика других семантических полей активно перемещается в обсуждаемое поле, в то время как переход лексики из него в другие семантические группы крайне редок.

Таким образом, исчерпывающее описание семантического поля должно включать изучение его мотивационных связей с другими полями в двух направлениях: от других полей к нему и от него к другим.

Заключение

Настоящая работа не имеет целью представить глупость, равно как и ум, характеристической для русского человека, национально-специфичной чертой. Мы попытались провести поиск базовых когнитивных структур, то есть таких элементов, которые лежат в основе языковых образов, предполагая, что эти элементы есть самая неподвижная, устойчивая, неизменная часть наших представлений об уме и интеллектуальной неполноценности. Для этого мы попытались сфокусировать результаты разных видов анализа языковых единиц, имеющего целью осмысление обширного лексического и фразеологического материала как семантического, мотивационного и сюжетно-образного единства.

В данной монографии наиболее полно и системно представлена образная составляющая концепта «Интеллект человека». Логические структуры, лежащие в основе образов, видятся нам как система мотивов разных уровней. Она требует дальнейшего осмысления, однако уже на основании реконструированных мотивов можно составить «портрет» мыслительной способности человека, запечатлевший различные объекты и ситуации интеллектуальной сферы.

Умственное благополучие ощущается как полноценность, то есть соответствие норме. Наивысшее проявление ума (мудрость) видится как совершенство, некое идеальное состояние. Умственная деятельность составляет неразрывное единство с речевой деятельностью и направлена на производство новых либо воспроизведение уже известных идеальных объектов. Человек может воздействовать на интеллект другого человека, ориентируя его на деятельность такого рода и передавая ему результаты собственной мыслительной деятельности. Интеллектуальный багаж – это ресурс, который накапливается и может служить предметом обмена.

Мыслительная способность дается свыше, человек может ее совершенствовать лишь в меру своих человеческих сил, как любой физический орган, а вот нанести вред этой способности легко. Это могут сделать люди или inferнальные существа. Поэтому ум следует оберегать.

Знание – это источник повышенной опасности.

Мыслительная способность – это вместилище с неким содержанием, ценным или упорядоченным, основа, суть, управляющий центр.

Ум есть инструмент, при помощи которого человек осваивает действительность. Мыслительная деятельность – это работа, это поиск единственно верной дороги, движение к искомой цели, проникновение на глубину, захват пространства, схватывание чего-либо, упорядочение хаотически движущихся или находящихся в беспорядке предметов, дробление, поглощение и переработка объекта, на который направлена работа мысли. Интеллектуальному действию предъявляются такие требования, как энергичность, интенсивность, скорость и результативность.

Умственное благополучие отличается нестабильностью и может быть нарушено. Ослабление умственных способностей обычно имеет причину. Оно видится как результат внешнего воздействия, например, удара или потрясения, а также как результат аномалий органа мышления – отсутствующего, либо замещенного другим предметом, либо неспособного выполнять свои функции, либо пустого, либо поврежденного, либо захламленного, либо пострадавшего от нечисти.

Умный человек, положительный во всех отношениях и обретший мудрость благодаря долголетию, вызывает одобрение окружающих. Идеальные объекты (мысли), проникшие в его интеллектуальное пространство самостоятельно или благодаря вмешательству других субъектов интеллектуальной деятельности, стремятся закрепиться, занять в нем место, с тем чтобы далее совершенствоваться через по-

средство умственных действий человека и впоследствии достичь результативных изменений.

Интеллектуальная неполноценность – это обделенность умом (тем, чем другие одарены) и одновременно наделенность безумием по воле божией, то есть высший промысел.

Умственная несостоятельность есть неспособность человека вступать в интеллектуальное взаимодействие с другим человеком, то есть адекватно воспринимать воздействия извне и соответствующим образом реагировать. Она есть также результат незавершившегося развития или отставания в развитии. Она манифестируется как аномалия, некая «неправильность», отклонение от нормы – хаос, неустойчивость, смещение.

Вывод об умственной неполноценности кого-либо можно сделать, опираясь как на внешние признаки, так и на предположения о неуспешности ненаблюдаемых мыслительных операций. Она диагностируется, к примеру, как на основании хаоса в мыслительных действиях, беспорядочного движения мысли, так и на основании «типично глупой внешности».

Умственная несостоятельность делает человека исключительным, иным, не таким, как прочие. Окружающие подозревают в нем чужого: неместного, неземного, иногда – иноземца и недочеловека. В умственном бессилии лежит причина никчемности человека, который не в состоянии выполнять даже простую работу. Праздный, неуклюжий, медлительный, неумелый глупец не приспособлен к действительности.

Глупый человек – странное и всегда привлекающее к себе внимание явление. Он часто имеет незаурядную внешность. Среди глупцов разных мастей – буйствующих, не идущих на контакт, чем-то непохожих на нормальных людей и т.д. – есть такие, которые обладают

признаком интеллектуальной неполноценности в наибольшей степени, – «редкие дураки».

Данный метатекст отражает представления об интеллекте и мыслительной деятельности человека, существующие в наивно-языковом сознании русского человека. В каждой метафоре и в каждой языковой единице, которая была рассмотрена в ходе исследования лексико-семантического поля «Интеллект человека», отразилась хотя бы одна из черт этого «пакета» представлений носителя русского языка об интеллекте человека. Можно заметить, что некоторые мотивационные доминанты, реконструируемые в ходе анализа метафор, заключенных в лексическом материале, имеют сходство с идеограммами, присутствующими в изучаемом лексико-семантическом поле – такими, например, как ‘неразвитый’, ‘несовершенный (об уме)’, ‘ненормальный (о человеке)’. В этом совпадении становится явным соприкосновение мотивационной структуры поля с его семантической дифференциацией. Но немало, конечно, и своеобразных мотивов, отличных от дефиниций, обычно прилагаемых к лексике интеллектуальной сферы.

Библиографический список

- Айрапетян В.* Русские толкования [Текст] / В. Айрапетян. М., 2000. 208 с.
- Айрапетян В.* Толкуя слово: Опыт герменевтики по-русски [Текст] / В. Айрапетян. М., 2001. 484 с.
- Апресян Ю. Д.* Избранные труды [Текст]: в 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. М., 1995а. 767 с.
- Апресян Ю. Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания [Текст] / Ю. Д. Апресян // Вопр. языкознания. 1995б. № 1. С. 37–67.
- Апресян Ю. Д.* Основные ментальные предикаты состояния в русском языке [Текст] / Ю. Д. Апресян // Славянские этюды: сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 44–57.
- Арутюнова Н. Д.* От образа к знаку [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Мышление. Когнитивные науки. Искусственный интеллект: сб. ст. М., 1988. С. 147–162.
- Апресян Ю. Д.* Синонимия ментальных предикатов: группа *считать* [Текст] / Ю. Д. Апресян // Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. ст. М., 1993. С. 7–22.
- Арутюнова Н. Д.* Загадки судьбы [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Знак: сб. ст. по лингвистике, семиотике и поэтике. Памяти А. Н. Журина. М., 1994. С. 9–18.
- Арутюнова Н. Д.* Путь по дороге и бездорожью [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Языки динамического мира: сб. ст. Дубна, 1999а. С. 3–17.
- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. М., 1999б. 896 с.
- Бабушкин А. П.* Типы концептов в лексико-фразеологической системе языка [Текст] / А. П. Бабушкин. Воронеж, 1996. 103 с.
- Байбурин А. К.* Коды обряда и их взаимодействие [Текст] / А. К. Байбурин // Фольклор: проблемы сохранения и взаимодействия: сб. ст. М., 1988. С. 139–145.

Байбурин А. К. Пояс: (к семиотике вещей) [Текст] / А. К. Байбурин // Сб. МАЭ. СПб., 1992. Т. 45: Из культурного наследия народов Восточной Европы. С. 5–13.

Байбурин А. К. Чудесное знание и чудесное рождение [Текст] / А. К. Байбурин // ПОЛУТРОПОН. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова: сб. ст. М., 1998. С. 494 – 499.

Баранов А. Н. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике: Фреймы и сценарии [Текст]: науч.-аналит. обзор / А. Н. Баранов. М., 1987. 54 с.

Бахвалова Т. В. Характеристика интеллектуальных способностей человека лексическими и фразеологическими средствами языка (на материале орловских говоров) [Текст]: учеб. пособие / Т. В. Бахвалова. Орел, 1993. 130 с.

Бельчиков Ю. А. Культуроведческий аспект филологических дисциплин [Текст] / Ю. А. Бельчиков // Филол. науки. 1990. № 4. С. 48–55.

Березович Е. Л. Аксиологические ориентиры в зеркале различных форм существования русского языка [Текст] / Е. Л. Березович // Język w kręgu wartości: Studia semantyczne / pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 2003. S. 145–163.

Березович Е. Л. Библейские «локативы» в народной языковой картине мира (на материале русской диалектной лексики и топонимии) [Текст] / Е. Л. Березович, И. В. Родионова // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1996. С. 21–36.

Березович Е. Л. К этнолингвистической интерпретации семантических полей [Текст] / Е. Л. Березович // Вопр. языкознания. 2004. № 6. С. 3–24.

Березович Е. Л. О структуре ономаσιологического портрета реалии как жанра лингвокультурологического описания [Текст] / Е. Л. Березович, М. Э. Рут // Язык. Человек. Картина мира: материалы Всерос. науч. конф.: в 2 ч. / под ред. М. П. Одинцовой. Омск, 2000а. Ч. 1. С. 21–25.

Березович Е. Л. Русская национальная личность в зеркале языка: в поисках объективной методики анализа [Текст] / Е. Л. Березович // Русский язык в контексте культуры: сб. ст. Екатеринбург, 1999. С. 31–42.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / Е. Л. Березович; Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 1998. 461 с.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте [Текст] / Е. Л. Березович. Екатеринбург, 2000б. 532 с.

Березович Е. Л. Теория коннотации в современной лингвистической семантике и ономастика [Текст] / Е. Л. Березович // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сент. 2005 г. Екатеринбург, 2005. С. 10–13.

Блинова Л. А. Нравственные концепты в лексическом освещении [Текст] / Л. А. Блинова, Н. А. Купина // Функциональная семантика слова: сб. ст. Екатеринбург, 1993. С. 20–31.

Богуславская О. Ю. Откуда ты знаешь, что она умная? [Текст] / О. Ю. Богуславская // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке: сб. ст. М., 1999. С. 64–72.

Брагина Н. Г. «Во власти чувств»: мифологические мотивы в языке [Текст] / Н. Г. Брагина // Славянские этюды: сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999. С. 86–102.

Булыгина Т. В. Перемещение в пространстве как метафора эмоций [Текст] / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 277–288.

Бурнос И. В. Некоторые вопросы лингвокультурологического анализа фразеологизмов, выражающих признаки интеллекта [Текст] / И. В. Бурнос // Язык. Человек. Картина мира: материалы Всерос. науч. конф.: в 2 ч. / под ред. М. П. Одинцовой. Омск, 2000. Ч. 1. С. 101–104.

Варбот Ж. Ж. Диахронический аспект проблемы языковой картины мира [Текст] / Ж. Ж. Варбот // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: материалы Междунар. конф., 8–10 июня 2002 г. М., 2003. С. 15–22.

Варбот Ж. Ж. К этимологии славянских прилагательных со значением ‘быстрый’ III [Текст] / Ж. Ж. Варбот // Этимология 1994–1996: сб. ст. / отв. ред. О. Н. Трубачев. М., 1997. С. 35–45.

Варбот Ж. Ж. О происхождении слова *пентюх* [Текст] / Ж. Ж. Варбот // Словарь. Грамматика. Текст: сб. ст. / отв. ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон; РАН. ОЛИЯ. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М., 1996. С. 58–61.

Вежбицка А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке [Текст] / А. Вежбицка // Рус. яз. в науч. освещении. 2002. № 2 (4). С. 6–34.

Вежбицка А. Семантические универсалии и описание языков [Текст] / А. Вежбицка; пер. с англ. А. Д. Шмелева под ред. Т. В. Булыгиной. М., 1999. 780 с.

Вежбицка А. Судьба и предопределение [Текст] / А. Вежбицка // Путь. 1994. № 5. С. 82–150.

Вежбицка А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежбицка; пер. с англ. М., 1996. 416 с.

Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка [Текст] / Т. И. Вендина. М., 2002. 336 с.

Верещагин Е. М. Приметы времени и места в идиоматике речемыслительной деятельности [Текст] / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Язык: система и функционирование: сб. ст. М., 1998. С. 54–61.

Воркачев С. Г. Концепт счастья: понятийный и образный компоненты [Текст] / С. Г. Воркачев // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 2001. Т. 60, № 6. С. 47–58.

Воробьев В. В. Культурологическая парадигма русского языка: Теория описания языка и культуры во взаимодействии [Текст] / В. В. Воробьев. М., 1994. 76 с.

Воронина Т. М. Интеллектуальная деятельность человека в образном представлении (на материале глагольной метафоры) [Текст] / Т. М. Воронина // Язык. Система. Личность: сб. ст. Екатеринбург, 2000. С. 298–306.

Гак В. Г. Пространство мысли (опыт систематизации слов ментального поля) [Текст] / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. ст. М., 1993. С. 22–29.

Гак В. Г. Этимолого-семантические поля в лексике [Текст] / В. Г. Гак // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова) / отв. ред. д-р филол. н. М. В. Ляпон. М., 1995. С. 107–117.

Глушкова В. В. Номинативная модель «дерево – человек» в русском и болгарском языках [Текст] / В. В. Глушкова // Ономастика и диалектная лексика: сб. науч. тр. Екатеринбург, 1999. Вып. 3. С. 238–241.

Голованивская М. К. Французский менталитет с точки зрения носителя русского языка [Текст] / М. К. Голованивская. М., 1997. 280 с.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество [Текст]: моногр. / Т. А. Гридина. Екатеринбург, 1996. 214 с.

Дегтев С. В. Концепт *слово* в истории русского языка [Текст] / С. В. Дегтев, И. И. Макеева // Язык о языке: сб. ст. М., 2000. С. 156–171.

Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом [Текст] / Д. О. Добровольский // Вопр. языкознания. 1996. № 1. С. 71–94.

Добродомов И. Г. Дубина стоеросовая [Текст] / И. Г. Добродомов // Рус. речь. 1968. № 5. С. 142–144.

Дуличенко Л. В. Антрополоксемы с негативным значением и их лексикографическое описание [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Дуличенко. СПб., 2000. 16 с.

Ермакова О. П. Концепт «безумие» с точки зрения языка [Текст] / О. П. Ермакова // Логический анализ языка. Космос и хаос: Концептуальные поля порядка и беспорядка: сб. ст. / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 2003. С. 108–116.

Ермакова О. П. Концепты *совесть* и *стыд* по данным языка [Текст] / О. П. Ермакова // Русский язык в контексте культуры: сб. ст. Екатеринбург, 1999. С. 54–59.

Жданова Л. А. «Культурное слово» *милосердие* [Текст] Л. А. Жданова, О. Г. Ревзина // Логический анализ языка. Культурные концепты: сб. ст. М., 1991. С. 56–61.

Журавлев А. Ф. Диалектный словарь и культурные реконструкции [Текст] / А. Ф. Журавлев // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов, Любляна, 2003 г.: докл. рос. делегации. М., 2003. С. 177–189.

Журавлев А. Ф. Древнеславянская фундаментальная аксиология в зеркале праславянской лексики [Текст] / А. Ф. Журавлев // Славянское и балкан-

ское языкознание. Проблемы лексикологии и семантики. Слово в контексте культуры: сб. ст. М., 1999. С. 7–32.

Журавская О. С. Названия построек в Уральских говорах как источник изучения языковой картины мира [Текст] / О. С. Журавская // Язык. Система. Личность: сб. ст. Екатеринбург, 2000. С. 66 – 69.

Зализняк А. А. Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния [Текст] / А. А. Зализняк. Мюнхен, 1992. 202 с.

Зализняк А. А. Метафора движения в концептуализации интеллектуальной деятельности [Текст] / А. А. Зализняк // Логический анализ языка. Языки динамического мира: сб. ст. Дубна, 1999. С. 312–320.

Заонегин Е. В. Глаголы, выражающие понятие «думать» в романских языках (ономасиологический анализ) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. В. Заонегин. М., 1972. 25 с.

Ивашко Л. А. Очерки русской диалектной фразеологии [Текст] / Л. А. Ивашко. Л., 1981. 110 с.

Карасик В. И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В. И. Карасик // Языковая личность: культурные концепты: сб. науч. тр. / ВГПУ, ПМПУ. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 3–16.

Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике: Фреймы и сценарии [Текст]: науч.-аналит. обзор. М., 1987. 54 с.

Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл [Текст] / И. М. Кобозева // Язык о языке: сб. ст. М., 2000. С. 303–359.

Кобозева И. М. Мысль и идея на фоне категоризации ментальных имен [Текст] / И. М. Кобозева // Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. ст. М., 1993. С. 95–105.

Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов [Текст] / И. М. Кобозева // Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология. 1995. № 3. С. 102–117.

Коваль В. И. Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение [Текст] / В. И. Коваль. Гомель, 1998. 213 с.

Ковшова М. Л. Как с писаной торбой носить: принципы когнитивно-культурологического исследования идиом [Текст] / М. Л. Ковшова // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. М., 1999. С. 164–174.

Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологических единиц (когнитивные аспекты) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М. Л. Ковшова. М., 1996. 22 с.

Ковшова М. Л. «Ум» и «голова» как ключевые слова в составе фразеологических единиц: Опыт сравнения [Текст] / М. Л. Ковшова // Прагматика. Семантика. Грамматика: материалы конф. науч. сотр. и аспирантов. М., 1993. С. 60–63.

Колесов В. В. Отражение русского менталитета в слове [Текст] / В. В. Колесов // Человек в зеркале наук: сб. ст. Л., 1991. С. 106–125.

Колесов В. В. Ментальные характеристики русского слова в языке и в философской интуиции [Текст] / В. В. Колесов // Язык и этнический менталитет: сб. ст. Петрозаводск, 1995. С. 13–24.

Копачевская С. М. Из наблюдений над лексической и синтаксической сочетаемостью синонимической группы глаголов мыслительной деятельности со значением «реализовать в форме мысли потенциальную способность мозга к умственному труду» (по материалам литературных произведений 2-й половины XVIII–XX веков) [Текст] / С. М. Копачевская // Вопросы языкознания и сибирской диалектологии. Вып. 7. Томск, 1977. С. 62–66.

Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация) [Текст] / В. В. Красных. М., 1998. 352 с.

Кривошапова Ю. А. Образы птиц и насекомых в русских обозначениях интеллекта человека [Текст] / Ю. А. Кривошапова, Т. В. Леонтьева // Кодови словенских култура. Птице: сб. ст. Београд, 2003. С. 7–16.

Кривошапова Ю. А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом аспекте [Текст]: дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Кривошапова. Екатеринбург, 2007. 161 с.

Кругликова Л. Е. Синонимический ряд «глупый человек» в истории русского языка [Текст] / Л. Е. Кругликова // Слово во времени и пространстве: сб. ст. к 60-летию проф. В. М. Мокиенко. СПб., 2000. С. 96–113.

Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова [Текст] / Е. С. Кубрякова // Семантика языковых единиц: доклады 6-й Международ. конф.: в 2 т. М., 1998. Т. I. С. 47–51.

Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М., 1996. 245 с.

Кубрякова Е. С. О понятиях места, предмета и пространства [Текст] / Е. С. Кубрякова // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. ст. М., 2000. С. 84–92.

Кузнецов А. М. Этносемантический компонент лексикографической дефиниции: Врут ли словари? [Текст] / А. М. Кузнецов // Этническое и языковое самосознание: сб. ст. М., 1995. С. 84–87.

Лакофф Дж. Когнитивная семантика [Текст] / Дж. Лакофф // Язык и интеллект: сб. ст. М., 1996. С. 143–185.

Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем [Текст] / Дж. Лакофф, М. Джонсон; пер. с англ.; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004. 256 с.

Левонтина И. Б. Родные просторы [Текст] / И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. ст. М., 2000. С. 338–347.

Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка [Текст] / Д. С. Лихачев // Изд. РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52, № 1. С. 3–9.

Лукиянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления (проблемы семантики) [Текст] / Н. А. Лукиянова. Новосибирск, 1986. 230 с.

Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект [Текст] / В. Д. Лютикова. Тюмень, 1999. 188 с.

Макеева И. И. Исторические изменения в семантике некоторых русских ментальных глаголов [Текст] / И. И. Макеева // Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. ст. М., 1993. С. 40–45.

Макеева И. И. Языковые концепты в истории русского языка [Текст] / И. И. Макеева // Язык о языке: сб. ст. М., 2000. С. 63–155.

Макович Г. В. Мечта в русском языке и в русском сознании [Текст] / Г. В. Макович // Язык. Система. Личность: сб. ст. Екатеринбург, 2000. С. 96–99.

Макридина М. А. Коннотативный спектр лексики семантического поля «Праздность» в русском языке [Текст] / М. А. Макридина // Язык. Система. Личность: сб. ст. Екатеринбург, 2000. С. 99–107.

Мелерович А. М. Формирование и функционирование фразеологизмов с культурно маркированной семантикой в системе русской речи [Текст] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 63–68.

Мечковская Н. Б. Метаязыковые глаголы в исторической перспективе [Текст] / Н. Б. Мечковская // Язык о языке: сб. ст. М., 2000. С. 363–380.

Михеев М. Ю. Отражение слова «душа» в наивной мифологии русского языка (опыт размытого описания образной коннотативной семантики) [Текст] / М. Ю. Михеев // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. М., 1999. С. 145–159.

Мокиенко В. М. Фразеология в контексте субкультуры (фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии) [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. М., 1999. С. 80–85.

Морковкин В. В. Антропоцентрический versus. Лингвоцентрический подход к лексикографированию [Текст] / В. В. Морковкин // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: сб. ст. М., 1988. С. 131–136.

Муминов М. Т. Тюркские элементы в русских говорах среднего Урала [Текст] / М. Т. Муминов // Этимологические исследования: сб. науч. тр. Свердловск, 1991а. С. 65–71.

Муминов М. Т. Этимологии некоторых тюркизмов в русских говорах Среднего Урала [Текст] / М. Т. Муминов // Русская диалектная этимология: тез. докл. межвуз. науч. конф., 10–12 окт. 1991 г. Свердловск, 1991б. С. 26–27.

Мурзин Л. Н. О лингвокультурологии, ее содержании и методах [Текст] / Л. Н. Мурзин // Русская разговорная речь как явление городской культуры: сб. ст. Екатеринбург, 1996. С. 7–13.

Никитина Л. Б. Семантика и прагматика оценочных высказываний об интеллекте: (К проблеме образа человека в современном русском языке) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. Б. Никитина; Алт. гос. ун-т. Барнаул, 1996. 21 с.

Никитина Л. Б. Метафора как показатель степени интенсивности оценки в высказываниях об интеллекте человека [Текст] / Л. Б. Никитина // Язык. Человек. Картина мира: материалы Всерос. науч. конф.: в 2 ч. / под ред. М. П. Одинцовой. Омск, 2000. Ч. I. С. 89–92.

Никитина С. Е. Культурно-языковая картина мира в тезаурусном описании (на материале фольклорных и научных текстов) [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / С. Е. Никитина. М., 1999а.

Никитина С. Е. Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов) [Текст] / С. Е. Никитина // Славянские этюды: сб. к юбилею С. М. Толстой. М., 1999б. С. 298–307.

Ольшанский И. Г. Лексика, фразеология, текст: лингвокультурологические компоненты [Текст] / И. Г. Ольшанский // Язык и культура: сб. обзоров. М., 1999. Вып. 2. С. 10–26.

Опарина Е. О. Исследование метафоры в последней трети XX века [Текст] / Е. О. Опарина // Лингвистические исследования в конце XX века: сб. обзоров. М., 2000. С. 186–204.

Опарина Е. О. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия [Текст] / Е. О. Опарина // Язык и культура: сб. ст. М., 1999. Вып. 2. С. 27–48.

Падучева Е. В. Пространство в облиии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) [Текст] / Е. В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств: сб. ст. М., 2000. С. 239–254.

Пеньковский А. Б. О категории «чуждости» в русском языке [Текст] / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики. 1985–1987: сб. ст. М., 1989. С. 54–82.

Плунгян В. А. БЕЗУМИЕ как лексикографическая проблема (К анализу прилагательных *безумный* и *сумасшедший*) [Текст] / В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина // Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. ст. М., 1993. С. 120–126.

Подюков И. А. Народная фразеология в зеркале народной культуры [Текст]: учеб. пособие / И. А. Подюков. Пермь, 1991. 124 с.

Покровская Я. А. Метафора как средство обозначения концепта гнева [Текст] / Я. А. Покровская // Языковая личность: культурные концепты: сб. ст. Волгоград; Архангельск, 1996. С. 183–189.

Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека [Текст] / В. И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира: сб. ст. М., 1988. С. 9–47.

Потапова Н. П. Класс глаголов «интеллектуальная деятельность» в говоре деревни Акчим Пермской области [Текст] / Н. П. Потапова // Российская деревня: история и современность: докл. и сообщ. 6-й рос. науч.-практ. конф., Н. Новгород, ноябрь 1997 г. (Материалы для изучения селений России; вып. 1): в 2 ч. Ч. 2: Язык российской деревни: Говоры. Лингвофольклористика. Ономастика / Сост. и отв. ред. З. В. Рубцова. М., 1997. С. 28–31.

Почепцов О. Г. Языковая ментальность: Способ представления [Текст] / О. Г. Почепцов // Вопр. языкознания. 1990. № 6. С. 110–122.

Пьянкова К. В. Масло в голове [Текст] / К. В. Пьянкова // Рус. речь. 2003. № 3. С. 118–120.

Пьянкова К. В. Семантические связи пищевой лексики в русском языке: этнолингвистический аспект [Текст]: диплом. работа / К. В. Пьянкова; Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2005. 244 с.

Радышкевич И. И. Членение концептуального пространства отрицательных эмоциональных состояний (на материале современного английского языка) [Текст] / И. И. Радышкевич // Концептуализация и когнитивное моделирование мира: сб. ст. М., 1996. С. 15–29.

Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость [Текст] / Е. В. Рахилина. М., 2000. 416 с.

Резанова З. И. Человек в ценностной картине мира (на материале сибирских диалектных лексических систем [Текст] / З. И. Резанова // Культура Отечества: прошлое, настоящее, будущее: сб. тез. докл. IV Духов.-ист. чтений. Томск, 1995. С. 69–74.

Родионова И. В. Морфо-семантическое поле и проблемы семантической реконструкции (на примере гнезд *bog-, *baž-, *bolg-, *blaz-) [Текст] /

И. В. Родионова // Русская диалектная этимология: тез. докл. и сообщ. 3-го науч. совещ., 21–23 окт. 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 60–62.

Розина Р. И. Движение в физическом и ментальном пространстве [Текст] / Р. И. Розина // Логический анализ языка. Языки динамического мира: сб. ст. Дубна, 1999. С. 108–118.

Русинова И. И. Семантика и этимология диалектных глаголов с корнем -блазн-/блаж- (на материале несказочной прозы Севера Пермской области) [Текст] / И. И. Русинова // Русская диалектная этимология: тез. докл. межвуз. науч. конф., 10–12 окт. 1991 г. Свердловск, 1991. С. 33–34.

Рут М. Э. Русское диалектное *полубелый* ‘сумасшедший, ненормальный’ [Текст] / М. Э. Рут // Русская диалектная этимология. тез. докл. межвуз. науч. конф., 10–12 окт. 1991 г. Свердловск, 1991. С. 34–35.

Рут М. Э. Образная номинация в русском языке [Текст] / М. Э. Рут. Екатеринбург, 1992. 148 с.

Рябцева Н. К. Помехи, преграды и препятствия в физическом, социальном и ментальном пространстве [Текст] / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Языки динамического мира: сб. ст. Дубна, 1999. С. 119–137.

Сандомирская И. Идиома и культура: в поисках общего основания [Текст] / И. Сандомирская // *Etnolingwistyka (problemy języka i kultury)*. Lublin, 1996. С. 9–22.

Соколова М. А. Выражение признаков интеллекта фразеологизмами русского языка (на фоне испанского языка) [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / М. А. Соколова. СПб., 1995. 16 с.

Солоник Н. В. Русский менталитет в зеркале русских пословиц: наблюдения и попытка верификации [Текст] / Н. В. Солоник // Русский язык, культура, история: сб. материалов 2-й науч. конф. лингвистов, литературоведов, фольклористов: в 2 ч. М., 1997. Ч. 1. С. 207–212.

Стернин И. А. Концепты и лакуны [Текст] / И. А. Стернин, Г. В. Быкова // Языковое сознание: Формирование и функционирование: сб. ст. М., 1998. С. 55 – 67.

Сукаленко Н. И. Образно-стереотипная языковая картина мира как отражение эмпирического обыденного сознания [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н. И. Сукаленко. Киев, 1991. 40 с.

Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры [Текст] / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. М., 1999. С. 13–24.

Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. М., 1996. 288 с.

Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц [Текст] / В. Н. Телия // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности: сб. ст. М., 1991. С. 5–66.

Теория метафоры [Текст]: сб.: пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. / общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. М., 1990.

Толстая С. М. Бренное тело, или Из чего сотворен человек [Текст] / С. М. Толстая // Јужнословенски филолог. Књ. LVII/3–4. Посвећено Павлу Ивићу. Београд, 2000а. С. 1191–1199.

Толстая С. М. Грех в свете славянской мифологии [Текст] / С. М. Толстая // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции. М., 2000б. С. 9–43.

Толстая С. М. Зеркало в традиционных славянских верованиях и обрядах [Текст] / С. М. Толстая // Славянский и балканский фольклор: сб. ст. М., 1994. С. 111–129.

Толстая С. М. Культурная семантика слав. **kriv*- [Текст] / С. М. Толстая // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого: сб. ст.: в 2 т. М., 1998. Т. II. С. 215–229.

Толстая С. М. Мотивационные семантические модели и картина мира [Текст] / С. М. Толстая // Рус. яз. в науч. освещении. 2002. № 1 (3). С. 112–127.

Толстая С. М. Символический язык одежды [Текст] / С. М. Толстая // Славянская традиционная культура и современный мир: вып. 1–. М., 2005. Вып. 8. С. 42–53.

Толстая С. М. «Человек живёт, как трава растёт»: вегетативная метафора человеческой жизни [Текст] / С. М. Толстая // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004. С. 694–703.

Толстой Н. И. Имя в контексте народной культуры [Текст] / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Язык о языке: сб. ст. М., 2000. С. 597–624.

Толстой Н. И. Мифологическое в славянской народной поэзии. Месяц в горшке, звезды в посудине [Текст] / Н. И. Толстой // Живая старина. 1996. № 2. С. 40–41.

Толстой Н. И. О словаре «Славянские древности» [Текст] / Н. И. Толстой, С. М. Толстая // Славянские древности: этнолингв. слов.: в 5 т. М., 1995–. Т. 1–. / под ред. Н. И. Толстого. Т. I. М., 1995а. С. 5–14.

Толстой Н. И. Очерки славянского язычества (Традиционная духовная культура славян / Современные исследования) [Текст] / Н. И. Толстой. М., 2003. 624 с.

Толстой Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике [Текст] / Н. И. Толстой. М., 1995б. С. 347–358.

Урысон Е. В. Ум, разум, рассудок, интеллект [Текст] / Е. В. Урысон // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: вып. 1 – 3. М., 1997 – 2003. Вып. 1. С. 519–525.

Урысон Е. В. Языковая картина мира VS. обиходные представления (модель восприятия в русском языке) [Текст] / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3–21.

Успенский В. А. О вещных коннотациях абстрактных существительных [Текст] / В. А. Успенский // Семиотика и информатика. М., 1979. Вып. 11. С. 142–148.

Уфимцева Н. В. Образы обыденного сознания современных русских [Текст] / Н. В. Уфимцева // Социоллингвистические проблемы в разных регионах мира: материалы Междунар. конф. М., 1996. С. 402–406.

Уфимцева Н. В. Русские глазами русских [Текст] / Н. В. Уфимцева // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность: сб. ст. М., 1995а. С. 242–250.

Уфимцева Н. В. Этнические и культурные стереотипы: кросскультурное исследование [Текст] / Н. В. Уфимцева // Изд. РАН. Сер. лит. и яз. 1995б. Т. 54, № 3. С. 55–63.

Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских [Текст] / Н. В. Уфимцева // Языковое сознание: Формирование и функционирование: сб. ст. М., 1998. С. 135–170.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / М. Фасмер. М., 1964 – 1973. Т. I – IV.

Феоктистова А. Б. Когнитивные аспекты семантики идиом, обозначающих чувства-состояния [Текст]: автореф. дис. ...канд. филол. наук / А. Б. Феоктистова. М., 1996. 17 с.

Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. М., 1988. Вып. XXIII. С. 52 – 67.

Фрумкина Р. М. Концепт, категория, прототип [Текст] / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: сб. обзоров. М., 1992. С. 28–44.

Харитончик З. А. Способы концептуальной организации знаний в лексике языка [Текст] / З. А. Харитончик // Язык и структуры представления знаний: сб. ст. М., 1992. С. 98–123.

Чернейко Л. О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени [Текст] / Л. О. Чернейко. М., 1997. 320 с.

Чудинов А. П. Структурный и когнитивный аспекты исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) [Текст] / А. П. Чудинов // Лингвистика: бюл. Урал. лингв. о-ва. Екатеринбург, 2001. С. 38–53.

Шенделева Е. А. Полевая организация образной лексики и фразеологии [Текст] / Е. А. Шенделева // Фразеология в контексте культуры: сб. ст. М., 1999. С. 74–79.

Шмелев А. Д. «Русская ментальность» в зеркале лексических данных [Текст] / А. Д. Шмелев // Этническое и языковое самосознание: сб. ст. М., 1995. С. 168–170.

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира [Текст]: материалы к словарю / А. Д. Шмелев. М., 2002а. 224 с.

Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность [Текст] / А. Д. Шмелев. М., 2002б. 492 с.

Юрина Е. А. Ассоциативно-образные характеристики человека (на материале морфологически мотивированных существительных, прилагательных и глаголов) [Текст] / Е. А. Юрина // Культура. Отечество: прошлое, настоящее, будущее: сб. тез. докл. IV Духов.-ист. чтений. Томск, 1995. С. 91–100.

Якушкина Е. И. Оппозиции *прямой – кривой* и *прямой – обратный* и их культурные коннотации [Текст] / Е. И. Якушкина // Признаковое пространство культуры: сб. ст. М., 2002. С. 163–183.

Bartmiński J. Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji [Текст] / J. Bartmiński // Konotacja / pod red. J. Bartmińskiego. Lublin, 1988. S. 169–182.

Івченко А. О. Українська народна фразеологія: Ономасіологія, ареали, етимологія [Текст] / А. О. Івченко. Харків, 1999. 304 с.

Jakubowicz M. Orientierungsmetaphern in der Konzeptualisierung seelischer Zustände [Текст] / M. Jakubowicz // Die Welt der Slaven. Sammelbände (8). Beiträge der Europäischen Slavistischen Linguistik. München, 2000. Bd. 3. S. 121–129.

Сокращенные названия словарей и источников

АРС – *Англо-русский* словарь [Текст]. М., 1979.

АС – *Словарь* говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) [Текст]. Пермь, 1984 –. Вып. 1 –.

АТЛ – *Архив* Т. В. Леонтьевой (записи студенческого жаргона, осуществленные в Екатеринбурге в 1997–2003 гг.)

Базарго – *Шинкаренко Ю. В.* Базарго [Текст]: жаргон уральских подростков / Ю. В. Шинкаренко. М., 1998.

БНРС – *Большой* немецко-русский словарь [Текст]. 9-е изд. М., 2002.

БСЖ – *Мокиенко В. М.* Большой словарь русского жаргона [Текст] / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2000.

Даль – *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка [Текст]: в 4 т. / В. И. Даль. М., 1994.

ЖР – *Белянин В. П.* Живая речь [Текст]: слов. разг. выражений / В. П. Белянин, И. А. Бутенко. М., 1994.

КСГРС – *Картотека* Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).

КЭСРЯ – *Краткий* этимологический словарь русского языка [Текст] / Н. М. Шанский [и др.]. 3-е изд. М., 1975.

ЛК КО – *Лексическая* картотека Костромской области (кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).

МАС – *Словарь* русского языка (Малый академический словарь) [Текст]: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

НОС – *Новгородский* областной словарь [Текст]. Новгород, 1992 – 2000. Вып. 1 – 13.

Ожегов – *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд. М., 1999.

ПОС – *Псковский* областной словарь с историческими данными [Текст]. Л., 1967 –. Вып. 1 –.

СГРС – *Словарь* говоров Русского Севера [Текст]. Екатеринбург, 2001 –. Т. 1 –.

СГСЗ – *Словарь* говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья [Текст]. Новосибирск, 1999.

СД – *Славянские древности* [Текст]: этнолингв. слов.: в 5 т. М., 1995 – Т. 1 –.

СДЛ – *Лютикова В. Д.* Словарь диалектной личности [Текст] / В. Д. Лютикова. Тюмень, 2000.

СМ – *Славянская мифология* [Текст]: энцикл. слов. М., 2002.

СМА – *Елистратов В. С.* Словарь московского аргю [Текст]: мат-лы. 1980 – 1994 гг. / В. С. Елистратов. М., 1994.

СОВРЯ – *Словарь* образных выражений русского языка [Текст] / под ред. В. Н. Телия. М., 1995.

СПГ – Словарь пермских говоров [Текст]. Пермь, 1999 – 2002. Вып. 1 – 2.

СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок [Текст] / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001.

СРГЗ – *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья [Текст] / Л. Е. Элиасов. М., 1980.

СРГК – *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей [Текст]. СПб., 1994 – 2005. Вып. 1 – 6.

СРГМ – *Словарь* русских говоров на территории Мордовской АССР [Текст]. Саранск, 1978 –. Вып. 1 –.

СРГНО – *Словарь* русских говоров Новосибирской области [Текст]. Новосибирск, 1979.

СРГСРКК – *Словарь* русских говоров северных районов Красноярского края [Текст]. Красноярск, 1992.

СРГСУ – *Словарь* русских говоров Среднего Урала [Текст]. Свердловск, 1964 – 1987. Т. 1 – 7.

СРГСУ/Д – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: дополнения [Текст]. Екатеринбург, 1996.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров [Текст]. М.; Л., 1965 –. Вып. 1 –.

СРСГСО-Д – *Словарь* русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби. Дополнения [Текст]. Томск, 1975. Т. 1 – 2.

СРФ – *Бирих А. К.* Словарь русской фразеологии [Текст]: ист.-этимол. справ. / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. СПб., 1999.

СРЯ (XI–XVII) – *Словарь русского языка XI – XVII вв.* [Текст]. М., 1975 –. Т. 1 –.

СС – *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI веков) [Текст] / под ред. Р. М. Цейтлина, Р. Вечерки, Э. Благовой. М., 1984.

ССГ – *Словарь смоленских говоров* [Текст]. Смоленск, 1974 –. Вып. 1 –.

ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка* [Текст]. М.; Л., 1948 – 1965. Т. 1 – 17.

ССХЧ – *Воробьев Б. Д.* От абалтуса до угланчика, и кто такой «яд» (Словарь синонимов, характеризующих человека в уральских говорах) [Текст]. Екатеринбург, 1999.

ФСРГС – *Фразеологический словарь русских говоров Сибири* [Текст] / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1983.

ФСРЛЯ – *Фразеологический словарь русского литературного языка* [Текст]: в 2 т. / сост. А. И. Федоров. Новосибирск, 1995. Т. 1 – 2.

ФСРЯ – *Фразеологический словарь русского языка* [Текст] / под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.

Черных – *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]: В 2 т. М., 1994.

ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков* [Текст]: праслав. лексич. фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев. М., 1974 –. Вып. 1 –.

Югановы – *Юганов И.* Русский жаргон 60–90-х годов [Текст]: опыт словаря / И. Юганов, Ф. Юганова. М., 1994.

Оглавление

Введение.....	3
Раздел I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ПРИНЦИПЫ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	12
Глава 1. Семантическая структура поля «Интеллект человека».....	12
Глава 2. Принципы мотивационного анализа лексики поля «Интеллект человека».....	27
Раздел II. ЛЕКСИКА ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: МОТИВАЦИОННЫЙ АСПЕКТ.....	41
Глава 1. Человек.....	42
1.1. Физиолого-соматический код.....	42
1.2. Речевой код.....	69
Глава 2. Общественная жизнь и духовная культура.....	78
2.1. Социальный код.....	79
2.2. Антропонимический код.....	101
2.3. Мифологический код.....	109
Глава 3. Бытие и природа.....	114
3.1. Растительный код.....	114
3.2. Зоологический код.....	143
3.3. Природно-метеорологический код.....	162
3.4. Пространственно-динамический код.....	173
Глава 4. Материальная культура.....	196
4.1. Предметный код.....	196
4.2. Кулинарно-гастрономический код.....	212
4.3. Технический код.....	226
Раздел III. ЛЕКСИКА ПОЛЯ «ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА» И НАИВНАЯ КАРТИНА МИРА.....	231
Глава 1. Мотивационная организация поля «Интеллект человека» в этнолингвистическом аспекте.....	231
Глава 2. К вопросу об уточнении границ лексико-семантического поля на основании результатов мотивационного анализа лексики.....	245
Глава 3. Двухнаправленные мотивационные связи между полем «Интеллект» и другими лексико-семантическими полями.....	251
Заключение.....	256
Библиографический список.....	260
Сокращенные названия словарей и источников.....	276

Научное издание

Леонтьева Татьяна Валерьевна

**ИНТЕЛЛЕКТ ЧЕЛОВЕКА
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Монография

Подписано в печать 10.02.2014

Электронное издание для распространения через

Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б,

комн. 324. Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru.